

**АЛЕКСАНДР
СТЕПАНОВ**

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

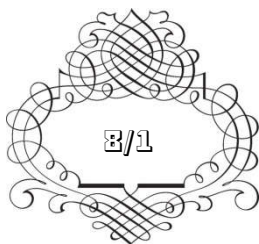

Александр Степанов родился в 1949 году в селе Серебрянка Новосибирской области. Окончил медицинское училище, сельскохозяйственный институт, служил в Армии, работал фельдшером, зоотехником, преподавал в школе. В 1997 году вышла его первая книга стихов «Строго между нами». А.Степанов член Союза писателей России с 2002 года. В настоящее время живёт в городе Волгодонске Ростовской области.

АЛЕКСАНДР СТЕПАНОВ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Моя энциклопедия

Волгодонск
2020

84 Рос 6
С 79

Степанов А.В.

Моя энциклопедия / Александр Владимирович Степанов. – Волгодонск: Самиздат, 2020. 317–с.

Книга «Моя энциклопедия» представляет собой сборник рассказов и анекдотов из жизни автора и его родственников, друзей и знакомых, связанных с ним одной судьбой.

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ

Сразу же признаюсь, никакая это не энциклопедия. Просто захотелось записать свои воспоминания и чужие рассказы о близких мне людях. В этот же текст я решил вставить и рассказы самих героев этой энциклопедии о весёлых или печальных событиях в их жизни.

Не подумайте, пожалуйста, что все события, описанные в этой энциклопедии, имеют точные хронологические и географические адреса. Не пытайтесь уличить меня в каких-либо неточностях в изложении фактов или искажениях биографических данных моих героев. Всё это вполне вероятно, потому что эта книга в первую очередь художественное произведение, а значит, автор имеет полное право на домысел и даже вымысел.

Эта энциклопедия – это я-сам. Всё, что хранится в моей памяти, постарался перенести на бумажный носитель. Лакуны в памяти заполнить не стремился, копаться в

бумагах, документах и памяти других людей не захотел.

Подвигнуло меня на создание энциклопедии не то, что меня кто-то забудет, а то, что утеряются сведения о всех наших предках, родственниках и вообще хороших людях, которые были каким-то образом связаны со мной и нашей фамилией, о которых я ещё мало-мальски помню или знаю из рассказов старших. Кроме меня это сделать уже не сможет никто.

Род **Степановых**, по рассказам Николая Григорьевича Деткова, начинался со Степана (?). Он в то время уже жил в Сибири. После него шёл Платон Степанович, затем Иван Платонович, затем Ефим Иванович – первый кузнец на селе. Благодаря его специальности в Иткуле, где тогда жили Степановы, их никто по фамилии не знал. Практически все считали, что они Кузнецовы. Его сын Илья Ефимович – мой дед, а сын Ильи Ефимовича – Владимир Ильич – мой отец.

Род **Детковых**; Григорий (?) – прадедушка, его дочь Анна Григорьевна – моя бабушка.

Род **Снетковых**: Данила (?), его дочь

Прасковья Даниловна – моя прабабушка, жена Григория Деткова.

Род **Бунеевых**: Иван (?), Василий Иванович – первый поэт среди всех родственников, мой прадедушка и Павел Васильевич (дедушка по матери, которого я никогда не видел).

Род **Масловых**: Анисья Сергеевна – моя бабушка, Сергей (?) – её отец. Жена Павла Васильевича Бунеева.

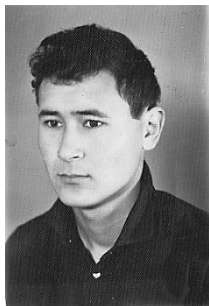
Род **Шировых**: мать бабушки Анисьи. К сожалению, в моей памяти не сохранилось даже её имя.

Я не могу считать эту книгу законченной, потому что в моей памяти всплывают всё новые имена людей, с которыми я общался в этой жизни, новые события, которые почему-то ускользнули от меня. Вначале я решил задержать издание энциклопедии, чтобы пополнить её новыми фактами, а потом подумал: «А хватит ли мне самой жизни, чтобы дождаться окончания работы над ней.

Итак, я выпущу в свет неоконченную книгу. Всё, что вспомнится позже, размещу в другой книге в виде дополнения. И хотя я предвижу, что объём этого дополнения

будет немногим меньше объёма самой книги, оставляю всё, как есть.

Все статьи в книге расположены в алфавитном порядке. Имена выделенные курсивом отсылают к одноимённым статьям.

АБИЕВ ДЖУМАБАЙ

(Абиша), одноклассник и один из трёх лучших моих друзей. Познакомились мы сразу же после моего приезда в *Джебел Туркменской ССР*, где жили мои тётя Тая (*Васильева Таусия Павловна*) и дядя Гена (*Васильев Геннадий Егорович*). Учились мы тогда в восьмом классе, преподавание в котором велось на русском языке. Учился он довольно-таки слабо, хотя и разговаривал на трёх языках, но и в двоечниках тоже никогда не ходил. Возможно, в старших классах он сумел подтянуться, потому что в последующем окончил Московский нефтяной институт имени Губкина и почти всю жизнь работал на буровых вышках.

После распада СССР в Туркменистане усилились националистические тенденции, и казахи были вынуждены уехать на историческую родину – в Казахстан. Уехал туда и Абиша, хотя жил он в Туркмении, по всей видимости, неплохо. В Небит-Даге у

него была хорошая квартира, работой своей он гордился. Жена его родом из Казахстана. Там же жили его тесть с тёщей. В Казахстане следы Абиши потерялись. Попытки отыскать его через интернет, положительного результата не принесли. Не помогло и обращение в телевизионную программу «Жди меня».

* * *

Познакомились мы с Абишей на второй или третий день после моего приезда в Туркмению на спортивной площадке.

– Тебя как зовут? – на правах хозяина спросил он.

– Саша, а тебя?

– Джумабай.

– Прости, я не понял.

– Джу-ма-бай, – чётко по слогам повторил он – а, впрочем, можешь звать Дима.

– Почему? – удивился я.

– Просто потому, что вы, русские, наши имена запомнить не можете.

– Ты чушь сморозил, у тебя нормальное имя, легко запоминается. Джумабай. К тому же и красивое.

Мнение моё не изменилось и до сих пор, хотя в быту он меня звал «Санка», я его Абишей.

* * *

– Никогда не женюсь на казашке.

– Почему? Есть ведь и красивые казашки.

Сам Абиша, положи руку на сердце, был очень красивым парнем.

– Не женюсь. Они штаны верёвками подвязывают.

Женился, как миленький. В последнем письме писал, что к тому времени у него уже четверо детей.

* * *

Как-то он попросил меня:

– Научи писать стихи.

Я пытался объяснить ему, что научить писать стихи невозможно. Человек может писать или нет. Это божий дар.

– Ерунда, – упёрся он, – я научусь, я способный.

И я взялся за это безнадёжное дело. Полчаса я объяснял ему, что такое рифма, мог бы и дольше, но этого времени мне

хватило, чтобы понять, что теоретическая часть ему не даётся.

– Хорошо, прервал я первый этап обучения, – давай попробуем на практике.

Умничать я не стал, а взял урок Цветика из «Приключения Незнайки».

– Подбери рифму к слову «палка».

Он задумался, потом задумался ещё сильнее.

– Нет, – наконец замотал головой он, – это трудно.

Жаль, но поэт из него не получился.

* * *

Абиеву Джумабаю

Что-то грусть поднялась, как туман из ночи,
хищной птицей присела на грудь.

Приходи, милый друг, посидим, помолчим,
может, выпьем вина по чуть-чуть.

Потолкуем о том, что меж нами легли
три границы и снег на висках.

Я живу посреди нашей круглой земли,
ты – в далёких туркменских песках.

Там лишь ветер барханы ведёт за собой,
солнце краску съедает из глаз.

Ты с друзьями стоишь на своей буровой
нефть качаешь из бездны для нас.

Да и я на посту, вахта вроде легка,
не на вышке и не у сохи,
по ночам из глубинных слоёв языка,
словно нефть, добываю стихи.

Не нужны будут нам в этот вечер слова,
я пойму тебя лучше, чем брат.
Если память живёт, значит, дружба жива,
нет границ для неё и преград.

* * *

Бабушка прислала тёте Тае (*Васильева
Таусия Павловна*) посылку с салом. Дома
никого нет. Я сижу и с аппетитом уплетаю
его. Сало вкусное с прослойками мяса,
только что вынутое из морозильной камеры.

Звонок в дверь. Входит Абиша.

— Привет, ты обедаешь? А я хотел
пригласить тебя погулять.

— Что-то не хочется. Садись со мной.

— Нет, нам сало нельзя.

— Ешь, да никому не докладывай.
Попробуй хотя бы.

— Аллах всё видит.

– Аллах видит у тебя дома. А за нами присматривает Иисус Христос. Не бойся, он Аллаху не передаст.

– Ну, если попробовать...

Тёте Тае рассказывал её знакомый машинист паровоза. Он был русским, а два его помощника – туркмены. Когда он доставал сало, чтобы пообедать, помощники его дружно плевали в сторону:

– Тьфу, тьфу, чушка, – показывали пальцами на сало и снова плевались.

– Эй, Махмуд, сходи-ка уголька набери.

Тот выходил.

– Ешь, Ахмед, никто тебя не увидит.

Тот ест сало, нахваливает. Но, как только появляется Махмуд, начинает снова плеваться.

– Хватит тебе плеваться, Ахмед, иди-ка теперь ты поработай.

– Ну, Махмуд, присоединяйся.

Вообще Абиша частенько жаловался:

– Вам хорошо, вы три раза едите. А у нас утром чайка, в обед – чайка, а на ночь едим от пуза, а потом всю ночь мучаемся от обжорства.

Так в принципе жили почти все

туркменские и казахские семьи на забытой богом станции Джебел.

**АВРАЛЁВ
ВАСИЛИЙ
ЕГОРОВИЧ,**

сосед, муж *Авралёвой
Татьяны Михайловны*,
участник Великой
Отечественной войны.
Вернувшись с фронта
работал учителем
трудового обучения и
физкультуры в Серебрянской школе, затем
много лет – совхозным электриком. Первая
жена его умерла, и он остался один с
ребёнком на руках. Ребёнок – Володя
впоследствии был нашим товарищем по
детским играм.

Вторая жена – Татьяна Михайловна –
родила от него двух детей – Толика и Любу.
Родители уходили на работу, а малышей
оставляли на Вовку. А тому, как и всякому
пацану, хотелось побегать по улице. Мы
соберёмся играть, зовём Вовку, а тот просит
Толика посидеть одному. Тот кочевряжится,
ломается, он родной сын у матери, а Вовка

пасынок. Наконец, когда мы уже всей компанией начнём его уговаривать, согласится:

- Иди, только не надолго.
- А сколько это не надолго?
- Десять метров.
- Может, минут?
- Минут.

Но когда мы, довольные победой, доходим до порога, он кричит:

- Всё десять метров закончились.

Мы снова упрашиваем его, тот снова своё. Так и получится, что ни Вовка, ни мы из-за этого чертёнка на улицу не сходим.

* * *

Мама (*Степанова Нина Павловна*) рассказывала:

– Присутствовала я на уроке труда, который вёл Василий Егорович. Что-то они с ребяташками делали из проволоки. Урок проходил нормально, ребяташки слушались учителя и слушали его объяснения, видно, что он мог увлечь ребят. Те работали с удовольствием. Одно меня удивило, почему-то он в течение всего урока называл проволоку проволокой.

– Возьмём кусок проволо́ки, согнём проволо́ку, откусим концы у проволо́ки...

После урока, оставшись с ним наедине, я спросила, почему он проволо́ку называет проволо́кой.

– А ты что, Нина Павловна, книг не читаешь? Вот посмотри, – он взял со стола какое-то методическое пособие, нашёл нужную страницу и торжественно прочитал.
– Проволо́ка, – он даже палец вверх поднял,
– не проволо́ка.

**АВРАЛЁВА
ТАТЬЯНА
МИХАЙЛОВНА,**

соседка, мамина подруга, мой учитель истории, жена *Авралёва Василия Егоровича*, мать Анатолия и Любви Авралёвых. По рассказам взрослых, замуж за овдовевшего Василия Егоровича она вышла своеобразным методом. Однажды они гуляли в общей компании. Василий Егорович немного отяжелел, и она

вызвалась отвести его домой. Утром они проснулись в одной постели. Как порядочный человек он вынужден был жениться. Кстати сказать, ни он, ни она друг на друга никогда не обижались и прожили вместе долгую жизнь.

* * *

Татьяна Михайловна всю жизнь была в трудах и заботах. Работа в школе, неподъёмное домашнее хозяйство, маленькие дети – всё это выматывало. В редкие дни, когда ей удавалось выбраться к нам в гости, она считала минутами блаженства.

Однажды она пришла к нам, как всегда, уставшая, а мы как раз в эти дни купили пластинку с концертом Аркадия Райкина и решили немного развлечь её. Запустили пластинку, слушаем, от души хохочем. Кто-то оглянулся, чтобы оценить реакцию Татьяны Михайловны на райкинские хохмы, и оценил. Она устроившись на кончике дивана беззаботно спала и даже наверное видела счастливые сны.

Мама, увидев это, приложила к губам

палец и жёстами приказала выключить проигрыватель. Райкин против усталости женщины бесславно проиграл.

* * *

Лето. В гости приехала тётя Тая (*Васильева Таисия Павловна*), обед решили устроить во дворе, под открытым небом. Взрослые выносят из дома столы, мы, малышня, таскаем стулья, табуретки, посуду. Мужчины рассказывают смешные истории, женщины, как им и положено, смеются. Пришла и Татьяна Михайловна в новом красивом до умопомрачения платье. Она тоже стоит и тоже смеётся, а сама посматривает по сторонам, оценивает взгляды мужчин и тает под восхищёнными полными зависти взглядами женщин. Да, такого платья, это уж точно, в деревне в те времена не было ни у кого.

Зыркала она по сторонам зыркала, а вот, чтобы посмотреть назад, тям не хватило. Всё время, пока она со всеми смеялась, её кто-то сзади дёргал за подол. Она-то думала, что это кто-то из мужчин заигрывает с ней, а вышло всё гораздо проще. Никем не замеченный телёнок

подошёл потихоньку сзади и пристроился жевать юбку её шикарного платья. Пока она хихикала, он уже дожевал чуть ли не до пояса. Наконец, такое ухаживание ей надоело, а, может, она просто решила посмотреть, что это за мужчина проявляет к ней интерес, и о, ужас! Вместо ухажёра перед ней оказался телёнок, флегматично жующий её драгоценную одежду. Скандал был фееричный: крики, шум, погоня за телёнком (надо же его было загнать в стайку), слёзы, отпаивание валерианкой и в то же время смех, ехидные советы. Мама побежала бегом в дом, принесла какую-то старенькую юбку, в которую укутали Татьяну Михайловну. Она с обидой, но гордо покинула место фиаско. Правда, на этом инцидент исчерпан не был. На другой день мамина подруга принесла остатки роскошного одеяния, из которого мама сшила себе «дорогую» юбку, потому что за испорченное платье пришлось заплатить кругленькую сумму.

* * *

Однажды Борис Григорьевич (*Ионин Борис Григорьевич*) помог своему другу

зарезать коня, тот угостил его большим куском мяса. Традиции поедания конины в нашей семье не было, решили всё мясо перекрутить на фарш, и сделать из него котлеты.

Котлеты уже жарились, когда на огонёк заглянула Татьяна Михайловна. Она сразу смекнула, что пришла вовремя, и завела разговор на кулинарную тему. В первую очередь, о котлетах, вернее, о мясе, из которого эти котлеты готовят.

– Я люблю котлеты из свинины – они сочные и воздушные, а вот говяжьи суховаты. Я, если честно, сразу могу отличить, из какого мяса они сделаны.

Маму эта похвальба заинтересовала.

– Михайловна, садись за стол, отведай наших котлеток.

Та, естественно, просить себя дважды не заставила, села за стол, ест котлетки, нахваливает.

– Мне кажется, – многозначительно проговорила она, – эти котлеты из свинины и говядины. Того и другого поровну.

– Попала ты, Михайловна, пальцем в небо, – вмешался Борис Григорьевич, – котлеты полностью из конины.

– Ха-ха-ха, – засмеялась та, – ну и шутник же ты, Борис Григорьевич, да я бы котлеты из конины сразу почуяла, я бы их и в рот не взяла.

– Не обижайся, Татьяна Михайловна, но котлеты на самом деле из конины. Борис помог Середе зарезать коня и тот угостил нас мясом.

– Ну чудеса, – покачав головой сказала она, – никогда бы не подумала, что котлеты из конины будут такими вкусными. А я думала, если съем, то меня вывернет, или я сразу же помру.

– Ешь, ешь, не наговаривай на себя, – продолжала потчевать гостью мама.

* * *

Татьяна Михайловна приехала из Чулыма не с пустыми руками. Привезла, наверное, всякой вкуснятины. А тут и мы подросли в гости. Я, Павлик, мой старший брат, и её малолетний деверь Колька Авралёв. Мы в то время играли у Татьяны Михайловны во дворе с её пасынком Вовкой. Мне было лет шесть, Павлику и Вовке на два года больше. Самый старший из нас был Колька, он уже, наверное, разменял десяток.

Когда мы вчетвером ввалились в дом, надеясь на дармовое угощение, Татьяна Михайловна вошла в ступор. Таковую ораву не накормишь, но и не угостить нельзя. И она нашла выход из тягостной ситуации, достала из сумки обычный пряник, разрежала его на четыре части и вручила каждому из нас по четвертинке. А потом потихонечку, помаленечку выпроводила гостей из дома.

Я был доволен, много ли надо бестолковому шпингалету, и уже собирался затолкать свою долю в рот, уже и слюну пустил, но тут выступил Колька.

– Вот скряга, не могла уже по прянику дать. Пусть подавится этой подачкой.

И с размаху запустил свой кусочек в огород. Павлик и Вовка последовали его примеру. Я подождал немного, жалко было расставаться с лакомством, но дружба есть дружба, хоть и с сожалением тоже швырнул свою порцию вслед за старшими.

* * *

Демократию и всё связанное с ней Татьяна Михайловна не приняла. Несмотря на пенсионный возраст, вступила в КПСС и

стала ярым пропагандистом коммунистического светлого будущего. Она не пропускала ни одного партсобрания. При всяком удобном случае, при всякой неудаче новых властей она публично говорила об этом, предрекая демократам скорую гибель.

Одним из аргументов против нового порядка она считала отсутствие заботы о населении.

– Вот мне, пенсионерке, на что рассчитывать, кто позаботится? Разве на эту пенсию я проживу? (В это время она уже жила одна.)

– Да что ты, Татьяна Михайловна, – утешала её мама (*Степанова Нина Павловна*), – много ли нам пенсионерам надо.

– Много ли мало, – упёрто возражала та, – а в день 500 граммов мяса на человека надо. А кроме того надо молоко, сахар, и она привела полный список продуктовой корзины.

– Михайловна, да разве ты съешь полкилограмма мяса в день?

– Конечно, съем. А ты разве не съешь?

– Да ни за что. Господь свидетель.

* * *

Муж её, Василий Егорович, работал электриком в совхозе. Время от времени мужики «соображали» и сидели где-нибудь в укромном местечке, не вспоминая о своих служебных обязанностях. В то время электроснабжение было налажено плохо, и отключение света было нередким явлением. В дни, когда Василий Егорович дежурил и находился в изрядном подпитии, во время отключения света Татьяна Михайловна брала фонарь «летучая мышь» и уходила в ночь, искать причину неполадки. И находила, кто её устранял, не знаю, может быть, пока она ходила по селу, Василий Егорович приходил в себя.

* * *

Два пенсионера Василий Егорович и Татьяна Михайловна купили «Москвич». Ни он, ни она никогда за рулём не сидели. Татьяна Михайловна, недолго думая, записалась на водительские курсы. Как уж она там училась, не знаю, но права всё-таки получила. За это время Василий Егорович сварил надёжный металлический гараж.

В один прекрасный летний день они

на собственном автомобиле решили поехать на природу, чтобы там по-человечески отдохнуть. Слово – дело. Василий Егорович на правах хозяина выгнал машину из гаража. Татьяна Михайловна поставила в багажник сумку с продуктами (как-никак уезжали на весь день), с гордым видом села на переднее сиденье. И только видели их.

Как они отдыхали на природе, одному богу известно. Но под вечер до дома они всё-таки добрались. Осталась малость – поставить машину на место. Татьяна Михайловна вылезла из машины, открыла ворота, махнула рукой, мол, поезжай. Василий Егорович пипикнул, газанул и промахнулся, не вписался в проём ворот.

Началась перебранка, в результате которой право парковки машины получила супруга. Она сдала назад, тоже газанула и тоже не вписалась, то теперь была разбита левая сторона машины.

Василий Егорович собрался было попробовать ещё раз, но благоразумие Татьяны Михайловны одержало верх. Она пошла к соседу и попросила его загнать автомобиль. Сосед работал шофёром и всё сделал как надо.

Больше они на машине никуда не ездили, а когда Василий Егорович умер, Татьяна Михайловна подарила, а может, и продала её своему племяннику.

* * *

Татьяна Михайловна была строгим учителем. В молодости она всё видела, что делается на уроке, умело управляла нашим поведением и вообще образовательным процессом. Но к старости положение дел стало меняться и не всегда в лучшую сторону. Большое домашнее хозяйство укатывало её, как сивку крутые горки. Она приходила на уроки неподготовленной, весь её багаж знаний остался на уровне института. Она почти не ухаживала за собой, могла прийти в школу в кирзовых сапогах и каком-нибудь затрапезном платье.

Всё чаще и чаще она заставляла учеников готовиться на уроке самостоятельно. В классе тогда устанавливалась тишина. И если кто-нибудь вдруг позволял себе зашуметь, на него сразу сыпались предостерегающие слова:

– Тише ты, Татьяну Михайловну разбудишь.

А она, правда, сидела за столом с закрытыми глазами. Никто не знает, спала ли она или предавалась своим старческим мыслям, но нам в крайнем случае ничем не мешала.

**АЛБУЛ
ЛИЛИЯ
ГЕННАДЬЕВНА**

(в девичестве Ионина),
дочь *Иониных Геннадия
Борисовича и Надежды
Николаевны*, моя
племянница.

Родилась и выросла в
Серебрянке, окончила
школу, Новосибирский педагогический
университет по специальности «Начальное
образование». Муж – Албул Евгений,
сыновья Богдан и Славик. Живёт и работает
в Новосибирске в одной из школ города.

* * *

В первый год своего замужества она с благоверным супругом приехала к нам в гости в Ростовскую область. В тот год стояла необычайно жаркая погода: с мая не

выпало ни одной капли дождя, трава высыхала на корню, деревья сбрасывали зелёную листву, всё живое пряталось в тень и лишь к вечеру выползало на улицу, уставшее, распаренное, словно только что из парной.

Прожили они у нас не больше недели и засобирались домой. Я понимал, что им у нас не понравилось. Во-первых, нечем было заняться, во-вторых, мест купания у нас немного, в-третьих, в тот период, когда они приехали, не было ещё ни фруктов, ни винограда.

Прошло некоторое время, я разговаривал с Лилей по телефону.

– Приезжайте к нам в гости, – пригласил я.

– Что ты, дядя Саша, – испугалась она, – в вашу Сахару я больше ни ногой.

Оказывается всё их устроило в наших краях, а вот погода подкачала.

* * *

– Ну и что, что ноги кривые. Я никогда не комплексую по этому поводу. И вообще, кто сказал, что кривые ноги не красивы.

Когда Женя Албул впервые увидел Лилию, он сразу же влюбился. Влюбился с первого взгляда и навсегда. Но Лилия даже мысли не допускала, что у неё будет такой жених. Во-первых, он не был эталоном красоты, во-вторых, мужскую фигуру портила в некотором роде полнота. Долго она отбрыкивалась от его ухаживаний и даже обижалась, если кто-нибудь из посторонних называл их жених и невеста.

Однако время шло, Женя не смотря на Лилину строптивость не отступал от своей цели ни на мгновение. Наконец, и её сердце смягчилось, она поняла, что человек он замечательный и лучшей пары для совместной жизни найти трудно. И она не ошиблась, дала согласие на замужество и вот теперь живут в согласии, любят друг друга и растят детей.

Помню, Лилин отец (*Ионин Геннадий Борисович*) не сразу одобрил выбор дочери. Но и он со временем зауважал зятя, поскольку тот оказался и добрым, и умным, и умелым, а самое главное любил семью.

**АЛЛЕН-ДУБОВСКАЯ
ОЛЬГА
ГЕННАДЬЕВНА,**

урождённая Васильева, вторая дочь *Васильевых Геннадия Егоровича и Таисии Павловны*, родная сестра *Елены Геннадьевны Васильевой* и *Натальи Геннадьевны Саловой*, моя двоюродная сестра.

* * *

Когда тётя Тая умерла, Ольге было лет пять, а Леночке один год. Дядя Гена вторично женился. Ольга сразу же угадала непростую сущность мачехи. Наташу (*Салова Наталья Геннадьевна*) она мигом выпроводила из дома в общежитие, а Ольгу превратила в Золушку. Всё время она старалась внушить родне и самой Ольге, что та способна не на многое. Когда Ольга училась в восьмом классе она уже определила её будущее. И дядя Гена (*Васильев Геннадий Егорович*) согласился с этим. Да, Ольга пойдёт в ГПТУ, будет учиться на цветовода.

Но наша родня выступила против. И Ольге разрешили самой выбрать училище или техникум. Она выбрала и окончила торговый техникум по специальности связанной с печатью и книжной торговлей. По окончании его она уехала в Москву, куда обычно уезжают креативные люди, окончила институт. А потом всё было, как в российских сериалах, вышла замуж, родила сына, от которого папа отказался, вышла второй раз замуж за гражданина Великобритании. Это было время, когда иностранцы считались самыми завидными женихами. Однако принимать европейские ценности она долго не смогла.

Мы с Женей в те же времена собрались в Москву, остановиться решили у Ольги. Созвонились, она встретила нас на вокзале, привела домой.

Жила она в одной комнате двухкомнатной квартиры вместе с подругой Нелей, татарочкой из Бугульмы, которая тоже мечтала выйти замуж за гражданина Швеции. Она целый день сидела у телефона и ждала звонка своего наречённого. Мы все думали, что её ждёт европейское счастье, при нас швед выслал деньги на билет,

каждый день телефонными звонками подпитывал её желание уехать из России.

А потом вышло всё, как в стихотворении Жени Лазарчука (*Лазарчук Евгений Александрович*):

«С красным ртом и синими глазами
Я невестой ехала сюда...
Не житьё пошло, а выживанье...
Красные глаза и синий рот».

Сбежала она из этой хвалёной Швеции, а вскоре приказала нам всем долго жить.

Ольга тоже вышла за иностранца и тоже недолго прожила с ним. Англия её не устроила, а он не захотел остаться в России

* * *

Мачеха невлюбила Ольгу, и та, конечно, её не жаловала. Как-то она гостила в Серебрянке и в пылу откровений сказала бабушке (*Бунеева Анисья Сергеевна*):

– Я никогда свою маму не забуду. и Леночке буду говорить, что эта нам не родная. Пусть знает.

Правда, по чести сказать, мачеха никогда не обижала младшенькую.

* * *

В детстве у Ольги была одна, «но пламенная страсть». В любое время, в любом месте она удобно устраивалась с книгою в руках и улетала в мир книжных фантазий. Что это была за книга, по-моему, её сильно не интересовало. Просто читала и забывала о своей не очень лёгкой жизни.

Окончив школу она поступила в техникум, где получила специальность товароведа книжной торговли, после чего была направлена на работу в Белорусскую ССР. Там она работала недолго, потому что поступила в Московский институт печати и книжной торговли. Окончив его, осталась в Москве, вышла замуж, родила сына Гену. Однако с мужем не пожилось. Они расстались довольно цивилизованно без скандалов, упрёков и подозрений.

А через какой-то срок вышла замуж за англичанина, который профессионально занимался русской литературой, прекрасно знал русский язык. На некоторое время она с Геной уехала в Бирмингем, где жил муж, но и там не прижилась. Это путешествие почти не повлияло на неё, а вот на Геночку повлияло. Он там некоторое время учился в

английской школе и кое-что успел перенять у англичан.

Когда умер дядя Гена и гроб с телом привезли во двор, откуда собирались переправить его в Серебрянку, Гена долго смотрел на деда, а потом спросил меня:

– А что дед теперь вампайром станет?

– Нет, твой дед был добрым человеком, он вампиром не будет.

– Будет, будет, все, кто умирают, становятся вампайрами.

* * *

Однажды мы с Женей (*Шаймуратова Евгения Александровна*) решили съездить в Москву, а там остановиться у Ольги. Я позвонил ей, она обрадовалась и настоятельно пригласила к себе в гости.

Мы и поехали. Ольга встретила нас на вокзале. Пообнимались, поцеловались, и она повезла нас к себе в Кузьминки. Она жила в комнате двухкомнатной квартиры с подругой и котом. Геночки дома не было, он гостил в Новосибирске. Как радушная хозяйка, она завела нас в комнату и сразу же представила нам кота:

– Знакомьтесь, это кот Тишка, он

живёт с нами уже пять лет.

Возле окна с книжкой сидела молодая девушка, по виду Ольгиных лет. Она, видимо, считала, что Ольга и её представит нам. Но та что-то засуетилась, не зная куда усадить дорогих гостей, что о подруге просто напросто не вспомнила.

– Интересно, подруга, – не выдержала та, – с котом гостей познакомила, а со мной не хочешь что ли?

– Ой, ой, – засмушалось Ольга, – надо же так промахнуться.

Но потом торжественно познакомила нас. Подругу звали Нелли, татарочка из Бугульмы. Она ждала вызов к своему жениху в Швецию, а пока ничего не делала и составляла Ольге компанию для приятного времяпровождения. Подруги вместе учились, обе получили достойное образование, имели в жизни схожие цели.

Мы гостили у Ольги недолго, через три дня уже уехали. О судьбе её и Нелли узнали опосредованно от родственников. Нелли замуж за шведа не пошла, съездила туда в гости, посмотрела на их уклад жизни и вернулась назад с убеждённостью никогда больше не думать о браке с иностранцами.

Желание её исполнилось в полной мере, но по независящим от неё причинам. Вскоре она заболела и умерла. Трудно представить, что всё это произошло в Москве, а смерть наступила от банальной пневмонии.

Ольга тоже развелась со своим иностранцем, вырастила сына, который выучился на юриста. Но в последние годы она почему-то перестала общаться с родственниками даже со своими родными сёстрами.

**БАЛАЧАН
ВЛАДИМИР
ФЁДОРОВИЧ**

(настоящая фамилия Дыркин) – мой товарищ, русский советский и российский поэт, родился в Барабинской деревне Старо-Ярково, что в Новосибирской области, в 1939 году. После службы в Армии жил в Куйбышеве, где мы и познакомились. Тогда он работал заведомо горкома комсомола. Волею случая я был избран секретарём

комсомольской организации медучилища. В горкоме мы впервые и встретились. Через какое-то время он перешёл работать в редакцию районной газеты «Трудовая жизнь», где организовал литобъединение «Тропинка».

У него я начинал учиться стихосложению. В этом же литкружке познакомился с Женей Лазарчуком (*Лазарчук Евгений Александрович*), который тогда же и написал эпиграмму на нашего учителя.

*Как бы вы не гыркали,
чем бы вы не грезили,
всё равно вы дырка
в калаче поэзии.*

* * *

Позже, когда я сам работал в газете, Владимир частенько забегал в редакцию. Первыми словами после приветствия была просьба оставить дела и послушать «стишата». Работал он над ними много и отвлекал нас от дел минут на 20-30 в день. Частенько, когда материал в газету был сдан, он терзал нас с *Иваном Быковым* и гораздо дольше. Но в это время он уже был членом

Союза писателей Советского Союза, и Репин, наш редактор, относился к нему как-то доброжелательно. В крайнем случае, мне лично за общение с ним в рабочее время никаких замечаний не делал.

* * *

Первая его книга стихов «Теплынь» вышла в Новосибирском книжном издательстве в 1969 году. Владимир работал тогда в редакции и редактор Василий Павлович Репин, как умный человек, разрешал ему заниматься подготовкой сборника даже в рабочее время. Книга готовилась основательно при непосредственном участии редактора Александра Плитченко, который уже был членом СП СССР. Как рассказывал сам Балачан, за время подготовки книги было выпито не менее двадцати бутылок коньяка. Скорее всего, это преувеличение, но одно знаю точно, что книги в то время с бухты-барахты не издавалась.

Книга получилась хорошей, потому что автор – хороший поэт, редактор – тем более. Через какое-то время Александр Плитченко стал руководителем Сибирского

отделения писателей. У меня хранится эта книга Владимира Балачана с надписью «Саше Степанову на добрую память с надеждой на его поэтическое будущее. 20 апреля 1970 года. г. Куйбышев». Интересно, что ровно через три года, в 1973 году, презентуя мне вторую книгу «Добрая погода», он оставил такую надпись: «Саше Степанову на добрую память. Пиши добрые стихи! И ты обязательно станешь добрым поэтом. 20 апреля 1973 года. г. Куйбышев».

* * *

В 1980 году вышел новый сборник стихов Балачана «Своя дорога». В нём впервые было опубликовано стихотворение «Золотые слова». На эти стихи известный новосибирский композитор Н. М. Кудрин написал песню «Хлеб — всему голова», которая с тех далёких лет стала известной в СССР, как немногие другие.

Сейчас песню на слова Балачана с успехом исполняет Кубанский казачий хор. Правда музыка уже другая, её написал руководитель хора Виктор Захарченко, который в своё время жил и работал в Новосибирске. На мой взгляд песня,

написанная Кудриным, намного интересней и величественней. А может быть, в исполнении Сибирского народного хора она мне понравилась больше.

* * *

Балачан не псевдоним, а фамилия его жены, она ни под каким предлогом не хотела быть Дыркиной, и чтобы не потерять красивую и хорошую девушку, Владимир согласился взять её фамилию. Так под этой фамилией он и прожил всю жизнь, создал себе литературное имя.

Он ещё был совсем зелёным поэтом, едва-едва вышла первая книга, как его направили в Москву на Всесоюзное совещание молодых писателей. Рассказывал он о нём много, но всё как-то не по существу. По существу вышло другое. На каком-то семинаре или на собеседовании кто-то из мэтров спросил, над чем он сейчас работает.

– Пишу поэму о Владимире Ильиче Ленине.

Такое заявление было беспрюирышным, потому что на него по всем правилам советской ленинианы следовал вопрос:

– Может, вам какая-нибудь помощь нужна?

– Нет, – бодро ответил Володя, – у меня всё есть, правда писать приходится в туалете, когда семья спать ляжет.

– Отчего же?

– Квартира у меня однокомнатная и на расширение пока надежды нет.

Прошло немного времени, и в горком партии Куйбышева пришло письмо из Москвы. Секретарь Союза писателей СССР убедительно просил помочь молодому дарованию в улучшении жилищных условий. Горком партии совместно с горисполкомом сочли возможным откликнуться на просьбу писателей и выделили Владимиру четырёхкомнатную квартиру. Так у него появился настоящий кабинет.

Вот только поэму о Ленине он так и не написал. Более того, через некоторое время уехал на постоянное место жительства в Омск, где пообещали, по-видимому, более существенные льготы. Да и райцентр с областным городом не сравнишь.

Там и вправду его творческая деятельность расцвела. Он издал ещё несколько поэтических сборников.

**БЕЛЫШЕВ
ВЛАДИМИР
ДМИТРИЕВИЧ**

– шофёр, много лет безотказно работал в Серебрянской участковой больнице, где в то время я был заведующим. Родом он из Сарыкамышки Чулымского района Новосибирской области, где жили его многочисленные родственники. Туда он ездил с превеликим удовольствием, хоть днём, хоть ночью, в другие деревни с явной неохотой.

* * *

Едем по улице на вызов. В школу идут ученики на последний звонок. Все красивые, разнаряженные, ног под собой не чуют. Владимир смотрит на них с каким-то недовольством.

– Что тебе ребятишки не нравятся? – спрашиваю его.

– Нравятся. Но я не об этом. Вон, посмотри какая девчонка идёт. Вся в бантах да кружевах. Ты думаешь, она пойдёт

работать на ферму? – И сам себе отвечает, – да никогда. Лучше она в городе будет полы мыть, если ума не хватит на кого-нибудь выучиться.

* * *

На перекрёстке видимость справа скрывает кустарник. Он всегда притормаживает и говорит:

– Владимирович, погляди, машины справа нет?

– Нет, – отвечаю я.

Он смеётся:

– Поехали, а в это время в бок трактор «бац».

В следующий раз в бок въезжал мотоцикл, велосипед, самоходка и даже мужик верхом на лошади.

* * *

Проходит мимо красивая молодая женщина. Он смотрит ей вслед:

– Какая красивая, пальчики оближешь, – а потом, помолчав добавляет, – а ведь, наверное, тоже кому-нибудь уже надоела.

**БЕЛЯЕВ
ЛУКА
ФЕДОРОВИЧ**

работал ответственным секретарём районной газеты «Трудовая жизнь» (г. Куйбышев Новосибирской области) в то время, когда я делал первые шаги, как газетчик. В годы войны

Лука Фёдорович – военный корреспондент, сотрудник дивизионной газеты.

* * *

Володя Легенза (литсотрудник сельхозотдела газеты «Трудовая жизнь», студент заочник факультета журналистики МГУ) выписывал газету на польском языке. Это был еженедельник полос на 15-20, который доставляли в редакцию. Естественно, что почту почтальон по адресатам не разносил, а всё сваливал в отделе писем.

Первым к ней получал доступ Лука Фёдорович. Он и приносил эту Володищу газету в наш кабинет. Приносил не просто так, а совершая раз и навсегда

установленный им же ритуал.

Всё дело в том, что на последней странице под рубрикой «Дивчина тыгодня» (за точность поименования рубрики не ручаюсь) публиковали фотографию красивой полуобнажённой девушки. В наших изданиях сделать что-нибудь подобное было бы преступлением.

Лука Фёдорович приносил газету, торжественно клал её перед Володиёй и начинал смеяться. Нет не над Володиёй, не над девушкой, а над Гереком (Первым секретарём ЦК Польской объединённой рабочей партии), поскольку в этой газете его портрет в том или ином ракурсе подавался на первой полосе.

Казалось бы ну и что. Он на первой полосе, а она на последней. Но для газетчика, каким до мозга костей был наш ответственный секретарь, это и было смешным, потому что газета печатается разворотами, и эти два человека во время печати оказывались рядом. Замечания на эту тему всегда были одинаковы и знакомы нам до последнего слова, но всё равно мы с радостью смеялись вместе с ним.

Заходит в кабинет Лука Фёдорович, приносит мой материал, который я только что сдал ему.

— Я тебе заголовок заменил.

А я и не сомневался, поэтому и не думал над ним. И вообще в редакции над заголовками никто не думал. Всё равно он поменяет. Редко, когда одобрит чью-нибудь находку.

— А ещё, — продолжает он, — я у тебя первый абзац вычеркнул. Кому это интересно, как ты добирался до места назначения на редакционной машине.

— Хорошо, согласен.

— Ну и последний тоже.

Вздохнёшь, бывало, и тоже согласишься. А наутро прочтёшь свой материал в газете и только диву дашься: «Неужели это я сам так здорово написал.

А как-то, я тогда ещё учился в медучилище и не был знаком с Лукой Фёдоровичем, принёс в редакцию своё стихотворение строк на тридцать и отдал его в отдел писем. Я-то считал собственное творение чуть ли не гениальным. Терпеливо ждал его появления в газете. И оно

появилось и состояло всего из двенадцати строк. А под ним примечание: стихи к печати подготовил Л. Беляев.

* * *

Когда в редакции заходил разговор о поэзии Лука Фёдорович всегда произносил весомые фразы, как будто он сам был стихотворцем. Я как-то поинтересовался этим у давнишних работников. Они подтвердили, что действительно, будучи ещё военкором он написал стихи о военном истребителе, а кто-то написал музыку, и получилась песня под названием «Ястребок». Вот именно поэтому он считал своим правом судить о стихах других людей. Кстати говоря, в то время, когда я работал в редакции, никто из нас не мог похвастать, что у него есть песня, написанная на его стихи. Правда услышать песню Луки

Фёдоровича так и не удалось. Он обещал когда-нибудь спеть, но обещание так и не выполнил. Искал я эту песню в интернете, но, увы, там её тоже нет. А жаль. А теперь продолжение. Мне повезло, в интернете нашлась небольшая заметка Ивана Быкова (*Быков Иван Иванович*) о Луке Фёдоровиче, которая не соответствовала моим представлениям о его писательском мастерстве. Не знаю, правильно это будет или нет, но я решил поместить эту заметку сюда. Пусть она будет иллюстрацией того, что память о человеке порой хранит то, что не совсем соответствует действительности.

Воин, поэт, журналист

*Горизонт на закате окрашен пожаром,
Лезет банда на нас, кровожадна, дика,
Встал советский народ, чтоб могучим ударом
Опрокинуть, разбить, уничтожить врага...*

Это начальные строки стихотворения, опубликованного в номере Куйбышевской районной газеты «Знамя стахановца» за 6 июля 1941 г. Под стихотворением подпись: Л. Беляев.

«Принять на работу в редакцию и назначить ответственным секретарём газеты

Беляева Луку Фёдоровича...» – это строки из приказа по редакции газеты «Знамя стахановца» от 26 августа 1936 г., то есть в год создания газеты. С того дня и до своего ухода на заслуженный отдых Лука Фёдорович оставался сотрудником редакции.

Правда, был перерыв в годы Великой Отечественной войны, когда он добровольцем ушёл на фронт, но и там с журналистикой не расстаётся: был сотрудником дивизионной газеты. И там не только готовил боевые корреспонденции и репортажи, но и «вёл огонь по врагу» сатирическими куплетами, вдохновлял солдат и офицеров тёплым, сердечным стихом о родных краях, о земляках:

*Не грусти, Семёновна,
Проводив солдат,
Мы придём, Семёновна,
Вновь к тебе назад.
Стёжскою-дорожскою
С песнею, с гармошкою
Мы придём назад...*

То был Калининский фронт, затяжные бои на российских равнинах. А вот строки, родившиеся в боевом походе по заграничным Карпатам:

*Мы встали, и по-русски рванулось
Обвалом загремевшее «Ура!»,
Стеной огня хлестнули наши пули,
И будто вовсе снизилась гора.
Не мог сдержать лавину
Железный свист и ржавый скрежет мин...
И не туман тогда закрыл вершину,
А пар от наших разогретых спин.*

О вкладе нашего земляка в победу ярче всяких слов говорят его боевые награды: орден Красной Звезды и медаль «За отвагу». А мирный его труд – это более трёх десятков лет напряжённой журналистской работы. Это сотни его талантливых лирических, сатирических стихов и фельетонов.

И. Быков

В кн.: Солдаты Победы. – Новосибирск:
Новосибирское книжное издательство, 2005.

БИРЮЛЯ, многодетная семья, переехавшая в Серебрянку из Воздвиженки. Наши семьи дружили на протяжении многих лет. Николай, Владимир и Павел Бирюля – каждый в своё время работали с дядей Володиёй (*Бунеев Владимир Павлович*), были помощниками киномеханика. Мне же

довелось тесно общаться с Виктором Афанасьевичем и Павлом.

Каждую субботу наша семья дружно ходила к Бирюле в баню. Выйдя из бани в зимнее время, обсыхали у них в доме. В это время тётя Лена (*Бирюля Елена Михайловна*) усаживала свою огромную стаю ребятишек за стол, доставала из печи чугуны с картошкой и ловко пускала её вскачь по столу. Пока картошка катилась, ребятишки успевали схватить её. Цоп-цоп и нет картошки. До последнего, бывало, она и не докатывалась. Но у тёти Лены для последних всегда был резерв. Голодными не оставался никто. Она и нас всё время приглашала поужинать, но мы с Павликом стеснялись, да и помнили бабушкин наказ: «За стол не садиться, у них и так ртов немереное количество».

Мы никогда ни на минуту не забывали бабушкино наставление, хотя поесть картошки хотелось до боли в животе.

Придя домой, мы тут же требовали картошки, мама или бабушка быстренько готовили её и усаживали нас за стол. Увы, эта еда не вызывала аппетита. Во-первых, её было вдоволь, ешь – не хочу; во-вторых,

картошка была очищена от кожуры и, в-третьих, что было, наверное, самым главным, дома не было этой шумной компании, которая одним своим краснощёким видом, шутками, прибаутками, возбуждала у наблюдающих за ними волчий аппетит.

Говорят, хорошо смотреть на огонь, на текущую воду, на работающих людей, а я бы добавил и на тех, кто с аппетитом ест. Правда в то время практически никто богато не жил и отсутствием аппетита особо не страдал.

**БИРЮЛЯ
АФАНАСИЙ
АНДРЕЕВИЧ**

— глава большого семейства, жена *Елена Михайловна*, дети *Виктор, Николай, Владимир, Валентина, Александр, Пётр, Павел, Екатерина*.

Родом из п. Сарыкамышка в то время Каргатского района Новосибирской области. До войны работал разнорабочим. Призвали на фронт в 1941 году. Воевал на

Ленинградском фронте. После тяжёлого ранения в 1943 году был демобилизован. В последние годы жизни работал завхозом в Серебрянской школе.

* * *

В школе ЧП. Кто-то из ребятишек разбил окно. Желающих признаться в этом не нашлось. Педагоги уже опустили руки и расписались в своём бессилии. На месте «преступления» был третий или четвёртый класс. Всего один класс, но... Стояли, как партизаны, сами не признавались, и никого не выдавали.

И тут на помощь педагогической науке пришёл Афанасий Андреевич. Он собрал всех мальчишек, дал каждому по спичке:

– Зажмите спички в кулаке и, не задерживаясь, обежите вокруг школы. У того, кто разбил стекло, спичка подрастёт.

Ребятня гурьбой побежала выполнять задание.

– Вот, вот, – прибежавшие мальчишки показывали свои спички. Ни у кого они не подросли, и только у самого последнего немного укоротилась. Он очень боялся, что

его спичка подрастёт, потому и отломил от неё маленький кусочек. На всякий случай.

**БИРЮЛЯ
ВИКТОР
АФАНАСЬЕВИЧ**

– сын *Бирюля Афанасия Андреевича* и *Елены Васильевны*, мой товарищ, прожил в родном селе интересную и довольно сложную жизнь. Сделал

головокружительную карьеру, начав свою деятельность возчиком хлеба в сельпо, продолжив секретарём комсомольской организации, бухгалтером, председателем рабочего комитета, секретарём партийной организации. Закончил же свою карьеру директором совхоза. Без отрыва от производства окончил техникум, позже институт по специальности экономист. Учились мы с ним в одно время, нередко мне приходилось помогать ему: писать контрольные и курсовые. Но это мелочи, главное, что он настойчиво продираясь сквозь тернии, сумел пройти намеченный путь до конца

* * *

Надумали мы с женой поехать в Серебрянку, навестить родственников. Что ни говори, но посетить родные места, повстречаться с близкими и знакомыми, оживить память время от времени, наверное, стоит. Встретили нас хорошо, посидели за столом, пообщались, погуляли с Валеёй по деревне. Вроде бы всех повстречали, со многими пообщались. Однако не со всеми. Больше всего мне хотелось встретиться с Толиком (*Санин Анатолий Александрович*) и Виктором Афанасьевичем. Я знал, что и тот и другой остались одни. От Толика ушла жена, а у Виктора Афанасьевича умерла мать, с которой он долгие годы жил вместе. Вначале зашёл к брату. Он жил в родительском доме, на который, кстати, никто не претендовал. После смерти тётки Тони (*Санина Антонина Павловна*) он остался единственным и полноправным хозяином.

Когда я пришёл, Толик ещё спал, однако, когда я его толкнул, быстро раскрыл глаза и немного удивился:

— О, Сашка, — посиди немного, я сейчас в магазин сгоняю.

– Что ты, что ты, не гоняй, я не пью.

– А зря.

– Понимаю. Давай лучше поговорим.

Но говорить со мной ему было не о чем, да и мне сидеть у него в доме, который уже давно, видимо, превратился в свинарник, не было желания. Я попрощался и отправился к Виктору Афанасьевичу.

Больше всего я боялся, что и там увижу что-нибудь подобное. Виктор Афанасьевич увидел меня в окно и выскочил на улицу, чтобы встретить. Когда я сказал, что иду специально к нему, чтобы проводить, он прослезился, позвал в дом. Какие слова надо найти, чтобы описать жилище одинокого мужчины, не знаю. Меня поразила чистота во всех комнатах, какая-то особая атмосфера и уют, которые могут создавать только женщины. Занавески, салфетки, клеёнка на кухонном столе, покрывало на кровати, чистые полотенца, наволочки, половики, сверкающая чистотой мебель – как приятно было сознавать, что я попал из ада в рай.

А ещё. Он позвал меня:

– Иди, Владимирович, посмотри, это мамина комната. Он открыл дверь в комнату,

где последнее время жила тётя Лена, мать Виктора Афанасьевича, и я увидел, что на самом деле способен сделать любящий сын в память о матери. Он сохранил все её вещи вплоть до напёрстка, не поменял ни одной детали интерьера той комнаты.

Вот так можно остаться одному и остаться человеком, а можно забыть всё человеческое и оскотиниться. Через несколько дней после нашего отъезда из Серебрянки Толик умер, не оставив после себя даже доброй памяти.

* * *

Говорят, что по силе рукопожатия можно судить о характере человека: чем крепче рукопожатие, тем сильнее, твёрже характер. Может быть, это и так, только к Виктору Афанасьевичу это утверждение никоим образом не относится. Его рукопожатие всегда было вялым, слабым. Казалось бы и характер его должен быть таким же. Но нет. Он всегда знал, что делать, видел цель, к которой мог иногда шагать даже по чужим головам. Переубедить его отвернуть от выбранного пути было невозможно. У него по любому поводу было

своё мнение. Не всегда правильное с моей точки зрения, но всегда своё. И даже его любимая фраза: «Время рассудит» говорит не только о его нерешительности, не конфликтности, но и попытке таким образом сохранить за собой возможность иметь своё собственное мнение.

* * *

Коновалова Любовь Александровна – молодая красивая, работающая женщина, моя коллега по работе в редакции. Виктор Афанасьевич в это же время самый известный в районе селькор. Она развелась с мужем-красавцем, который оказался пьяницей и вдобавок дебоширом. Виктор Афанасьевич тоже жил один, вернее с матерью. Он никогда не был женатым. Среди деревенских ходили слухи, что на службе в Армии он облучился, поэтому не мог иметь детей. Но разговоры разговорами, а на самом деле никто не знает, почему он так и остался холостым.

Однажды Любовь Александровна спросила меня:

– А почему Виктор Афанасьевич не женат?

Я ответил, что точно не знаю. В крайнем случае, он мне об этом ничего не говорил.

А она мне:

– Поговори с ним, может быть, он захочет жить со мной.

– А вдруг он и в самом деле не состоятельный мужчина.

– Ну и что. Это ведь не самое главное. Для меня важно, что он добрый и сильный человек. Для меня важно, чтобы рядом было сильное крепкое плечо мужа.

* * *

– Виктор Афанасьевич, ты же видишь, что Кондратьев (директор совхоза) не прав?

– Вижу.

– Тогда скажи ему об этом.

– Не торопись. Время всё расставит по своим местам.

И правда, время всё расставило. Где сейчас этот Кондратьев, где Бирюля, где я. Стоило ли рвать свои души, вести никому не нужные войны между земляками, желающими своему селу и его жителям блага.

* * *

На экзаменах в институте преподаватель задал ему дополнительный вопрос, на который ответа не последовало.

— Почему молчите, Бирюля? — спросил преподаватель.

— Вы знаете, я в этом вопросе, как столица Камбоджи.

— Не понял, при чём здесь столица Камбоджи?

— Ну я, как и она, — Пнём-Пень.

* * *

Тот, кто знал Виктора Афанасьевича только в позднее время, никогда бы не поверил, что водился за ним один большой грех. В годы его деятельности в рабочем комитете совхоза он увлёкся спиртными напитками да так, что обычные пьяные посиделки превращались в откровенные запои. Для него ничего не значило прийти в магазин и приставать к покупателям чуть ли с требованиями купить кружку пива или дать рубль. Занятые ему деньги назад никогда не возвращались. Долги он не отдавал.

И всё-таки он нашёл в себе силы

справиться с этим недугом. Однажды его вызвал к себе директор совхоза Иван Анисимович Кунцевский.

– Слушай, Виктор, заканчивай свои выкрутасы. Ты ведь умный человек, молодой имеешь широкие перспективы. Если не можешь сам бросить пьянку, полечись. Ты имей в виду, что я тебя пригласил не для того, чтобы поругать, пригрозить. Нет, я хочу помочь тебе.

Виктор Афанасьевич сам рассказал мне об этом разговоре, из которого сделал правильные выводы. С той поры он уже не пил, что позволило ему быстро продвигаться по служебной лестнице.

* * *

Рабочком Бирюля гулял, руководство совхоза было занято своими делами, заканчивался год, а планы трещали по швам и надо было день и ночь мотаться по фермам, чтобы мобилизовать крестьян на ударный труд. А тут как на грех приближается новый год и для детей в детском садике надо устраивать ёлку. Мама (*Степанова Нина Павловна*) работала заведующей и вся эта канитель легла на её плечи. Вроде бы всё

сделали, но самой ёлки не было, некому было привезти её. Наконец, она не выдержала и пошла с жалобой к директору совхоза. Он был на своём рабочем месте, но по обыкновению торопился и мог уделить ей лишь минуту внимания.

– Нина Павловна, – выслушав её просьбу о ёлке и, разведя руки в стороны в знак непонимания её просьбы, – но ведь это не моё дело. Обращайтесь в рабочком.

– Я уже обращалась и неоднократно, а он говорит (это о Бирюле), что нет такой возможности ёлку привезти. Техники нет.

– Хорошо, я сам с ним поговорю. Вот только приеду из района.

Мама пришла домой убитая:

– Придётся, наверное, вокруг стула хороводы водить. Одному некогда, у второго головушка не об этом болит.

Мне было больно слушать маму, и я решил всю её боль выразить в стихотворении. А учился я тогда в шестом или седьмом классе.

Конечно, я не помню этого стихотворения целиком. Остались в памяти лишь некоторые строки:

*А суминский рабочком
притворился дурачком...*

*Вы, детишки, не грустите
вокруг стула ходите...*

Стихотворение маме понравилось. Она посмеялась, назавтра унесла его на работу, прочитала в коллективе. Кто-то из сотрудников унёс его в контору, там тоже прочитали и тоже посмеялись. Однако ближе к вечеру ёлку всё же привезли. Не думаю, что помогло моё стихотворение, но всё-таки надеяться на это хочется.

* * *

Я работал в редакции районной газеты, а Виктор Афанасьевич — председателем рабочего комитета совхоза. Бывали дни, когда в газету срочно требовалась информация, чтобы заткнуть какую-нибудь дырку, и если её не находилось, я звонил Виктору Афанасьевичу. Не было случая, чтобы он отказался помочь. Он знал обо всём, что делалось в совхозе, владел цифрами, с удовольствием рассказывал о передовиках, успехах трудовых коллективов. Наше сотрудничество продолжалось много

лет. Каждую заметку, информацию, статью я подписывал его именем, указывая его должность «председатель рабочего комитета совхоза «Суминский» и обязательно добавлял «заместитель секретаря парткома».

Со временем эта приписка сыграла решающую роль в его судьбе. Когда встал вопрос о кандидатуре нового секретаря парткома совхоза, в райкоме учли его высокую активность как селькора. Райком предложил Виктора Афанасьевича на эту должность, а коммунисты совхоза единодушно проголосовали за него. Надо признать, что секретарь парткома из него получился.

* * *

Виктор Афанасьевич шёл по селу и внимательно смотрел под ноги. Он никогда не ленился поднять увиденный гвоздь или кусок проволоки.

— Нужны они тебе, Виктор Афанасьевич?

— Нужны. Ноша не тяжёлая, но зато ни одно колесо не проколет.

И ведь заботился он не о своей машине, а о всех нас.

В кои годы выпроводили его в отпуск. Как ни упирался, но пришлось ехать на Чёрное море. Отдыхалось, наверное, там не плохо: купался в море, ездил на экскурсии. Но и там ни на минуту не забывал, что он секретарь партийной организации совхоза.

Как-то в совхозную приёмную принесли телеграмму. Секретарь прочитала её, усмехнулась, и понесла директору (*Кондратьев Михаил Сидорович*). Тот тоже прочитал и распорядился показать её всем сотрудникам, надо полагать с воспитательными целями.

Текст гласил: «Привет с Малой земли. Желаю труженикам совхоза успехов в социалистическом соревновании».

Для тех, кто не знает. Малая земля – участок побережья, где во время Великой отечественной войны воевал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Мы, правда, потом смеялись, мол, Виктор Афанасьевич, всё сделал, как генсек, который нередко давал телеграммы примерно такого содержания: «Пролетая над Ростовской областью, поздравляю всех её тружеников с трудовыми успехами...».

**БИРЮЛЯ
НИКОЛАЙ
АФАНАСЬЕВИЧ**

родился 25 октября 1938 года в селе Воздвиженка Чулымского района Новосибирской области. Примерно с 1954-55 годов он жил в Серебрянке, куда переехали на новое место жительства его родители. Окончил здесь семилетку, несколько лет работал мотористом кинопередвижки, а киномехаником был дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*).

* * *

В 60-е годы Советский Союз открыл для себя индийское кино и индийские песни. Во всех кинотеатрах городов, в сельских клубах, на передвижках крутили «Бродягу», «Господина 420, «Цветок в пыли». Народ валил на них валом, наверное, несчастная жизнь индусов чем-то напоминала нам свою. Особенно западали в душу их песни и мелодии. Красивые, с надрывом, понятные без перевода.

Николай работал тогда мотористом на кинопередвижке, ему тоже понравились индийские мелодии. Нередко, занимаясь своими делами, он напевал их. Постепенно он запел по-настоящему. Если он запевал возле клуба, чуть ли не всё село выходило слушать его. Так продолжалось недолго. Умные люди посоветовали ехать учиться, он послушался, взял в совхозе направление на учёбу в культпросветучилище, успешно поступил в него, окончил, но в деревню уже не вернулся.

* * *

Позже я узнал, что Николай окончил Московский государственный институт культуры, работал в Новосибирском доме народного творчества – методистом, заместителем директора (в это время я заезжал к нему), а затем стал директором Новосибирского областного театра кукол. Проработал в этой должности он десятки лет, благодаря ему, его настойчивости было построено собственное здание кукольного театра, слава о нём прошла не только по всей России, но и по ближнему и дальнему зарубежью. Театр давал спектакли в Японии, Соединённых

Штатах Америки, Таиланде, Франции, бывших республиках Советского Союза. За большой вклад в развитие искусства Николай Афанасьевич удостоен высоких званий и правительственных наград.

* * *

Рассказывала моя мама (*Степанова Нина Павловна*): «Коля был очень подвижным, готовым на любые подвиги и авантюры мальчиком. Ему всегда хотелось всё, что он узнавал из книг или из учебников претворить в жизнь. Однажды, узнав о первых воздухоплавателях, он решил повторить их трудный путь завоевания воздушного пространства. Взяв четыре веника и привязав по одному к рукам и ногам, он смело бросился с крыши дома в полёт. Первый опыт обернулся неудачей, несмотря на то, что он отчаянно махал руками и ногами, приземление было жёстким. К счастью, травмы оказались несерьёзными, гораздо серьёзней учил его уму-разуму родной отец».

Вот что значат опыт и доброе умелое наставничество. Хорошие плоды принесли они.

Я был ещё малышом, но уже умел играть в шахматы. Мама, и видно справедливо, считала, что каждый мальчишка должен быть шахматистом. Не обязательно великим, а просто у кого как получится. Как только мы с Павликам (*Степанов Павел Владимирович*) стали её регулярно обыгрывать, она махнула на нас рукой, мол, дальше развивайтесь сами. Николай, как друг дяди Володи, бывал у нас чуть ли не каждый день. Нередко он подсаживался к нам и внимательно наблюдал за игрой. Видно было, что его интересовали шахматы. Однажды я сказал ему

– А давай я тебя научу играть.

Он обрадовался. И занятия наши начались. Учеником он оказался способным и уже через несколько дней играл довольно неплохо. А потом он уехал, учился, служил в Армии, но всегда при наших встречах он пожимал мне руку и называл «учителем».

Бирюля Александр Афанасьевич работал трактористом. И не просто работал, а вкалывал. Я даже про него и ещё

нескольких трактористов, работая в районной газете, написал большую статью под названием «Трудоголики», которая была воспринята в Серебрянке с большим пониманием.

Бирюля Валентина Афанасьевна работала в нашей школе буфетчицей, библиотекарем, а потом куда-то уехала, и я уже больше о ней ничего не слышал.

Бирюля Владимир Афанасьевич – друг дяди Володи (*Бунеев Владимир Павлович*), работал у него помощником киномеханика.

Одним из первых сельчан купил себе мотоцикл и гонял на нём со страшной скоростью. Несколько раз разбивался чуть ли не до смерти, но гонять не переставал. Однако не мотоцикл привёл его к трагедии. Какой-то период своей жизни он работал на лесозаготовках. Однажды у бензопилы порвалась цепь, которая сорвавшись с места, изорвала его тело, превратив в одну страшную кровавую рану. Выкарабкался он и из этой страшной истории, выжил, но остался инвалидом. Хотя свою обычную

жизнерадостность и любовь к жизни не потерял.

Бирюля Екатерина Афанасьевна – последний ребёнок Афанасия Андреевича и Елены Михайловны Бирюля.

– Эй, девочка, тебя как зовут?

– Я Ката Билуля.

Так мы, мальчишки, и звали её Ката, даже когда она стала уже Екатериной. А она тем временем выучилась, стала работать в школе учителем на зависть многим из тех, кто в детстве дразнил её.

Бирюля Елена Михайловна – жена Бирюля Афанасия Андреевича, мать Виктора Афанасьевича, Владимира Афанасьевича, Валентины Афанасьевны, Александра Афанасьевича, Петра Афанасьевича, Павла Афанасьевича и Екатерины Афанасьевны.

– Мне, – говорила она моей бабушке Анисье (Бунеева Анисья Сергеевна), – умирать нельзя. У меня ещё Виктор не определён. Умру, кто о нём позаботится. А Виктору в то время уже было под 50 лет.

Когда ей было лет 40, к ней

привязалась онкология. Все деревенские женщины, говоря о ней, с сожалением вздыхали:

– Нет, Бирюлиха не выживет. Вот привезли её из больницы, а она страшнее смерти. Краше в гроб кладут.

А она не смотря ни на что, выжила и прожила ещё много-много лет

Бирюля Павел Афанасьевич – младший сын *Афанасия Андреевича* и *Елены Михайловны Бирюля*. Работал сначала помощником киномеханика, а затем и киномехаником. С началом перестройки, когда всё стало никому не нужным, когда закрыли клуб и перестали крутить кино, он перешёл на работу в совхоз, стал диспетчером. Ещё позже – председателем рабкоопа. В это время уже появлялись первые частные магазины, киоски, лавочки.

– Нет, – говорил он обступавшим его бабкам, – рабкооповские магазины никогда не закроются. Вы что думаете, предприниматели будут вам соль возить? Слушатели дружно кивали головами, поддакивали:

– Конечно, не будут.

Увы, тут Павел попал пальцем в небо. Все сельские предприниматели никогда не забывали привезти в деревню соль.

Через некоторое время его избрали председателем Чулымского райпо. В разговоре с ним он обронил:

— А ты знаешь, мне кажется, райпо не закроют никогда. Ему развиваться не дают, но и не топят, видно, кому-то это надо. А вот тут он попал в самую точку. Райпо ещё существовало не один и не два года.

* * *

Надумали они с женой купить машину. Он работал киномехаником, она заведующей сельской аптекой, зарплаты у обоих никудышные, а денег надо много. Посовещались и решили шить шапки и продавать. В то время шапки в магазинах были редкостью, а если и продавали, то совсем неприглядного вида. Павел занялся кролиководством. Дело пошло, он научился выделывать шкурки, а шил их кто-то другой. Но, посчитали они с женой, это не дело, надо учиться шить самому. Научился, дело пошло ещё лучше. Прошло какое-то время, снова посовещались и решили купить

корову, чтобы у детей всегда было свежее молоко. А потом пошли телята, свиньи, куры, всё меньше времени стало оставаться на кроликов.

Он сам с улыбкой рассказывал об этом:

— Разговаривал как-то с дедом (он называл его имя). Тот спросил: «Слышал ты кроликов держишь, шапки шьёшь?» «Шью». «А другую скотину не держишь?» «Нет. Но вот собираюсь корову купить», «Корову, говоришь? Это хорошо, но только помяни моё слово: как только заведёшь хозяйство, шапки шить перестанешь». Так и вышло. Однажды не доглядел, кролики заболели и передохли. Заводить по новой желания уже не было. Да и машину к тому времени купили.

* * *

Я работал заведующим Серебрянской участковой больницей, когда подоспели выборы в районный и местный Советы народных депутатов. Бес попутал и меня связаться в эту гонку. От каких-то политических образований я попал в кандидаты районного и местного Советов. Предвыборную борьбу я не вёл, поскольку

прекрасно понимал всю её никчёмность. Что-то пообещать избирателям не мог, у меня ничего не было. А вот у моих соперников было. В Сарыкамышке первый секретарь РК КПСС пообещал построить мост, а в Серебрянке моим соперником был Павел Афанасьевич, который в то время занимал значимую для деревни должность председателя торгового объединения. Он пообещал каждой бабке продать вне очереди какую-нибудь ценную и нужную вещь.

Меня, конечно, прокатили и там и тут. Но и избиратели ничего из обещанного не получили. Райком партии стал не нужной организацией, сельпо тоже. А вот в больницу ко мне все эти ренегаты ходили ещё долго. Я на них обиду не держал, даже наоборот. Мне ведь это депутатство с самого начала было не нужно.

Бирюля Пётр Афанасьевич – сын Бирюля Афанасия Андреевича и Елены Михайловны.

* * *

Учёба в школе Петру давалась с трудом. Однажды учительница Мария Яковлевна попросила моего брата

(Степанов Павел Владимирович):

– Паша, помоги своему товарищу. Петя никак не может научиться читать. Подтяни его, возьми на буксир.

Павлик отнёсся к поручению со всей ответственностью. Он взял книгу, толкнул Петю носом в неё:

– Читай!

Тот пододвинул книгу поближе и начал по складам читать:

– Зя-нѐ-зя.

– Ну и что у тебя получилось? – не терпеливо затеребил его «учитель».

Петя задумался, а потом радостно воскликнул:

– Скабка!

– Что, что? – Павлик ещё ни разу не слышал, как называют занозу местные жители.

– Скабка, – уже твёрдо и уверенный в своей правоте отрезал Петя.

По-моему на этом репетиторство и закончилось. Одноклассники не смогли понять друг друга, лексикон оказался разным.

**БОБРОВА
ЛЮДМИЛА
ЯКОВЛЕВНА,**

врач Чулымской районной
больницы, фтизиатр,
заместитель главного
врача. На третьем курсе
медучилища во время
аппендэктомии

(хирургическое удаление червеобразного отростка – аппендикса) мне установили диагноз – туберкулёзный мезаденит. Это диагноз преследовал меня много лет.

После переезда в Чулым я встал на учёт к физиатру, и много лет Людмила Яковлевна была моим лечащим врачом. Она заботилась о моём здоровье гораздо больше, чем я сам. Это единственный врач в моей жизни, который не шёл на поводу у больного, а заставлял делать всё, что предписывала в том или ином случае современная медицина.

Строгость врача органично сочетались в её характере с добротой человека. Специалистом она была классным, многое знала не только из учебников, охотно помогала нам, фельдшерам как

заместитель главного врача по лечебной части.

* * *

Лечение лёгочного туберкулёза трудное дело и тяжёлое испытание для пациента. Лечение мезаденита ещё труднее, поскольку это заболевание редкое, и у врача практически нет опыта ведения больного. Как-то я взбрыкнул и попытался отказаться от дальнейшего лечения.

— Хорошо, — сказала Людмила Яковлевна, — но я тебя на работу не выпишу.

— Не большая беда, я на другую работу устроюсь.

— Куда, если не секрет?

— Да хотя бы в школу.

— Кочегаром?

— Могу и учителем.

— Учителем тебе нельзя, ты медосмотр не пройдёшь. Поэтому потерпи немного и давай будем лечиться. Вылечишься, а потом иди, куда хочешь. Я возражать не стану.

* * *

Редакция готовит номер газеты, посвящённый 8-му марта. Обычно материал

готовится так: приходит журналист на предприятие, спрашивает у начальства о передовиках производства, выбирает понравившегося ему человека и работает с ним. Так получают зарисовки, очерки, интервью. Мне поручили написать о медицинском работнике. Я взял под козырёк и направился напрямик в контору к главному врачу. Увы, его на месте не оказалось, зато заместитель, а это была как раз Людмила Яковлевна, работала в своём кабинете.

Я зашёл к ней, представился и кратко изложил свою просьбу.

— Это хорошо, — сказала она и с тоской посмотрела в окно, словно именно там можно было увидеть того самого передовика производства, о котором я буду писать статью, — напиши о, — и она назвала фамилию какой-то медсестры. Только в следующий раз ко мне с такой просьбой не приходи.

— Почему, Людмила Яковлевна? — искренне удивился я.

— Почему? — она засмеялась, — да потому, что я тоже женщина и тоже хотела бы, чтобы меня поздравили через газету в

женский день.

А я, глупец, как-то и не подумал об этом.

* * *

Живот как болел, так и продолжал болеть, несмотря на противотуберкулёзное лечение, и я решил через голову Людмилы Яковлевны обратиться к терапевту. Терапевт, не зная о моём диагнозе, определила меня в стационар и назначила лечение от колита. Всё шло как надо, я пил таблетки, валялся на больничной койке, и даже подумывал, что я большой умница. Но на всякого хитреца можно сыскать мудреца.

Как-то я шёл по больничному коридору, а навстречу Людмила Яковлевна. Увидев меня, она изумлённо вскинула брови:

— А ты что здесь делаешь?

— Лечусь.

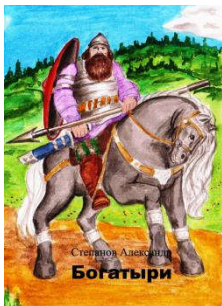
— Ясно. Пойдём со мной.

— Куда? — попытался притвориться дурачком я.

— К терапевту.

Через несколько минут меня выписали из отделения, кроме всего прочего пришлось дать слово, что завтра я обязательно приду

на приём в тубкабинет. После этого случая я уже никогда не увиливал от лечения до самого снятия с учёта.

«БОГАТЫРИ»

Поэма-сказка, написана по мотивам русских былин. Однажды по случаю купил в «Букинисте» книгу «Былины» из серии Библиотека поэта Большая серия. В вагоне электрички с удовольствием читал. Прошло много лет, книга стояла на полке книжного шкафа и дожидалась своего часа и ведь дождалась. Как-то я снова углубился в её чтение и вдруг на странице 293 обнаружил едва различимую запись карандашом: «А что если создать что-либо по типу «Фауста», великая была бы поэма (материалом взять русский народный эпос)». Я удивился, решил, что запись сделана прежним владельцем книги, но почему-то эта мысль оказалась созвучной моему настроению. И тут меня озарило, так ведь это мой почерк, моя идея и как я мог забыть об этом. С этого

мига и началась упорная работа над поэмой, которая писалась легко, с удовольствием. Вчерне закончил её дней через двадцать.

Героями книги стали Илья Муромец, Добрыня Никитич, Алёша Попович, Микула Селянинович, Михаил Потык, Святогор и другие. Книгу проиллюстрировала художник из Тирасполя Юлия Санина (*Санина Юлия Дмитриевна*).

При написании поэмы использовались былины «Святогор и тяга земная», «Святогор и гроб», «Вольга и Микула», «Исцеление Ильи Муромца», «Три поездки Ильи Муромца», «Илья Муромец и Соловей-разбойник», «Илья Муромец и Идолище», «Алёша Попович и Тугарин», «Добрыня и Змей», «Илья Муромец и Калин-царь», «Сухман», «Михайло Потык», «Бой Добрыни с Дунаем», «Дунай», «Добрыня и Маринка», «Бунт Ильи Муромца против Владимира» и некоторые другие.

Предполагалось, что книга «Богатыри» будет первой из серии поэм по мотивам русских былин. Вторая книга должна бы рассказать о второстепенных героях нашего фольклора.

**БОГДАНОВСКАЯ
АННА
ПАВЛОВНА,**

преподаватель русского языка и литературы в Куйбышевском медицинском училище. Женщина строгих правил, гоняла нас беспощадно, но мы всё-таки уважали её за отличное знание своих предметов. Слушать её было интересно, потому что она никогда не пересказывала содержимое учебников, но всегда что-то своё, почерпнутое из недоступных в то время нам книг. Она не ходила по аудитории, не сидела на стуле за столом, а взгромождалась на свой стол, закидывала ногу на ногу и говорила громким, не терпящим возражений голосом, строго поглядывая на нас через очки с толстыми круглыми стёклами.

* * *

Урок литературы в медучилище. Анна Павловна по какому-то поводу рассказывает о своей летней поездке на Кавказ. Рассказала она о кавказских здравницах, климате, природе и самых разных чудесах неведомой нам земли.

Время было такое, что у

подавляющего числа сибиряков не было возможности побывать на юге, поправить или укрепить своё здоровье. Мимолётом поведала она и об одном народном целителе, который пользовал больных лекарственными растениями, причём совершенно бесплатно. Он не назначал цену, но каждый больной мог отблагодарить его по своему усмотрению. Кто-то давал деньги, кто-то дарил подарки, не возбранялось и просто поблагодарить.

Не знаю почему, но меня этот рассказ потряс, и с той поры я начал собирать рецепты народной медицины и насобирав их столько, что в итоге получился объёмистый сборник «Лекарства вокруг нас. Лекарственные растения Нижнего Дона. Справочник».

Правда пока он существует только в электронном виде и в единственном бумажном варианте. Всякий раз, обращаясь к нему, я с благодарностью вспоминаю Анну Павловну.

* * *

Анна Павловна занимает свою любимую позу, усаживается на учительском

столе, закидывает нога на ногу и начинает рассказывать новую тему. Новая тема «Чернышевский и его бессмертная книга «Что делать?»». Рассказывает она эмоционально, увлечённо, красочно описывает героев, их поступки, мысли.

Я слушаю с увлечением и тут же ставлю задачу сегодня же сходить в библиотеку, взять эту книгу – «учебник жизни», как говорит Анна Павловна, и самому прочесть про «новых людей» После уроков я зашёл в библиотеку медучилища, но книги там уже не было, все разобрали. Пришлось идти в городскую библиотеку. Вечером принялся читать. Прочёл первую главу и восторгнулся, посчитал, что это не хуже Агаты Кристи, потому что начало было увлекательным. Ну, а потом всё обрушилось, мне дальнейшее чтение быстро надоело, и книгу я без сожаления забросил.

Тем не менее, изучали мы её долго, писали сочинение на темы «Образ Веры Павловны», «Второй сон Веры Павловны» и что-то ещё.

Прошло много лет. Мне снова попалась эта книга. И снова я забуксовал на пятой странице. И только в 68 лет, когда я

снова принялся за неё, я понял восторг Анны Павловны. Неожиданно для себя эта книга впечатлила меня. И вот теперь я счастлив тем, что исполнил свой долг учащегося медицинского училища, хотя для этого понадобилось более 50-ти лет.

**БОЙКО
ВЛАДИМИР
БОРИСОВИЧ,**

мой товарищ и сосед,
муж *Бойко Светланы
Николаевны*. Когда мы с
ним познакомились, он
работал заведующим
орготделом Чулымского

райкома комсомола. Благодаря уму и хорошей работоспособности начал быстро продвигаться по службе. Стал вторым секретарём, потом первым. Через несколько лет был назначен директором Чулымской школы №1, самой большой школы в городе и районе. Успешно работал и здесь. Причину его ухода на хлебоприёмное предприятие, где он выполнял обязанности коммерческого директора, не знаю. Скорее

всего, – это финансовая составляющая.

* * *

Прожил Владимир до безобразия мало. Он и раньше говорил о своих болячках, но чаще всего это относилось к проблемам с печенью. Когда-то он переболел желтухой, поэтому всегда соблюдал диету, пил настои желчегонных трав, несколько раз ездил на курорты, особенно хорошо отзывался о Трускавце. Но на сердце не жаловался. В крайнем случае, я от него ничего подобного не слышал. И тут, как гром среди ясного неба, сообщение: умер Вовка Бойко. Я уже жил в Ростовской области и только издалека мог посочувствовать его родным и близким да сказать, как умею, добрые слова о нём.

Памяти Владимира Бойко

*Ну, что же ты, Вовка, так рано собрался,
так скоро запряг лошадей?
Ведь ты не нажился, не нацеловался
с женой ненаглядной своей.*

*Ты сына провёл не по всем перевалам,
и душу ему не раскрыл.*

*Зачем же ты горем наполнил бокалы
и первым бокал осушил?*

*Мы тоже, бывает, куда-то уходим,
за призрачным счастьем спешим.
А ты вдруг отстал, мой товарищ Володя,
и гордый твой конь засбоил.*

*Быть может, он там перепутал дороги,
истратил все силы в борьбе?
И не нашлось ни любви, ни подмоги,
ни доброго слова тебе.*

*А мы, как нарочно, тот миг проглядели,
не оглянулись назад...
Я плачу, Владимир, как плачут метели,
сердечные раны болят.*

*Душа почернела, и нервы, как нити,
порвутся, того и гляди.
Я так не хочу тебя видеть в граните,
что хоть за тобой уходи.*

* * *

В стихотворении упоминается сын Владимира Лёша. Рос интересным и забавным мальчуганом. Он моложе моей дочери (Шаймуратова Евгения

Александровна), но в игре командовал ей:
– Зэнка смотри, пасынка палякала.

**БОЙКО
СВЕТЛАНА
НИКОЛАЕВНА,**

в девичестве Журавлёва,
наша соседка и подруга,
жена *Бойко Владимира
Борисовича*, педагог,
учитель немецкого и
английского языка, мать

Бойко Алексея Владимировича.

Одна из самых чудесных женщин,
которых я видел. В любое время она в
настроении, всегда проста в общении, всегда
готова прийти на помощь. Ни одной чужой
женщине я не посвящал стихов. Перед её
обаянием не устоял.

Бойко Светлане

*Я вошёл к тебе со стужи,
как в чужие сны.
Хорошо, что ты без мужа,
я же без жены.*

*Посидим с тобою рядом –
гладь и тишина.
Мужа нам пока не надо,
не нужна жена.*

*На двоих сготовим ужин:
кашу да блины.
Как легко тебе без мужа,
мне же без жены!*

*Мы глядим в глаза друг другу
без тоски и мук.
Ты – хорошая подруга,
я – надёжный друг.*

*Разговор, как нитка кружит
по веретену:
ты про мужа да про мужа,
я же про жену.*

* * *

Когда начал осваивать компьютер,
мне понадобилось знание английского языка.
Учить его было уже поздно, а переводчика
поблизости не было.

Звоню Светлане:

– Помоги перевести слово (или фразу)
с английского.

– Говори.

– Как я скажу, если даже читать не умею.

– Не беда, читай как будто это немецкие слова.

Читаю. Сам знаю, что получается аброкадабра. А она понимает и выдаёт мне результат.

– Да как ты понимаешь, ведь это чёрт знает что? Так ни немцы, ни англичане не разговаривают.

Она смеётся:

– Некоторые мои ученики ещё похлеще выговаривают. Так что для меня это не новость.

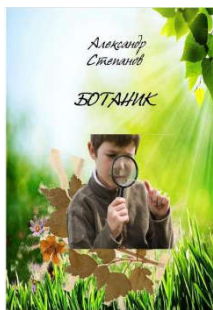

**БОРИСОВА
ИРИНА
ЕВГЕНЬЕВНА,**

дочь *Иониных
Евгения Борисовича и
Светланы
Александровны*, моя
племянница. Росла
умненькой, серьёзной
девчонкой, успешно

окончила школу, поступила в

педагогический институт, однако по какой-то только ей известно причине ушла из него. Связала свою судьбу с торговлей, постепенно освоилась на этой работе, вышла замуж за хорошего молодого человека. Но жить с ним не привелось. Он тяжело заболел и умер, оставив Иринку молодой вдовой. Кроме фотографий на память о себе он не оставил ничего. Я не имею в виду что-то материальное. С этой стороны наоборот. У Иринки есть квартира, машина, дача и наверное кое-что ещё. Но главного – наследника после него не осталось.

«БОТАНИК»

Повесть для детей о мальчике, которому на лето дали задание собрать гербарий, как он это сделал и что из этого вышло.

Это вторая детская повесть, написана в 2019 году. Как и большинство моих книг она самиздатовская, существует в единственном экземпляре, хотя в электронном варианте

выложена в интернете. Увы, и отзывов на неё не имеется.

С раннего детства я интересовался биологией: собирал жуков, семена растений, интересовался анатомией. Эта любовь осталась со мной навсегда. И книга эта стала результатом моей любви к природе.

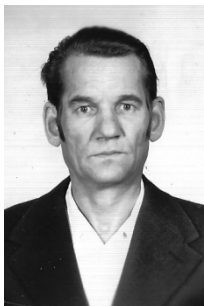
Бранивицук Юлия Дмитриевна см. –
САНИНА ЮЛИЯ ДМИТРИЕВНА

**БЫДАНОВА
ЛИДИЯ**

(урождённая Миёва),
дочь *Миёвой Дарьи*
Васильевны, двоюродная
сестра моей мамы
(*Степанова Нина*
Павловна). Добрейшей
души человек. Когда я

учился в институте, то нередко квартировался у них, ещё чаще столовался. Она не только не высказывала какого-нибудь недовольства, но наоборот, ругала, если я долгое время не появлялся у них.

Быданов Михаил, муж Быдановой Лидии. Работал в то время где-то на заводе, пять дней вёл себя безукоризненно, в пятницу напивался, в субботу опохмелялся, в воскресенье отдыхал и в понедельник свежий, как огурчик, появлялся на работе. Кстати, работник он был отменный, поэтому и руководство относилось к нему с пониманием и уважением.

Быданов Андрей, сын Быдановых Михаила и Лидии. В то время учился в школе, собирал марки, чем он и подкупил меня, поскольку я и сам был филателистом и даже в Чулыме какое-то время вёл филателистический кружок при Доме пионеров, пока моё начальство не узнало об этом и не вынудило меня уйти с этой работы..

Быданова Марина, дочь Быдановых Михаила и Лидии. Такая же, как и мама, добрая и душевная девочка. Она старший ребёнок в семье.

**БЫКОВ
ИВАН
ИВАНОВИЧ**

– мой коллега. Родился в 1941 году в селе Орехов Лог Краснозёрского района Новосибирской области. После окончания школы работал в колхозе, потом лаборантом в школе, позднее учителем истории. Отслужив в армии, поступил в педагогическое училище, затем в Томский государственный университет. Много лет работал в журналистике, прошёл путь от рядового корреспондента до редактора городской газеты. Член Союза журналистов.

Когда я работал корреспондентом в районной газете «Трудовая жизнь» города Куйбышева Новосибирской области, он был моим руководителем — заведующим сельскохозяйственным отделом. Увлекался фотографией, писал стихи, отличался необычайным трудолюбием, добротой и добродушием. Всегда был нацелен на помощь и, кажется, только благодаря ему, я всё-таки стал журналистом.

Образование он в то время имел педагогическое среднее специальное. В школе, по его словам, работал недолго, а в основном большую часть жизни посвятил журналистике.

Последняя его должность — редактор городской газеты, а во время нашей последней встречи — заместитель редактора районной газеты «Трудовая жизнь». Тогда же он подарил мне свою книгу стихов «Дорогие мои земляки».

Книга интересна тем, что каждое стихотворение имеет своего адресата. Одно из них посвящено мне. Не поймите превратно, в первую очередь, сами стихи профессиональны интересны и злободневны.

Александр Степанову

*Было мне
восемнадцать лет,
И спросили меня тогда:
– Ты о многом жалеешь?
– Нет!
– Ты о многом мечтаешь?
– Да!*

*Догорает
моя звезда,
на полнеба
закатный цвет.
– Ты о многом мечтаешь?
– Да!
– Ты о многом жалеешь?
– Нет!*

Кстати, публикуя стихи в районке, он всегда подписывался псевдонимом «Иван Орехов».

* * *

Однажды, вернувшись с партхозактива, где находился по заданию редакции, он поделился впечатлениями.

– Всё видел и слышал, но такого – только руками развести. Выступает первый секретарь горкома КПСС и говорит: «Товарищи, районная газета нацеливает нас

на скорейшее вступление в посевную работу».

– Вы только подумайте, – это уже речь Ивана, – мы с вами беспартийные, а райком строим как хотим.

А вообще-то такой казус произошёл «по вине» самого Ивана Ивановича. Он взял и накануне этого райкомовского мероприятия выдал передовую статью о предстоящей посевной.

**БУНАКОВ
БОРИС
СЕРАФИМОВИЧ,**

двоюродный брат
моего отца (*Степанов
Владимир Ильич*),
второй сын *Бунаковой
Ольги Григорьевны*.

В молодые годы работал киномехаником на передвижке, как и мой дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*). Это означало, что они из раза в раз перевозили киноустановки по всему району. Нередко их пути пересекались. Поэтому он всегда при встрече

интересовался здоровьем и делами дядюшки. Дядя Володя тоже интересовался делами Бориса, нередко рассказывал об их совместной работе и приключениях молодости. Позже Борис работал крановщиком, шофёром, но поскольку не в меру увлёкся спиртным, долго нигде не задерживался.

Он был человеком, который никогда ничего ни у кого не просил, даже если находился в загуле. Он также ничего никогда не принимал близко к сердцу. Есть – хорошо, нет – и без этого проживём.

**БУНАКОВ
ЖОРЖ
СЕРАФИМОВИЧ,**

двоюродный брат моего
отца (Степанов
Владимир Ильич),
старший сын Бунаковой
Ольги Григорьевны. Всю
жизнь работал

энергетиком на железной дороге, как и все Бунаковы был весёлым и гостеприимным. Любил читать Пушкина. Вместе с женой

Валентиной родил и вырастил дочь Жанну Жоржевну. Именно она и выслала мне все фотографии Бунаковых.

**БУНАКОВ
ФЁДОР
СЕРАФИМОВИЧ,**

двоюродный брат
моего отца (*Степанов
Владимир Ильич*),
младший сын *Бунаковой
Ольги Григорьевны*,
брат *Бунаковых Жоржа*
и *Бориса*

Серафимовичей. Жил в Чулыме, потом с семьёй переехал в Красноярский край.

* * *

Было ему лет 17. Не помню, работал он или учился где-то но, скорее всего, последнее. Однажды вся родня собралась у Степановых, моих чулымских дедушки и бабушки. Взрослые сидели за столом, ели, пили, разговаривали. И тут появился Фёдор. Парень как парень, ничего дурного не скажешь, если бы не причёска. Волос чуть ли не до плеч, да ещё как-то по-мудрёному

зачёсан. Мне казалось, хорошо, а вот деду (*Степанов Илья Ефимович*) не понравилось.

– Федька, ты почему не подстрижёшься, глядеть на тебя страшно?

– Никто, дядюшка, не берётся.

– Так ты в парикмахерскую сходи.

– В парикмахерскую можно, но там деньги нужны.

– В чём проблема, денег я тебе дам.

– Спасибо, дядюшка.

Дед полез в карман, достал портмоне, вынул рубль.

– Бери, да чтоб сегодня же подстригся.

– О чём речь, обязательно подстригусь.

Назавтра он появился и вновь не подстриженный.

– Ты что, Федька, – возмутился дед, – я же тебе денег дал, а ты обещал сходить в парикмахерскую.

– Не ругайся, дядюшка, я сразу же от вас пошёл в парикмахерскую, а проходил мимо пивного ларька. На улице жарко, думаю, дай кружку выпью, деньги есть и на пиво хватит и на стрижку. И вот не знаю, как получилось, когда пришёл в парикмахерскую, то денег в кармане оказалось лишь ещё на одну кружку.

Пришлось вернуться.

– Вот баламут. Бери ещё рубль.

* * *

На собственной свадьбе Фёдор был неотразим, невеста Люба тоже. Гости чин чинарём расселись за столами согласно «купленных билетов». Всё началось с первого тоста, который плавно перерос во второй, третий. Наконец раздался призыв «горько!» Его поддерживали все уже несколько отяжелевшие гости. Молодые встали, поцеловались и снова сели. Через минуту-другую из второго угла раздался возглас «горько». Снова молодые встали чинно поцеловались. Так продолжалось довольно долго. Но в один момент терпение трезвого жениха иссякло. На крик «горько» он встал один:

– Люба, не вставай. А вам, дорогие гости, скажу, если горько, то не пейте, а ешьте и скромненько сидите за столом. А кому не нравится, вон – бог, вон – порог.

Гости поворчали про себя, но ни один пить не перестал и к выходу из дома не подался. Свадьба гудела два дня. Все были довольны и даже счастливы, замечание

жениха вся компания пропустила мимо ушей и ещё не раз пыталась кричать «Горько».

**БУНАКОВА
ОЛЬГА
ГРИГОРЬЕВНА,**

сестра моей бабушки
Степановой *Анны*
Григорьевны, мать
Бунаковых *Жоржа*,
Бориса и *Фёдора*
Серафимовичей. Близкие

родственники звали её Олечкой, хотя тётю Машу (*Сазонова Мария Григорьевна*), несмотря на то, что она была самая младшая в семье, обязательно величали. Величали и всех мужчин. Никто ни когда не сказал бы о дяде Коле (*Детков Николай Григорьевич*) или о дяде Алёше Колька или Лёшка, даже Николай или Алексей. Это было противоестественно. А вот тётя Оля и ещё жена погибшего на фронте Петра Григорьевича были Олечка и Панночка. Тётю Олю ещё ко всему величали артисткой.

Я поначалу думал, что это связано

каким-то образом с её неунывающим характером, весёлым игристым нравом. А как позже рассказали, так её называли из-за мужа, который был музыкантом, играл в большом оркестре. К несчастью был взят на фронт, где и сложил свою головушку. Тётя Оля очень гордилась, что её муж был музыкант, артист и сама себя с гордостью именовала артисткой. «Да, – говорила она, – я артистка, потому что мой муж был артистом». Петь она не пела, играть на музыкальных инструментах – не могла, но вот поплясать была горазда.

* * *

Тётя Оля жила бедно, но всегда была приветливой, гостеприимной. Мы частенько, приезжая в Чулым из города, когда в деревню никакой транспорт уже не ходил, отправлялись ночевать к ней. Бывало приходили поздно вечером, а то и ночью. Она ни разу не высказала своего недовольства, напротив стелила постель, грела чай, угощала всем, что у неё было.

Однажды я ехал из из Куйбышева на зимние каникулы вместе с девчонкой из нашей деревни. Её отец работал шофёром и

пообещал встретить дочь в Чулыме. Но по каким-то причинам сделать этого не сумел. Мы ждали его несколько часов в довольно прохладном зале ожидания вокзала. Наконец, я не выдержал и предложил пойти ночевать к тётё Оле. Она согласилась, и мы часов в двенадцать нарисовались у неё. Тётя Оля встретила как всегда, согрела чай, села с нами, разговаривала, а сама с интересом поглядывала на девочку.

– Ах, тётя Оля я забыл сказать, что недавно женился. Это моя жена Лида. Девчонка эта была чересчур скромной, поэтому на мою выходку отреагировала смущением. Тётя Оля засуетилась ещё больше. Она побежала в спальню постелила нам общую постель.

– Попьёте чай, идите укладывайтесь, я вам уже постелила.

Тут уж я не выдержал:

– Тётя Оля, прости дурака, я же пошутил. Ну какой из меня жених, мне только-только 17 исполнилось.

Тётя Оля не обиделась:

– А я думала и правда, думала, ты уже вырос, но коли так годочек ещё подожду.

* * *

Детей поднимала она одна. Как она это ухитрялась делать, не знаю. Дед Степанов (*Степанов Илья Ефимович*) говорил, что иногда они с женой помогали, иногда добрые люди, кое-что выращивала на собственном огороде, чем и питались, излишек сносила на базар. Тем и жили, на работу она не устраивалась из принципа, потому что, живя за мужем музыкантом, она не работала ни одного дня и считала это не достойным себя.

Однажды её всё-таки уговорили выйти на работу в детский сад. Расписали, как богато и счастливо будет жить. Деньги будут сыпаться с небес по первой же просьбе. Тётя Оля согласилась, отработала несколько дней и бросила это доходное место. Когда её стали расспрашивать, почему она ушла из садика произнесла замечательную фразу:

– Я лучше не доем, так досплю.

* * *

Как-то я вновь заехал к ней.

– А пойдём-ка со мной в гости к Борису (*Бунаков Борис Серафимович*). Тот

недавно женился, жену его посмотришь.

Я согласился. Вторая жена Бориса тоже оказалась гостеприимной, наварила, нажарила, напарила, всё это выставила на стол. Выпили по рюмке, по две. Лида, жена Бориса, поставила весёлую музыку. Тётя Оля тоже выпила, встала из-за стола, вышла на круг.

— Ну, кто со мной?

Вышли и я, и Борис, плясали от души, а тётя Оля ещё и подзадоривала нас. Короче, уплясались мы с Борисом до изнеможения, а тётя Оля как ходила по кругу, так и продолжала. А было ей в то время годочков поболее шестидесяти.

БУНЕЕВЫ, родом из Воронежской губернии Задонского уезда деревни Гудовка. Деревня Гудовка стояла на берегу Дона. Когда я собирался переехать в Ростовскую область, я ещё не знал, что мои предки - дончане. Семья Бунеевых была большая, деревня по тем временам тоже не маленькая (согласно переписи населения в 1897 году в ней проживало почти полторы тысячи человек), земли на всех не хватало, поэтому многие из жителей во времена Столыпина

отправились в Сибирь в поисках лучшей доли. Остановились Бунеевы в Томской губернии Каинском уезде (ныне Чулымский район Новосибирской области деревня Покровка). Покровка после переселения в неё переселенцев была одним из самых крупных сёл района. Сейчас — это выросшая деревня в несколько десятков домов.

* * *

Не знаю, о ком идёт речь, то ли о дедушке Иване, то ли о дедушке Василии. скорее всего об Иване. Шла гражданская война, разбитые колчаковские войска откатывались на восток. По пути они беззастенчиво грабили всех подряд, мародёрствовали и в Покровке. Не обошли стороной и Бунеевых. Однажды в дом зашли несколько солдат и стали требовать лошадей. Дедушка сидел на русской печи, свесив с неё ноги в новых валенках и кутаясь в шубейку, потому что в доме было не топлено. Дедушка стал им объяснять, что лошадей у них нет, что они числятся безлошадными. Но те и слушать не хотели, дело дошло до препирательства. Тогда один

солдат подбежал к дедушке и сдёрнул с него валенки. Так он и остался без тёплой обуви.

**БУНЕЕВ
АЛЕКСАНДР
ПАВЛОВИЧ,**

(дядя Алик) – второй сын
Бунеевых Павла
Васильевича и *Анисьи*
Сергеевны. Родился в селе
Покровка Чулымского
района Новосибирской области в 1938 году,
похоронен в Серебрянке.

* * *

Дядя Алик не любил ходить по гулянкам.

– Да ну вас, – обычно отвечал он на приглашения провести время в компании, – не пойду.

– А почему? – приставали к нему.

– А потому, что вы с выпивкой привязываетесь.

Но уж если когда-то он и попадал в компанию, и если даже ему приходилось

вместе со всеми выпивать, то делал он это только один раз. Выпил рюмку и на том конец. Вот это образец для подражания.

* * *

Все Бунеевы жили в Покровке и только мама (*Степанова Нина Павловна*) – в Серебрянке. Отец мой сначала служил в армии, а потом отсиживал срок в тюрьме. Деды Степановы уже уехали в Чулым, оставив в деревне сноху с двумя малолетними детьми. Положение складывалось отчаянное. Бабушка Анисья (*Бунеева Анисья Сергеевна*) приняла решение – отправить Алика в Серебрянку для оказания помощи сестре.

Мама часто вспоминала дядю Алика. Время было полуголодное, своих продуктов не хватало, купить в магазине было не чего да и не на что.

– Я, – рассказывала мама, – нередко допоздна задерживалась на работе. Правда о ребятишках сильно не беспокоилась, потому что Алик человек надёжный: одних не оставит. Прихожу домой, ноги еле приволокла. «Сейчас, – говорю Алику, – отдохну немного и ужин вам приготовлю».

«Да ты, Нина, не беспокойся, ребятишки уже поели, и я с ними. Давай сама за стол садись». «Да что же вы ели?» «А я затирухи наварил». Ела я эту затируху и вкуснее ничего не едала.

* * *

Одно время дядя Алик работал в сельской библиотеке. Работа библиотекаря не такая уж и простая, как кажется на первый взгляд, особенно в то время, когда от читателей не было отбоя. Читали все: и ребятишки, и взрослые. Я ещё был довольно маленьким, в школе не учился, но в библиотеку уже ходил. Дядя Алик заталкивал меня в хранилище, а сам работал с читателями. Я же ходил от полки к полке, читать я немного мог, но в картинках разбирался. Когда пересмотрел все книги, расставленные внизу, стал тянуться за верхними. И однажды случился казус. Я потянул книгу, она стала сопротивляться, я дёрнул её посильней и книга вместе с полкой полетела на пол. Я перепугался, нечаянно ухватился ещё за одну полку и она тоже вместе с книгами рухнула вниз, увлекая за собой и третью.

Пришёл дядя Алик, посмотрел на меня, покачал головой:

– Я поставлю полки на место, а ты собирай книги и расставляй на них. Я, может быть, помогу попозже, если читатели разойдутся.

А они как назло никуда не расходились. Мне показалось, что я целый день таскал книги и устанавливал их рядами. Понятно, что, в конце концов, расставлять их согласно библиотечным правилам пришлось дяде Алику. Но этот случай нисколько не изменил моего дальнейшего пребывания в библиотеке. Дядя по-прежнему запускал меня в книгохранилище, только я уже стал аккуратнее и осторожнее.

* * *

Дядя Алик первым из нашей родни купил фотоаппарат и всерьёз занялся фотоделом. Он делал простые фотографии, комбинированные, фотомонтажи, селфи и прочие фототрюки. От него остались фотографии всех родственников и многих наших друзей.

После его смерти мне в руки попала его книга «Справочник фотолюбителя».

Долгое время я возил её с собой, но потом уже в связи с последним переездом она бесследно пропала. Нужды в ней в настоящее время уже нет, то фотодело кануло в лету. Но книгу эту мне жаль, потому что на первом форзаце был рукой дяди Алика написан текст пасни:

Соловушка тихо рыдал,
усевшись на ветку сирени,
душу мою надрывал,
пел о любви и измене.

Я никогда не слышал, как он её пел, не слышал, как её поют другие, но то, что не сохранил дядюшкин автограф, ставлю себе в вину.

* * *

Дядя Алик учился в Новосибирском техникуме связи. Однажды накануне октябрьских праздников он с друзьями бежал на занятия. Утро выдалось морозным и туманным. Дорога была скользкая. Трое парней выскочили на мостовую, дядя Алик повернул голову и увидел почти на расстоянии вытянутой руки автобус. Он откинул руками ребят назад, а сам по инерции продвинулся вперёд и угодил

прямоком под автобус. Водитель пытался затормозить, но, повторю, дорога была скользкая.

Когда автобус всё-таки остановился, водитель высадил пассажиров, с ребятами занёс дядюшку в салон и повёз в ближайшую больницу. Там его не приняли, сказали, чтобы вёз в другую больницу. Пока водитель колесил по городу дядя Алик скончался. Похоронили его в Серебрянке.

На похороны приезжали все парни из его группы. Они не позволили везти гроб, а на руках несли по всей деревне до могилы.

Прошло много лет. Рядом с дядей Аликом похоронили тётю Таю (*Васильева Таисия Павловна*), бабушку Анисью (*Бунеева Анисья Сергеевна*), дядю Гену Васильева (*Васильев Геннадий Егорович*) и маму (*Степанова Нина Павловна*). Немного в стороне спит вечным сном мой любимый дядюшка Володя (*Бунеев Владимир Павлович*).

Каждый год, пока жили в Серебрянке, мы непременно бывали на кладбище. Сейчас этому мешает расстояние.

**БУНЕЕВ
ВАСИЛИЙ
ИВАНОВИЧ,**

(дедушка Василий), муж
Бунеевой Марии
Ивановны, отец *Бунеевых*
Павла и Михаила
Васильевичей и *Миёвой*
Дарьи Васильевны, мой

прадедушка. Большого ума, творческий человек, первый в нашем роду поэт.

* * *

У дедушки Василия и бабушки Марьи была соседка, бобылка. Муж её погиб на фронте, замены ему не нашлось. Каждую субботу они звали её в баню, поили чаем. Однако ближе к зиме стал дедушка замечать, что после её ухода из поленицы, что находилась во дворе, пропадают дрова.

Бабушка Марья только руками разводила:

– Ну что тут поделаешь? Не скажешь ведь ей об этом. Не пойманный не вор. Да и много ли она взяла.

– Не много. Но воровать у соседей, не

по-божески. Если дров нету, так попросила бы.

В следующую субботу, когда женщины пили чай, дедушка, войдя в дом, сказал:

— Кто-то, мать, у нас дрова подворовывает. Я караулить не стану. Я вот сейчас взял в несколько полешек порох засыпал. Если в печку хоть одно попадёт, разворотит её до самого пола.

— Ой, ой, — запричитала соседка, — что ж ты делаешь, изверг. А вдруг рванёт, как же я тогда без печки буду.

И тут же спохватилась, что сама себя и выдала. С тех пор она к соседям ни ногой.

* * *

Колхозы дедушка Василий не принял. Он считал, что скопом добиться хорошей жизни не получится. Связав свой нехитрый скарб в узлы, запряг корову в тележку и уехал из Покровки в Ордынский район в посёлок Петровский. Там уже был совхоз, и корову сдавать в общее стадо не требовалось. Дедушка устроился на работу сторожем, а бабушка Марья вела хозяйство.

Уехали они недалеко, посёлок

находился в пятнадцати километрах от Покровки. Мама рассказывала, как она жила у бабушки с бабушкой, когда училась там в школе. В Покровке была начальная школа, поэтому уже в пятый класс её определили в Петровскую школу. Самое главное, что ходить домой на выходные приходилось пешком. И никого это почему-то не напрягало, хотя в то время по лесу шастали волки. Все так жили.

* * *

Дедушка был первым поэтом в нашей родне. Он не записывал свои стихи, наверное, не считал это необходимым. Он просто говорил стихами, как позже это делали дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*), брат Павел (*Степанов Павел Владимирович*) и я. В моей памяти сохранилось несколько двустиший:

Вон бежит Пашка,
а пальто у него нараспашку.

Понастроил Борис клетушек
для овец и телушек.

Однажды в Ордынском районе Новосибирской области проводился конкурс

поэтов (было такое в довоенные годы). Пригласили и его. Много народа собралось, одни читали стихи, другие слушали, аплодировали, третьи – члены жюри оценивали происходящее. Дедушка читал свою поэму сатирического содержания. Естественно, никто из родственников не удосужился записать её. Дошло сквозь дым истории лишь то, что в ней он призывал нерадивым руководителям промыть мозги с нафталином. Казалось бы за такое вольнодумство его должны были растоптать и уничтожить. Но нет. Ему присудили первую премию и подарили отрез на костюм, чем он конечно же гордился. Да и как было не гордиться, о таком подарке в то время нельзя было даже мечтать.

Вскоре они с бабушкой переехали на постоянное место жительства к дочери в Новосибирск. Ему уже было около восьмидесяти лет, но он всегда интересовался всем, что делается в стране, читал газеты. Всегда держал под рукой книгу книг Библию. Вечером обязательно открывал её и читал по страничке-другой своим женщинам. Он хорошо разбирался в религиозных текстах, поэтому чтение всегда

сопровождалось комментариями.

Жизнь его и бабушки Марьи оборвалась трагически. Кто-то недоглядел и раньше времени закрыл печную трубу. Дедушка и бабушка, отравившись угарным газом, умерли, а вот их дочь тётя Даша (*Миёва Дарья Васильевна*) выжила. Однако это событие сильно отразилось на её восприятии окружающего мира, хотя человечность, доброта, порядочность остались в её душе до последнего дыхания.

**БУНЕЕВ
ВЛАДИМИР
ПАВЛОВИЧ,**

(дядя Володя) —
первый сын *Бунеева
Павла Васильевича* и
*Бунеевой Аниисы
Сергеевны*. Родился в

селе Покровка Чулымского района
Новосибирской области в 1935 году. По
окончании семилетней школы учился в ПТУ
на курсах киномехаников. Долгое время
работал по специальности (от отдела

культуры), затем перешёл в совхоз, был электриком, оператором АВМ, рабочим зернотока. Служил в Советской армии в танковых войсках в Калининградской области.

Жена *Бунеева Августа Николаевна*, дети: Ирина (*Бунеева Ирина Владимировна*), Павел (*Бунеев Павел Владимирович*). Первый сын Саша умер сразу после рождения.

Умер после тяжёлой болезни в 2015 году, похоронен на кладбище в селе Серебрянка, немного не дожив до своего семидесятилетия.

* * *

Молодые люди почти всегда немного бесшабашные. Дядя Володя тоже не был «ботаником». Однажды он сорвался с места и поехал в гости к другу в Новокузнецк. Отдохнули там неплохо, а когда пришло время ехать домой, то ни у него самого, ни у друга денег не оказалось. Правдами, неправдами забрался он в вагон, залез на самую верхнюю полку. Поезд тронулся, он подумал, что невзгоды остались позади. Но контролёры не дремали. Выловили и его.

– Ваш билет.

– Знаете, потерял я его, а на второй денег не осталось.

– А куда едешь?

Дядя Володя почему-то побоялся сказать, что до Новосибирска. Наверное решил, что чем дальше путь, тем больше штраф.

– До Белова, – сказал он.

Контролёры – народ суровый:

– Пойдём с нами.

Дядя Володя пошёл, деваться некуда. Они завели его в служебное помещение:

– Посиди здесь.

И он сел, потом прилёг и даже уснул. Контролёры выпустили его только в Новосибирске.

– Ну вот, голубчик, добирайся до своего Белова, как знаешь.

Дядя Володя рассказывал эту историю не раз и не два:

– Вот ведь какое наказание я испытал: доставили в отдельном купе, без билета прямо к месту назначения. Ну прям как какого-нибудь министра или важного человека.

Когда дядя Володя учился в ПТУ на киномеханика, жил с друзьями на квартире у одной жадной и склочной старухи. Она запрещала им пользоваться плитой, жечь свет и расходовать воду. Как-то они решили попить чай в неурочное время. Достали свои припасы, уселись за стол, налили в кружки кипятка из стоящего на плите чайника и начали трапезу.

Бабки в это время дома не было. Но как всякая беда сваливается на голову человека без предупреждения, так и бабка заявила домой в самое неподходящее время. Увидев в своём собственном доме несанкционированный пир, она вначале застыла, как каменный статуй, а уж потом, придя в себя, понесла на несчастных квартирантов с высокой колокольни.

— Да ты что, бабушка, так безбожно ругаешься? — попытались урезонить старуху ребята, — мы, ведь, твоё не едим.

— Как не едите? — ещё пуще взбеленилась она, а кипяток из чайника, кто наливал?

— Что ты, бабушка, так убиваешься из-за воды, да мы тебе из колонки два ведра

принесём.

— Воды, воды, — истерично завизжала бабка, — зачем мне ваша вода. Вы мой кипяток пьёте, а хотите простой водой отделаться!

На другой день парни ушли на другую квартиру. Когда обговаривали с новой хозяйкой условия проживания, дядя Володя поинтересовался:

— А у вас кипяток кипятком считается или водой?

Хозяйка не сразу поняла этот вопрос, но когда ей рассказали о прежнем житье-бытье, она долго смеялась, качала головой:

— Мой кипяток — это вода, пейте на здоровье.

* * *

В бытовых пристрастиях дядя Володя был большой консерватор. Если стоит что-то, то пусть и стоит, если лежит что-то, не трогайте, пусть и дальше лежит. Августа Николаевна, чтобы купить в дом что-нибудь новое, начинала обработку дядюшкиного сознания за неделю, а если вещь, кроме всего, и большая, то и за месяц. Так получилось и с диваном-кроватью. Тогда

они только-только входили в моду. В деревне, считай, их ни у кого не было.

– Володя, давай диван-кровать купим.

– Зачем? У нас кровать ещё новая.

– Она же не удобная, узкая, все тряпки на виду.

– Если тебе места мало, я могу и на полу спать.

Прошло время, и Августа Николаевна всё-таки сумела уговорить его. Привезли диван, выкинули кровать. На следующий день я зашёл к ним в гости. Дядя Володя сразу же пожаловался:

– Не женись, Сашка, ни когда. Кровать ей, видишь ли, не понравилась, а на этой раскоряке я все бока себе отлежал, глаза ни на минуту не сомкнул.

Прошло не так уж и много времени, я снова завернул к ним. Разговор шёл о том, о сём, спросил я и о диване.

– Как ты, дядюшка, приспособился к дивану?

– А что? – удивился он. – Диван, как диван, просторный, легко разбирается и так же легко складывается. Ни одеяла, ни подушек не видно. Очень удобная штука.

– А кровать?

– Ну ты, племяш, сравнил.

Августа Николаевна, стоя за его спиной, поднесла палец к губам, молчи, мол. Она уже задумала купить телевизор и начала обработку дядюшкиного сознания.

* * *

Дядя Володя в детстве был изобретательным, как Том Сойер: умел извлекать выгоду из любого даже очень скучного и нелёгкого события. Как-то тётя Валя (а он в то время жил у неё в Чумаково, сейчас это Куйбышевский район Новосибирской области) дала ему задание наколоть дров. Махать топором ему не захотелось, не потому, что было лень, а потому что чурки в их дровнике остались почти все кряжистые, суковатые и тяжёлые.

Готовые дрова, правда, были совсем неподалёку в школьном сарае. Тётя Валя работала учителем в местной школе и жила в избушке на школьном дворе. Однако брать эти дрова строго запрещалось: как-никак – чужие припасы. Но из любой трудной ситуации есть выход. Здесь же во дворе была устроена ледяная горка с которой скатывалась целая толпа ребятишек.

– Эй, ребята, – позвал их новоявленный Том Сойер, – чего это вы штаны протираете? Вон в сарае дрова лежат, берите каждый по полону, садитесь на них и вниз.

– А можно?

– Конечно, можно. Один раз съедете, полено оставляйте и берите другое.

Так он и натаскал дров, не ударив палец о палец. Правда потом, когда тётя Валя узнала о его проделке, потрудиться пришлось. Все украденные в школе дрова пришлось таскать назад одному. Помощников на этот случай уже не нашлось.

* * *

Сегодня в семье большой праздник: дядя Володя женится. Уже сходили с Августой в сельсовет, зарегистрировали брак, уже собрались гости, накрыты столы. Кто-то из суетившихся женщин воскликнул:

– Господи, а хлеб-то никто не нарезал.

Гордый своим званием жениха вызвался это сделать дядя Володя. Хлеб он всегда резал, держа буханку на весу. Что помешало ему провести эту операцию безукоризненно, не знаю. Но только нож

неожиданно сорвался и как будто специально направленный злой силой легонько тюкнул в самый кончик носа. Потекла кровь, заохали женщины, на нос тотчас же была водружена бумажка. Так он с этой бумажкой и провёл добрую половину своей свадьбы.

Мы, мальчишки, тоже вертелись среди гостей, поэтому когда началась вся эта кутерьма с носом, я явственно слышал чей-то голос, который среди женских «ахов» и «охов» показался мне мудрым и даже пророческим:

– Не беда, заживёт, зато память на всю жизнь останется.

И верно, этот случай дядя Володя и вся наша родня никогда не забывала. А казалось бы мелочь, пустяк.

* * *

Память у дяди Володи была министерская. Он до мельчайших подробностей помнил содержание всех фильмов, которые ставил сам, он не забыл ни одной фамилии людей, с которыми ему довелось встречаться в жизни.

Однажды, когда я с семьёй жил в

Чулыме, дядя Володя приехал к нам. Ему нужна была какая-то медицинская справка. А я пообещал получить её без очереди и без особых затрат. Но до похода в больницу мне надо было на час-другой появиться на работе. Я оставил дядю Володю дома, а чтобы он не скучал включил магнитофон с какими-то полублатными песнями.

Вернулся домой я ровно через час, дядя Володя уже выключил магнитофон и с нетерпением ждал меня. Мы сходили в больницу, и он уехал домой. Самое интересное произошло позже.

Как-то мы сидели за столом, дядя Володя что-то рассказывал, а рассказывать он очень любил и умел, я прислушался и понял, что весь свой рассказ он пересыпает цитатами из песен, которые были записаны на моей кассете.

– Дядя Володя, – поинтересовался я, – где ты нахватался таких песен?

– Ты же сам ставил мне кассету с ними.

– Но ты ведь слушал её всего лишь раз. Я кручу её чуть ли не каждый день и почти ничего не помню.

Дядя Володя рассмеялся:

– А я всё запомнил. Мне, если что понравилось, учить не надо, само по полочкам раскладывается. Я и в школе ни разу в учебник не заглядывал, что учителя рассказывали, то я и запоминал.

Термос

Тётя Тая приехала к нам в деревню на всё лето. Как всегда, привезла подарки: махровые китайские полотенца, огромные и все в ярких цветах, ещё какие-то тряпки, а дяде Володе термос, тоже китайский и тоже в ярких цветах. Подарки всем понравились, все остались довольны, особенно радовался дядя Володя, потому что ему по долгу службы нередко приходилось отлучаться из дома. И он предполагал, что в обед у него всегда будет горячий чай.

Надо сказать, что тётя Тая жила в Туркмении, где служил её муж. В то время там нередко продавали такие вещи, о которых в нашей забытой богом деревне никто даже слыхом не слыхивал.

Однажды руководство совхоза объявило субботник по уборке сена. Собрался на покос и дядя Володя. Бабушка приготовила ему сумку с обедом, а чай в

термос он налил сам. Чай с пылу с жару – крутой кипяток.

Народу собралось много. За работу взялись дружно. Сумки с провиантом, чтобы не мешали, отнесли под кусты в тень. Работали дружно, весело, до обеда сметали несколько больших стогов. В обед уселись все в кружок под теми самыми кустами, где стояли их сумки. Разложили на травке еду и так же дружно, как работали, стали есть. Захрустели свежие и малосольные огурцы, застучали друг о друга сваренные вкрутую яйца, рассыпчатая картошечка, посыпанная свежим укропом, быстро исчезала из чашек. Мужики нахваливали сало толщиной в ладонь, макали в соль зелёные перья лука и всё это заедали блинами да пирогами. А к пирогам полагался холодный чай, закупоренный в стеклянные бутылки или же простокваша, приготовленная добрыми и умелыми хозяйками.

Дядя Володя достал из сумки свой термос, открутил крышку и налил в неё чай. За время работы он нисколько не остыл, был таким же горячим. Дядя Володя хлебнул глоток, обжёгся и стал дуть на него.

Мужики засмеялись:

– Вот Бунеев даёт, дурака включил. Чай полдня простоял в железной банке и не остыл. Ха-ха-ха!

Дядя Володя не выдержал:

– Возьми, попробуй, – и передал крышку с чаем соседу.

Ну тот и попробовал, глотнул от души, поперхнулся, обжёг язык и губы, от неожиданности выронил крышку из рук и обварил себе колени. Ругался он и клял эту проклятую железную банку ещё долго. Досталось, конечно, и дяде Володе. Правда, в итоге все едоки оценили китайское изделие по достоинству.

Так вот наши мужики в первый раз познакомились с одним из благ цивилизации.

* * *

Пиво в Серебрянку привозили редко. Ну а когда привозили, для серебрянских мужиков наступал праздник. Этот случай произошёл в один морозный зимний вечер. Машина из райцентра пришла поздно и чтобы разгрузить бочки с пивом пришлось вместо закончивших рабочий день грузчиков приглашать мужиков,

толкавшихся возле сельского клуба. Мужики согласились при условии, что им сегодня же продадут пиво. Как продавец *Латицкая Мария Никитична* не упиралась, мужики настояли на своём. Среди мужиков был и дядя Володя.

Бочки сгрузили мигом. Никитична отдала помощникам насос и указала на бочку:

– Открывайте сами, меня уже ноги не держат от усталости.

Мужиков упрашивать не пришлось. Раз-два, и пиво полилось в подставленное ведро.

– Пошли в кинобудку.

Дядя Володя работал в то время киномехаником и был всегда не прочь принять на рабочем месте любителей выпить.

Вот и сейчас вся ватага уселась в кружок и с удовольствием занялась смакованием пива.

– Вот это пиво, – с восхищением говорили мужики, – такого ещё не доводилось пробовать: и вкусное, и хмельное.

Кто-то из компании подбросил идею:

– А это потому, что бочки мы разгружали и сами наливали. Лапичеха не успела ещё водой разбавить.

Захмелевшие мужики с удовольствием восприняли эту мысль.

Однако всё хорошее быстро кончается. Закончилось хорошее пиво, переговорили все разговоры, настало время расходиться по домам. Шли по улицам с песнями, смехом, довольные и даже немного счастливые.

Утром ни свет ни заря, несмотря на ворчавших жён, они все как один собрались возле магазина. Расчёт оказался верным: Никитична тоже пришла пораньше, поэтому желание и возможности мужиков слились воедино, материализовавшись в полные трёхлитровые банки пива.

Всё начиналось, как и вчера, но когда все снова уселись в кружок и хлебнули по изрядному глотку вожделенного напитка, стало понятно, что вчерашнего чуда сегодня не повторится.

Васька Драница первым отставил банку в сторону и, скорчив недовольную мину, проворчал:

– Вот зараза, успела когда-то разбавить. Мужики, да ведь это не пиво, а

вода. Сейчас пойду и в морду ей эту бурду выплесну.

Дядя Володя тоже отпил глоток:

– И верно вода. – Он ещё сделал глоток и тут до него дошло, – мужики, а сколько градусов на улице?

– Под сорок.

– Ох и дураки же мы. Поспешили – людей насмешили. Пиво-то в открытой машине везли. Оно в бочках замёрзло в лёд, вернее вода замёрзла, а спирт перекочевал в средину бочки. Его-то мы вчера и выпили. А за ночь лёд в тепле растаял, и в бочке осталась водичка, которую мы с вами сейчас и пьём.

Погоревали мужики, допили воду и не солоно хлебавши разошлись по домам к вящему удовольствию жён.

Химики

После смерти тёти Таи (*Васильева Таисия Павловна*) Леночка (*Васильева Елена Геннадьевна*) некоторое время жила у нас в деревне. Ей едва исполнился год, росла вялой, болезненной. Как только кто-то из нянек на минутку ослаблял внимание, она тут же ковыряла стенку и тащила, как

заядлый наркоман, кусочки оторванной извести в рот. Наши женщины по такому случаю кинулись в больницу. Их заверили, что ничего страшного в этом нет, просто в организме не хватает кальция, надо попросту купить его в аптеке и в течение месяца-двух попить таблетки. И дурная привычка, в конце концов, обязательно пройдёт.

– Выпишите рецепт, – попросили женщины.

– Зачем? Это лекарство выдаётся без рецепта, оно совершенно безвредно.

– Хорошо, – согласились бабушки и тётушки и командировали в город дядю Володю и Павлика, который учился в школе в районном центре, и который считался самым начитанным и продвинутым в вопросах городской жизни и городской инфраструктуры.

Аптека оказалась рядом с вокзалом. Дядюшка отстоял небольшую очередь, поздоровался с фармацевтом и вдруг понял, что напрочь забыл название лекарства.

– Павлик, – позвал он племянника, – как лекарство называется?

– О, Боже, – спохватился и тот, – как

же, как же? Ах да, хлоралгидрат!

– А, да, да, – подхватил и дядя Володя,
– хлоралгидрат.

Фармацевт в изумлении выгнула брови, как выгибает кошка свою спину, вставая после долгого сна с лежанки.

– Хлоралгидрат выдаётся только по рецептам. А у вас он есть?

– Какой рецепт?! – возмутились наши мужики, – нам сказали, что на него рецепт не нужен.

– Нужен, – твёрдо ответила фармацевт, давая понять, что больше на эту тему она не разговаривает.

– Пойдём в другую аптеку, – махнул рукой дядя Володя, – аптекари здесь какие-то бестолковые.

Во второй аптеке действия обеих сторон удивительным образом повторились. Не солоно хлебавши наши ходоки прошли ещё две аптеки. И только в пятой уже достаточно уставший дядя Володя догадался просто побеседовать с фармацевтом.

– Мне надо лекарство, – слегка трясущимися губами пролепетал он.

– Какое?

– Забыл название. Его детям дают,

чтобы извёстку не ели. Только у меня рецепта нет.

– А рецепт и не нужен. Берите сколько хотите. Вот оно, – она подала маленький стеклянный пузырёк с таблетками. – Это глюконат кальция.

Дядя Володя уложил лекарство в сумку, а потом уже довольный спросил:

– А что такое хлоралгидрат? Мы его в других аптеках спрашивали, а нам везде отказали.

Женщина рассмеялась:

– Это средство для наркоза, оно токсично и на руки больным не выдаётся.

Всю дорогу домой дядя Володя подсмеивался над племянником.

– Хлоралгидрат. Ишь чего выдумал. Все аптеки на уши поставил. Химик!

Он тогда не догадывался, что по окончании школы этот племяш поступит в Томский государственный университет, окончит химический факультет и станет инженером радиохимиком.

ДОПОЛНЕНИЕ. А недавно со мной произошёл забавный случай. Женя попросила, купить Карине специальные карандаши – сангину для занятий в

художественной школе. Пока добирался до магазина, забыл название. В голове закружилось, а потом «вспомнилось» название – «сангрия». Просто чудо, что не озвучил, а то повеселил бы работников прилавка.

* * *

Дядя Володя сходил на охоту, застрелил зайца. Вернулся домой затемно, уставший, замёрзший, голодный. Показал домочадцам свой трофей и вынес его в кладовку, завтра, мол, освежую. Сказано – сделано. Утром, управившись по хозяйству, решил заняться зайцем. Каково же было его удивление и негодование, от жалкого вида его охотничьей добычи. На полке, куда он её поместил вечером, лежали, как говорится, «рожки да ножки»: голова, клочки шкурки, лапки и начисто обглоданные кости.

– Наверное крыса, – высказала догадку бабушка, – видать, с улицы забежала.

Дядя Володя чуть было не согласился с ней, когда б под ноги не подвернулся раздувшийся, как пузырь, кот. Дядя Володя

сначала очень рассердился на него, потом только руками развёл:

– Как же ты, милый, не лопнул, заяц ведь с тебя ростом был.

Кот не лопнул, дня три он отлёживался на своей лежанке в углу кухни, не подходя к чашке, куда сердобольная бабушка всё-таки подкладывала лакомые кусочки, а потом ожил и стал таким же как прежде.

Однажды бабушка напекла пирогов с печёнкой, позвала дядю Володю обедать, а сама ушла из дома.

– Сiju, ем пироги, – рассказал мне некоторое время спустя дядя Володя, – гляжу, напротив, на табуретке пристроился кот и пристально смотрит мне в глаза. Голодный значит. Кинул ему пирог. Пока я доедал свой, он со своим уже управился. Снова сел напротив и снова уставил глаза на меня. Подумал я и кинул ему второй пирог. Он и его уплёл. Дал третий, четвёртый, пятый. Тут уже мне интересно стало, сколько же ты, гад ненасытный, сможешь их сожрать? Съел он девять пирогов, и тут я остановился. Побоялся, что он ненароком лопнет, а я потом виноватым останусь. Но

мне кажется, он мог бы ещё столько же заглотить.

Конечно, у дяди Володи была страсть к преувеличениям, и он мог что-нибудь прибавить к истине в своём рассказе, но всё равно родиться на пустом месте такой рассказ не мог.

* * *

Когда Женя (*Шаймурватова Евгения Александровна*) была маленькой, она нередко самостоятельно ходила к кому-нибудь в гости.

— Ты куда собираешься, дочь? — бывало спросишь её.

— К бабушке, или к Бунеевым, — отвечала она.

И мы со спокойной душой отпускали. Знали, что в селе никто не обидит ребёнка. Однажды она засобиралась к Бунеевым, но мать притормозила её.

— Зачем ты идёшь к Бунеевым? Тёти Гути нет дома.

— Ну и что. Я к дяде Володе.

— Зачем?

— Просто так. Мы с ним поразговариваем.

Дядя Володя очень любил малышей. К нему нередко приходили соседские ребятишки, и он со всеми находил общий язык. Наверное поэтому, когда он работал киномехаником, авторитет его у малышей был непререкаемым.

А когда он работал на кинопередвижке, то зачастую уезжал по окрестным деревням на неделю, а то и на целый месяц. Возвращаясь домой, он обязательно привозил нам с братом какую-нибудь безделушку. Но однажды, вернувшись из командировки, он сказал нам:

– А сегодня я привёз вам такой подарок, что он останется в вашей памяти.

Он вытащил из сумки огромную и толстенную книгу.

– Держите, читайте, в жизни пригодится.

Читать мы уже умели и, понятно, обрадовались до умопомрачения. Во-первых, потому, что детских книг у нас не было; во-вторых, потому, что эта книга оказалась прекрасным художественным изданием «Малахитовой шкатулки» Павла Бажова с роскошными иллюстрациями.

* * *

Кто-то спросил дядю Володю:

– Володя, ты уже на пенсии?

– Уже полгода.

– Работать бросил?

– Ну что ты, работаю.

– А где?

– В организации «Ну-ка».

– А что это за организация?

– Ну-ка сходи, ну-ка подай, ну-ка принеси, ну-ка сделай.

* * *

Денег в те времена не было, сахара тоже. Тётя Тая (*Васильева Таисия Павловна*) время от времени присылала посылки с сахаром, и бабушка (*Бунеева Анисья Сергеевна*) нам по выходным и праздникам выдавала по ложке песка.

– Дядя Володя, – спрашивал я, – а как сахар делают?

– Просто, – отвечал он, – надо взять стакан воды и ложкой быстро быстро мешать воду. Как только сделаешь тысячу оборотов, вода станет сладкой.

Я добросовестно выполнял эту инструкцию, но – увы – сладкой воды так и

не получил. А дядя Володя посмеивался и говорил:

– Ты, наверное, неправильно считал обороты. Может быть, на один-два оборота и просчитался. Попробуй ещё разок.

Я пробовал ещё разок и ещё разок. Так уж хотелось на халяву получить сладкую воду. А кому не хочется пожить на халяву?

* * *

Дядя Володя рассказывал. Встретил как-то давнишнего знакомого:

- Привет!
- Привет.
- Как живёшь?
- Нормально.
- Работаете?
- Нет.
- А на что же ты живёшь?
- На пенсию.
- Ты что на пенсии?
- Нет, я на мамину.

Мёд

Засобирался я с семьёй уезжать из деревни в Ростовскую область на постоянное местожительство. Строили

планы, обсуждали поездку, изучали маршрут, искали какие-то сведения в книгах и интернете о тех краях, расспрашивали знакомых, которым доводилось бывать на юге. Никто из наших родственников нас от поездки не отговаривал. Наверное, не совсем верили, что мы решимся на переезд. Правда, при случае нет-нет да и спросят:

– Не жалко ли всё бросать, не передумали?

– Да нет, – отвечали мы, а сами помаленьку собирались: укладывали вещи, разбирали мебель, кое-что продавали, готовили документы на продажу квартир, сняли с учёта автомобиль.

И вот, наконец, наступил последний вечер. Машина уже загружена, выезд намечен на ранний утренний час.

Мы готовились ко сну, когда пришёл дядя Володя.

– Вот я вам мёда принёс, – он подал мне трёхлитровую банку мёда, – сегодня качал.

Дядя Володя держит пасеку и у него всегда вкусный душистый мёд.

Он постоял немного, потому что в пустой квартире сесть некуда, потом, не

поднимая на нас глаза, попросил:

– Не уезжайте, оставайтесь, ещё всё можно назад вернуть.

– Ну что ты, дядя Володя, вещи уже отправлены, квартиры проданы и там дом куплен.

– Да, да, – кивнул он головой и вдруг горько, как младенец, заплакал.

– Ты что, дядя Володя, – начал его успокаивать я, – не на смерть же нас провожаешь.

А у самого защемило сердце, и холодок пробежал по душе. Всё ведь могло случиться в дороге: шофёр я не опытный, дальше, чем за двести километров от дома не отъезжал. А тут, как ни крути, а набирается три тысячи вёрст.

А он продолжал всхлипывать:

– Больше мы с тобой, племянник, не увидимся.

– Не расстраивайся, дядюшка. Ничего с нами не случится. Мы обязательно приедем через год. Вот увидишь.

Так мы с ним и расстались. Пять суток добирались до нового места жительства и слава богу добрались без приключений, а через полгода пришло сообщение о смерти

дяди Володи. Всего три месяца проболел он. Врачи только и делали, что разводили руками да кололи обезболивающие средства.

На следующий год мы, как и обещали, приехали в деревню, сходили на кладбище, помянули дядюшку. Царство тебе небесное! В то время ему едва исполнилось семьдесят лет.

* * *

За столом дядя Володя любил поговорить. А если выпьет граммов 150, то и спеть. Любимыми его песнями были шуточные и сатирические песни. Откуда он их черпал не знает никто.

Колумб Америку открыл,
страну для нас совсем чужую,
Дурак, он лучше бы открыл
на нашей улице пивную.

По рюмочке по маленькой
налей, налей, налей
По рюмочке по маленькой,
чем больше лошадей.

А я не пью, ей богу нет,
так наливай сосед соседке,

Соседки тоже пьют вино.
Не пьющие соседки редки,
они все замужем давно.

Я ему пытался внушить, что надо петь
студентки, он смеялся и говорил:

– Ты можешь петь «студентки», но
мне ближе «соседки». В то время Александр
Буйнов ещё не пел эту песню, а то сейчас
наш спор был бы разрешён к вящему
удовольствию. В начале песни он поёт
«студентке», а чуть позже «соседке».

И ещё одна:

Зайдёшь в пивную ты,
там всё на электричестве:
Нажал на кнопку – чик-чирик,
вино в любом количестве,

Нажал на кнопку – чик-чирик,
сосиски с колбасой,
И не проходит полчаса,
как человек косой.

Он, конечно, пел эти песни от начала
до конца, но у меня не хватило ума
запомнить их.

**БУНЕЕВ
ГЕННАДИЙ
ПАВЛОВИЧ,**

(дядя Гена) сын *Бунеевых Павла Васильевича* и *Анисьи Сергеевны*, родился в 1940 году в с. Покровке. Когда ему исполнилось 11-12 лет, бабушка переехала в Серебрянку. Рос он хулиганистым мальчишкой, дрался, курил, лазил по чужим огородам, забирался на высоченные деревья и двухэтажную церковь, чтобы разорить птичьи гнёзда. В конце концов за неуспеваемость и хулиганство из школы его исключили. Тёте Тае пришлось забрать его к себе в Небит-Даг в Туркмению. Там он окончил школу, оттуда же ушёл в Армию. Служил в Луганске. После срочной службы остался на сверхсрочную, женился, заимел сына Сергея. Один или два раза приезжал с женой Раей в отпуск, Сергея же я никогда не видел. К несчастью, после окончания школы он поступил в военное училище и во время каких-то учений погиб. Как это произошло, никто так и не узнал.

Второй раз он женился в Тамбове на

местной женщине. В это время он уже был офицером и служил в Мурманской области в морской авиации. Специальностью его была связь. От этого брака родилась дочь Алла Геннадьевна. Её наша родня тоже никогда не видела. Знаем только по фотографиям. С женой Люсей он также расстался, бросив всё и всех, перебрался в Серебрянку, где женился в третий раз на Савельевой Лидии Дмитриевне.

* * *

Дядя Гена в детстве был крепышом и даже имел небольшой животик. Это нам с Павликом давало возможность доводить его чуть ли не до истерики. Как только он начинал дразнить нас, мы дружно отвечали ему: «А ты Петренко». Петренко был директором совхоза с большим животом. Сравнение с ним больно ударило по самолюбию молодого дяди.

* * *

В те годы зайцев в лесу было видимо-невидимо. Все деревенские мальчишки, что постарше, ходили в лес и ставили петли на заячьих тропах. Кому-то везло больше,

кому-то меньше, но каждый пойманный заяц в рассказах мальчишек превращался в целый десяток и воодушевлял всё новых и новых охотников на великие подвиги.

Наш дядя Гена тоже попал под влияние этой страсти. Он практически забросил учёбу и целыми днями пропадал в лесу. Увы, ему не везло. Он уже подумывал забросить это бесполезное занятие. Но тут удача свалилась на него, как манна небесная. Однажды он пришёл из леса победителем с улыбкой в пол-лица и крупным белым зайцем.

Зайчатина всем понравилась, мы с братом уплетали её за обе щеки. Вкусно! Правда, всё вкусное быстро заканчивается. За несколько дней от зайца не осталось ни одной косточки. Но бабушка, наливая в тарелки борщ с телятиной, приговаривала:

– А вот и борщ с зайчатинной.

Мы уплетали его с удовольствием, не обращая внимания на то, что «заячьи косточки» были толщиной в наши руки. Так до весны мы ели этого достойного уважения зайца. Кстати, дядя Гена, несмотря на все старания, второго зайца не поймал.

Лидия Дмитриевна, серебрянская жена дяди Гены, с которой он сошёлся после развода со второй женой и приезда в деревню, прожила всю жизнь одна и поэтому привыкла всё делать сама, решать все хозяйственные и финансовые вопросы тоже самостоятельно. Но вот свинью заколоть, нужен мужик. Позвала она своего отчима Прищепова Михаила Фомича, дала указание дяде Гене, и они приступили к обычному для любого деревенского мужика делу. Завалили кабанчика, уложили на настил, разожгли паяльные лампы и ну смолить убоину. Всё вроде бы шло своим чередом, но натура Лидии Дмитриевны не давала ей покоя. Не выдержала она:

– Скоблите шкуру получше, чтобы мягкая была и белая.

– Да мы, вроде, и так стараемся.

– Скоблите, скоблите.

Мужики сделали всё, как их просила хозяйка. А вечером она высказывала дяде Гене своё недовольство:

– Вот, опять меня не послушал. Не просмолили свинью, погляди щетина чуть ли не в палец торчит.

– Но ведь ты сама хотела этого. Кто заставлял скоблить. Шкуру-то мы соскоблили, а щетина осталась.

* * *

Первая жена дяди Гены была украинкой. Пожив в её семье примаком он впитал в себя многие украинские привычки. Приехав в Серебрянку в отпуск, он стал бабушку звать на «вы». Бабушка слушала, слушала и, наконец, не выдержала:

– Гена, что я тебе плохого сделала, почему ты меня зовёшь не как мать, а как чужую тётю?

Скорее всего, он так и не понял, что на «ты» обращаются только к самым близким и дорогим людям, так же, как к Богу. Он и меня учил обращаться к моей маме на «вы», но я его совет пропустил мимо ушей.

* * *

Деревенские ребяташки каждое лето чуть ли не в полном составе отправлялись на работу в совхоз на заготовку сена. Те, кто постарше, работали на сенокосилках, конных граблях, кто моложе возил копны.

Дядя Гена учился классе в шестом, был крепким мальчишкой, но почему-то ни разу «на бригаде» не работал. А в это лето он тоже загоношился: «Поеду и поеду». Бабушка с мамой пытались отговорить его, всё напрасно. Он стоял на своём:

– Поеду, все ребяташки едут, деньги зарабатывают, не слоняются по деревне без дела.

Эти доводы в конце концов сыграли свою роль. Дядя Гена с армией таких же, как он сам, огольцов отправился на заработки в бригаду.

Прошла неделя. В субботу всех работников привозили в деревню в баню. Приехал и дядя Гена. Уже с порога он заявил:

– Больше на бригаду не поеду.

– Почему, – поинтересовалась бабушка, – ты же так рвался туда?

– Не поеду и всё.

– Может, тебя там обидели или питание плохое, или работать тяжело заставляли, – бабушка не отставала от него.

Но тот был настырным и что-нибудь выведать у него оказалось дохлым делом

Мама сходила в совхозную контору и

поинтересовалась у бригадира, почему её брат так резко отказался работать на покосе. Оказалось, что его поставили работать на конных граблях. С непривычки это довольно тяжело, кроме того, на жёстком сиденье граблей он до крови сбил ягодицы.

– Пусть он подлечится, – подытожил бригадир, – а потом, если захочет, пусть вернётся, мы ему дадим работу полегче.

Дядя Гена вернуться не захотел. Бабушка только руками развела:

– Вот так поработал. Задницу разбил, сапог порвал, ложку потерял и ещё должен совхозу остался: проел больше, чем заработал.

**БУНЕЕВ
МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ,**

младший брат *Бунеева Павла Васильевича* и *Миёвой Дарьи Васильевны*, сын *Бунеевых Василия Ивановича* и *Марии Ивановны* начинал свою трудовую деятельность в с.

Покровка учителем. Учил и мою маму

(*Степанова Нина Павловна*). Позже перебрался в Новосибирск, женился. Вместе с женой тётей Зоей, жаль, что о ней я почти ничего не знаю, родили двух детей Тамару и Виктора.

Тамара – моя ровесница, окончила биологический факультет педагогического института, долгое время работала то ли в вечерней, то ли в заочной школе.

Дядя Миша работал мастером на Чкаловском заводе. Жили они в двух комнатах четырёхкомнатной квартиры. Вся серебрянская родня всегда заезжала к ним и там всегда находилось для нас место.

Как-то я спросил у него что-то на счёт зоопарка.

Он засмеялся:

– А я никогда не был там. У меня всего два пути: в будние дни на работу, а в выходной – на рынок за картошкой и овощами.

Я засмеялся.

– Не смейся, так живёт большая часть горожан. Особенно из тех, кто приехал сюда из деревни. Редко кто по настоящему приспособился к городской жизни. Если честно, то я таких не встречал.

**БУНЕЕВ
ПАВЕЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ,**

(дедушка Павел), сын *Бунеевых* *Василия Ивановича* и *Марии Ивановны*, отец *Бунеевых* *Владимира*, *Александра* и *Геннадия Павловичей*, *Саниной Антонины Павловны*, *Осиповой Валентины Павловны*, *Вяткиной Елены Павловны*, *Степановой Нины Павловны* и *Васильевой Таисии Павловны* родом из Воронежской губернии Задонского уезда деревни Гудовка, 1897 года рождения. Когда ему было лет 10-12, он вместе с семьёй переселился в Сибирь. О годах детства и юношества мне ничего не известно, но, скорее всего, баклуши он не бил, а как и все крестьяне тех лет с малолетства работал на семью. В 18 лет (1918 год) он женился на Масловой (ударенье на «о») *Анисье Сергеевне (Бунеева Анисья Сергеевна)*, когда ей было 16 лет. На следующий год (1919 год) родилась их первая дочь *Тоня Санина Антонина Павловна*).

* * *

В 1942 году дедушка Павел приехал в Чулымский райвоенкомат и попросился на фронт. Хорошо это или плохо, судить не нам. Хорошо то, что он не мог оставаться в стороне от тех страшных событий, которые происходили далеко за пределами Сибири. Плохо то, что, уходя на фронт, он оставлял семью (жена и восемь детей) и ставил её на грань выживания. Однако он выбор сделал сам. В том же году он и погиб, точнее пропал без вести. Семья предпринимала попытки найти его, всё оказалось безрезультатным.

* * *

Дедушку Павла избрали председателем колхоза. Человек он был беспокойным, поэтому, наверное, выбор пал на него. Как говорила бабушка, колхозные дела были для него всегда важнее домашних. Даже крышу накрыть дома ему было некогда.

– Успеем, мать, – отвечал он на упрёки жены – Потерпи немного. Закончим сеять, тогда и за крышу возьмёмся.

А потом наступало время покоса,

ремонта скотных дворов, уборки урожая. И опять ему было некогда. А крыша протекала вовсю. Когда шёл дождь, в доме не оставалось сухого места.

В предвоенный год хлеба уродились на славу, но взять их полноценно крестьяне не могли. Над всей Сибирью нависли тяжёлые тучи, и пошёл долгий нудный дождь, не оставлявший никаких надежд на скорое завершение. Собранное зерно хранить было негде, ещё день-два, и оно «загорится», сдать его на элеватор будет нельзя. А не выполнить первую заповедь хлебороба: «Главное – план продажи зерна государству» – преступление.

И тогда дедушка принял единоличное решение: раздать зерно крестьянам, чтобы они просушили его дома. Люди топили русские печи, бани, день и ночь сушили хлеб.

Однако работники НКВД тоже не спали, кто-то донёс, что председатель Бунеев, не сдав государству ни одного мешка зерна, уже рассчитался с колхозниками, выдав им хлеб под трудодни. Деда арестовали и увезли в Новосибирск.

К счастью, колхозники просушили

Паспортный документ по учету погибшего и пропавшего без вести рядового и сержанта Красной Армии

12

Пропавший без вести, с даты исчезновения

1. Фамилия, имя, отчество Бунеев Павел Васильевич

2. Военное звание рядовой

3. Занималась ли должность в Красной Армии не известно

4. Политический беспартийный

5. Год рождения 1897

6. Место рождения (область, район, о/обл, о/ок) Волонизская область, Задонский район, с. Будовка

7. Каким РВК, какой области и когда был призван Чулымский РВК, Новосибирская область, 12 января 1942 г.

8. Когда прекратилась военная служба и последний известный адрес Свеза Украинская, 15 мая 1942, далее неизвестен

9. Каким местом о нем заведует неизвестно

10. Родственное отношение (фамилия, имя, отчество заведующего) жена Бунеева Анна Сергеевна

11. Адрес местожительства заведующего Новосибирская область, Чулымский район, поселок Ново-Николаевский, д. 1, Железнодорожная

12. Заключение РВК, о чем запрос был поставлен в 1946 году, но ответа не последовало.

Чулымский район, Ново-Николаевский поселок, д. 1, Железнодорожная

13. Подпись Михайлов /инициалы/

Запрос на поиск пропавшего без вести рядового
Бунеева Павла Васильевича из Чулымского
военкомата в 1946 году

зерно, свезли его на элеватор, рассчитались

с государственным планом (единственный колхоз в районе), чем доказали невинность своего председателя. Через несколько месяцев его освободили, что было почти невероятным событием, поскольку обычно все, попавшие туда, назад не возвращались.

Мама (*Степанова Нина Павловна*) уверяла, что его не просто отпустили, но какую-то компенсация выплатили, потому что он всем ребятишкам привёз подарки, причём не просто игрушки, но кое-что из одежды, что было верхом мечтаний детей.

**БУНЕЕВ
ПАВЕЛ
ВЛАДИМИРОВИЧ,**
сын *Бунеевых
Владимира Павловича и
Августы Николаевны,*
мой двоюродный брат.
Мне довелось

преподавать в его классе, а значит и ему, биологию в течение двух лет. Учился он хорошо, был в меру балованный, но совершенно безвредным. Недаром его звали

«добрым».

В детстве, когда отец работал оператором АВМ (делал витаминную травяную муку). он кувыркался в измельчённой массе травы и случайно вдохнул кусочек травы в лёгкое. Сначала он вроде бы немного покашлял, и всё прошло. Однако через несколько дней началось воспаление лёгочной ткани, а затем и абсцесс. Излечение произошло только после хирургического вмешательства.

После окончания школы он поступил в Институт железнодорожного транспорта, но уже через год-два ушёл из него и поступил в строительный. Учился в нём очень долго, чуть ли не десять лет, но, по заверению матери (*Бунеева Августа Николаевна*), всё-таки окончил его, но в дальнейшем по специальности не работал.

Тем не менее он вполне состоялся, нашёл неплохую работу, жену, купил в городе квартиру.

А ведь у него была возможность стать настоящим художником. Способности у него были от бога.

Однажды я наблюдал, как он рисовал всадника на коне. Вначале было трудно

понять, что он пытается изобразить, и только, когда кое-что стало вырисовываться на бумаге, понял. Всадника на коне он начал рисовать с задней ноги лошади. На все наши уговоры, учиться рисованию дальше он почему-то категорически отказался.

Не знаю, хранит ли сейчас его рисунки Августа Николаевна, но в ту пору их набралось несметное количество: и альбомы, и ученические тетради, и отдельные листки. Когда я был в последний раз у неё в гостях, почему-то забыл спросить об этом. А жаль, полюбоваться интересными рисунками было бы неплохо.

**БУНЕЕВА
АВГУСТА
НИКОЛАЕВНА,**

тётя Гутя (в девичестве Переберина), жена Бунеева *Владимира Павловича*. После окончания педучилища была определена в Серебрянскую школу учителем начальных классов. Отработав в

школе много лет, она неожиданно для всех оставила свою специальность и стала секретарём сельского совета. Оттуда ушла на заслуженный отдых. Всегда пользовалась большим авторитетом у сельчан, как специалист, хорошая хозяйка и добрый человек. Дети: Бунеева *Ирина Владимировна*, Бунеев *Павел Владимирович*.

* * *

Я учился в 5-ом классе. Наша учительница по математике ушла в декретный отпуск. Временно на прорыв бросили Августу Николаевну. Класс был большой и самый хулиганистый в школе. Особенно доставалось нашей математичке. На её уроках творилось что-то невообразимое. Девчонки визжали, мальчишки ругались, дрались, пускали по классу самолётики – бумажных голубей, прыгали по партам. А она маленькая и беззащитная, с огромным животом боялась даже сделать замечание. Ей очень хотелось хоть как-то доработать до декретного отпуска. И она доработала. И вот мы ждём новую учительницу. К её встрече приготовили самолётики, свистульки,

трещётки. «Ну, – посмеиваясь, говорили мы друг другу, – и эту встретим, как надо».

Но вот и звонок. Мы стоим за партами, имея в арсенале для новенькой, множество пакостей. Августа Николаевна входит в класс, здоровается, проходит к столу. И в эту минуту мы понимаем, что все наши приготовления никчёмны, что с сегодняшнего дня придётся учить математику и навёрстывать упущенное на уроках с прежней учительницей.

* * *

У Чепуштановых свадьба, выдают замуж дочку. Гости занимают за столами места. Мужики в предвкушении выпивки потирают руки, женщины тоже улыбаются. У всех хорошее приподнятое настроение. На столах стоят закуски, водка в запотевших бутылках, вина с заморскими этикетками.

Августа Николаевна, непьющий человек, смотрит на импортные бутылки и с удовлетворением говорит:

– Ну этого-то вина я обязательно попробую.

Я сижу рядом, и когда поступило предложение налить рюмки, наполняю свою

рюмку водкой, а Августе Николаевне вина из бутылки с красивой этикеткой. Прокричали здравницы, содвинули бокалы и рюмки, выпиваю свою и с испугом увидел, как Августа Николаевна поперхнулась импортным вином.

– Что случилось, Августа Николаевна?

Она прокашлявшись и вытерев платочком слёзы, прошептала:

– Да ведь они же в красивые бутылки налили закрашенный самогон. Сколько же лет они собирали эти бутылки?

* * *

Августа была приезжей девушкой. Дядя Володя быстро обратил на неё внимание, немного подружил и вскорости женился.

Десять лет прожили они в добрых отношениях. Всё у них было, но не было детей. Бабушка больше всех горевала об этом. Но на одиннадцатом году совместной жизни молодуха наконец-то понесла и родила мальчишку. Увы, радость была недолгой. Ребёнок после рождения сразу же умер. Только и успели наречь Сашей.

Горе всех было неопишмым. Но,

едва успели отгоревать, как родилась девочка, большая, крепкая и здоровая. Нарекли Ири́на (*Бунеева Ири́на Владимировна*). А следом появился и Павлик (*Бунеев Павел Владимирович*), сын, которым дядя Володя гордился до самой смерти.

**БУНЕЕВА
АНИСЬЯ
СЕРГЕЕВНА,**

(бабушка Анисья).

Отец Маслов (ударение на втором слогѣ) Сергей, мать – Широ́ва. Когда родилась третья дочь, мать умерла. Детей (Вѣра Серге́евна в замужестве Зайцева, Татьяна Серге́евна (?) прожила всю жизнь старой де́вой) разобрали тѣти и дяди, росли и воспитывались они в разных семьях. Бабушка, скорее всего, 1902 года рождения. Косвенно судить об этом можно, исходя из её же рассказа. Она как-то говорила, что замуж её отдали в 16 лет, а тѣтя Тоня – старшая её дочь, родилась в 1919 году. Детей у бабушки и дедушки (*Бунеев Павел Васи́льевич*) было восемь:

Санина Антонина Павловна, Осипова Валентина Павловна, Вяткина Елена Павловна, Степанова Нина Павловна, Васильева Таисия Павловна, Бунеевы Владимир Павлович, Александр Павлович и Геннадий Павлович.

* * *

Я родился в Серебрянке. Когда мне исполнилось несколько месяцев, отца (*Степанов Владимир Ильич*) забрали в Армию. Дедов Степановых перевели из Серебрянки в Чулым. Мама осталась с двумя малолетками в полном одиночестве. Она рассказывала, что помогали чужие люди, приходилось нанимать няnek. В то время женщина после родов могла сидеть дома по уходу за ребёнком не более двух месяцев.

Когда мне исполнился год бабушка Анисья забрала меня с собой в Покровку. Прожил я там год, после чего бабушка, дядя Володя и дядя Гена переехали в Серебрянку.

Говорят, что годовалый человек не может помнить что с ним происходило в это время. Я тоже так считаю, но мне всегда казалось, что я помню Покровку. Сказал

как-то об этом бабушке, она рассмеялась, но потом спросила:

– И что же ты помнишь?

– Я помню дом, на котором стояли стропила и была обрешётка, и он почему-то пугал меня своей незавершённостью и заброшенностью. Второе, я помнил, что мы пошли с тобой куда-то, где я видел что-то страшное и чёрное. Третье, когда мы мылись в бане, моя ножка провалилась в щель, и ты с другими людьми с трудом вытащила её оттуда.

Через некоторое время бабушка рассказывала моей маме, что действительно напротив её дома в Покровке жили соседи, которые в тот год зимой скормили соломенную крышу скоту. Дом их действительно выглядел очень страшно. А страшной и чёрной оказаласьдохлая овца. Бабушка водила меня к ней, показывала «смерть». И нога у меня в бане проваливалась в щель. Ни о том, ни о другом, ни о третьем она никогда и никому не рассказывала.

Так что прежде, чем категорически отвергать что-то надо серьёзно посмотреть на это что-то и глубже копнуть тему.

А это мои воспоминания о бабушке.

Она нередко рассказывала о своём житье-бытие. Но всё основное из её рассказов пролетело мимо ушей, а кое-что уже попросту забылось. Очень смутно помню её рассказы о Гражданской войне («Колчак шёл»), о том, как белые наказывали жителей за укрывательство лошадей, другой скотины, продуктов, сыновей, годных к военной службе.

Согнали всех жителей в центр села, выстроили в шеренгу и каждого десятого жестоко высекли. Наказание было настолько жестокое, что некоторые люди, что послабее здоровьем, не выдержали экзекуции и умерли.

Рассказывала и о том, как прятали в землю ценные вещи, как сами прятались в погребах. Только чудом ей удалось спасти ножную швейную машинку «Зингер», которая в последующие годы была её кормилицей. Она обшивала добрую половину женского населения деревни. Почти каждый день к нам приходили знакомые и незнакомые сельчанки, приносили ткани, обсуждали с бабушкой

фасоны: кому юбку «семиклинку», кому «девятиклинку», кому более того – «солнышко».

Бабушка была невысокой, довольно полной женщиной. Гладкие волосы зачёсывала назад, где скручивала их в небольшой узел, обязательно скрепляя гребенкой. Носила платок. Лицо её было типично русским. Доброты она была необычайной, никогда ни на кого не кричала, никого не осуждала, тем, кто беднее её, подавала милостыню.

Нередко у нас (это уже было в Серебрянке) обедали деревенские убогие и нищие: Ганька-слепенька, Василь Ишутин и ещё одна старушка, по-моему, её звали Васюта.

Помню разговор бабушки с Василём. Тот вообще имел обыкновение неожиданно негаданно заходить в дом, усаживаться у двери и ждать, когда его накормят. Бабушка спросила его:

– Ты, Василь, один живёшь?

– Ага.

– А кто тебе варит?

– Да сам.

– А картошка у тебя есть?

– Есть.

– Много?

– Доволе, целая ямка.

– Это хорошо, – похвалила его бабушка. (Ямкой в Серебрянке нередко называли подполье).

Пришла с работы мама. Бабушка рассказала, вернее, пересказала свой разговор с Василём. Мама слушала, качала головой и долго смеялась. Оказывается, Василь жил в колхозной конторе, а в углу её была прогнившая половица. Он вырыл там небольшую ямку, в которую входило меньше полведра картошки. Варить её, естественно, было не в чем. Когда протапливалась печь, он закидывал картофелины на угли и таким образом готовил фирменное блюдо. После этого рассказа бабушка ещё больше стала жалеть Василя.

* * *

Бабушка, я уже вроде говорил об этом, была в доме хозяйкой. Мама уходила на работу, а мы, огород, скотина оставались на ней. Бабушка перевезла из Покровки не только домашний скарб, но и корову по

кличке Черёмуха. Корова большая и высокоудойная. Правда, в наших болотистых травах питательных веществ мало, и она быстро превратилась в обычную корову, несмотря на отчаянные попытки бабушки не допустить этого.

По выходным бабушка стряпала пироги, а когда не было муки у неё всегда были «парёнки» (пареные в русской печи морковь, свёкла, репа, капустные кочерыжки).

Любили, когда она рассказывала сказки. Знала она их много: русские народные про зверей, героев, пересказывала библейские сюжеты. Особенно удивляла сказка про Никаева. В этой сказке Никаев освободил, или вернее, спас коня, у которого в кормушке лежало мясо, и льва, у которого под носом было положено сено, от голодной смерти, поменяв им корм. В дальнейшем благодарные животные не раз выручали его. По ходу дела бился он с колдуньей (бабой-ягой), со змеями о трёх, семи и двенадцати головах. Что это за сказка я так и не знаю. В крайнем случае, у Афанасьева ничего подобного нет.

Надо однако признаться, что я больше

всего любил сказку про лисицу со скалочкой и всегда просил бабушку рассказать именно её. Павлика он, слава Богу, был старше меня на два года, это не устраивало, и он ещё задолго до вечера начинал уговаривать меня, чтобы я тоже просил сказку про Никаева. Я соглашался, но когда надо было просить бабушку, я обычно забывал о своём обещании. Иногда бабушка сама спрашивала: «Ну и какую вам сказку рассказать?» Павлик сразу же просил про Никаева, а я говорил, что сказку сегодня «не нузьно».

* * *

У бабушки не было икон, но в Бога она верила. Молитвы читала про себя или шёпотом, носила нательный крестик и никогда не выказывала себя перед людьми рьяной христианкой. Любимым её праздником была Пасха.

В четверг на страстной неделе она до восхода солнца уже успевала протопить баню, помыться и помыть нас, малышей. В субботу она уговаривала всю семью лечь пораньше спать, чтобы пасха наступила скорее и чтобы назавтра встать тоже до

восхода солнца. А в воскресенье уже на саму Пасху, если небо было чистым, она обязательно будила нас. Вставать было трудно, но мы всё равно поднимались и шли за бабушкой на улицу, смотрели на восход и радовались тому, как солнышко играет.

Мы видели это, и я до сих пор счастлив тем, что в детстве запечатлел в памяти эту игру солнца. Спасибо тебе, любимая моя бабушка! Сколько света от тебя сохранилось в душе моей, ничуть не меньше, чем от играющего солнышка. Ты, я помню, ни разу не сказала «солнце», но всегда «солнышко». Ещё раз спасибо и низкий поклон, в том числе и за то, что когда я был маленьким, солнце на пасху и в самом деле играло, а когда вырос ничего подобного уже не замечал.

* * *

Кто-то привёз бабушке банку персикового компота. Не помню, кто и откуда, но в нашем деревенском магазине такие вещи не продавались. Бабушка открыла банку, а там невиданные никогда фрукты – персики. Круглые, румяные, большие. Бабушка достала ложкой один и

подала мне:

– Ну-ка, внучок, попробуй.

Я проглотил его в один миг, испытал несказанное удовольствие.

– Вкусно, бабушка, вкусно. Я бы такой компот целыми днями ел.

– Это хорошо. Вот вырастешь, станешь работать, получать деньги, и если водку пить не будешь, то компоты можно будет покупать хоть каждый день.

* * *

У бабушки, как у всякого немолодого человека, было немало болезней. Частенько она жаловалась на боли в ногах и тогда мазала их всякими снадобьями. Тётя Тая даже высылала ей из Туркмении змеиный яд. Но и он ей не помог. Растирала ноги настойкой муравьёв, но болезнь не отступала.

В более зрелом возрасте её мучила мочекаменная болезнь. Правда в один прекрасный момент камни самостоятельно вышли естественным путём. Это случилось в Туркмении, где бабушка провела целый год. Там же она лечилась грязью курорта Молла-Кара.

Но самая страшная болячка, о которой она хоть и неохотно, но иногда рассказывала, случилась, когда она была ещё молодой. Диагноз для тех времён страшный – заворот кишок. Чаще всего люди от этого люди погибали. Но бабушку спасла санитарная авиация. Как и кто вызвал бригаду медиков, не знаю, но то, что её доставили в больницу вовремя – факт.

А вообще на свои болячки она не любила жаловаться. Просто иногда нечаянно ойкнет или чуть слышно застонет. Смерть она приняла спокойно, уснула и через два дня сердце перестало стучать. Случилось это осенью. Все дни, пока она лежала без сознания, пока готовились к похоронам, не переставая шёл дождь. Но в день похорон тучи расступились, выглянуло солнце, словно в награду за бабушкину трудную, но праведную жизнь.

Бабушка

Она сидела у окна,
следа внимательно за нами,
как будто добрая весна
за запоздалыми цветами.

Мы наливали в кружки квас
из запотелой грузной кринки,
и оживали вокруг глаз
её весёлые морщинки.

И между делом, не уча,
делилась бабушка Анисья,
словно кусочком кулича,
заветной выстраданной мыслью.

Впитав подаренный совет,
ватага внуков бестолковых
умнела на десяток лет,
как после выпуска из школы.

* * *

Выглянула бабушка в окно, видит
бежит по улице, торопится куда-то соседка
такая же по возрасту, а может, и постарше.
Шагает быстро, перебирает ногами часто.

Бабушка с одобрением:

– Вон, Морозиха куда-то побежала, у
неё ножки не болят.

* * *

Я совсем ещё пацан, сижу в уголке и
чем-то занимаюсь. В гостях у бабушки

деревенские женщины, увлечённо разговаривают на самые разные темы. На меня они не обращают никакого внимания, но я зато слышу всё, о чём они говорят.

– Машка-то Тагакова замуж выскочила, – сообщает очередную новость Егоровна.

Бабушка жителей Серебрянки знает ещё недостаточно, поэтому она как-то нейтрально реагирует на это сообщение.

– Так она ведь уже третий раз мужиков меняет.

– Ну, это, конечно, не дело.

– Так это что, Сергеевна, она уже беременна.

И тут бабушка спохватилась, что в комнате кроме них нахожусь и я.

– Тише, Егоровна, мальчик же здесь.

– Ой прости, Сергеевна, я и не заметила.

Больше подслушать разговор взрослых не удалось, они стали говорить шёпотом. Вот что значит высоконравственные люди. А ведь они были или неграмотными или малограмотными. Зато сейчас в просвещённый век с экранов телевизоров слова беременность, месячные,

прокладки, противозачаточные и т.д. слетают в уши и детей, и взрослых. И никто перед просмотром роликов рекламы не ставит на них указание, с какого возраста их можно смотреть.

* * *

– Бабушка, а почему ты не любишь книги? – как-то спросил я.

– Люблю, но читать не умею.

– Ты что в школу не ходила?

– Не довелось.

– А буквы ты знаешь?

– Знаю. Когда была помоложе, ходила на учёбу в ликбез. Нас там было таких как я человек сто. Буквы я выучила, а вот складывать их в слова не смогла.

– Но это ведь нетрудно. Давай я тебя научу.

– Научи, если не трудно.

Оказалось, трудно. Видимо, учитель из меня вышел никудышный. А бабушка так и не научилась читать.

* * *

Побывала бабушка и в Туркмении. Жила она у тёти Таи (*Васильева Таусия Павловна*) целый год. Там у неё

приключился катаклизм, связанный с почечнокаменной болезнью. Хотели делать операцию, но, слава Богу, камешки вышли естественным путём.

Впечатлений от этой поездки у неё было очень много. Она никогда не рассказывала, что ей не понравилось в Туркмении, но всегда о том, что удивило её, что запомнилось. Жалела людей, что живут они бедно (это о туркменах) в тяжёлых условиях.

В палате с ней лежала одна туркменка, которая рассказывала ей о муже, что он хороший охотник, что они всегда с мясом.

— Убьёт он качкалдака, — рассказывала женщина, — а я наварю казан плова, и едим всей семьёй целый день.

Бабушка хвалила её и мужа, мол, молодцы, а потом возьми и спроси кого-то: «А кто такой качкалдак?» Она по простоте души думала, что это какой-нибудь зверь, вроде нашей косули. А когда сказали, что это чирок, она искренне пожалела этих людей. Мы-то в деревне мясо имели вдоволь, а уж чирков, как говорится, за мясо не считали.

* * *

Бабушке от жизни досталось много негатива. Сиротское детство и юность, раннее замужество. Семья у Бунеевых была большая, до работы все были жадные, дни и ночи напролёт работали в поле, со скотиной, пряли, ткали, копили деньги. Сразу пошли дети, а тут революция, гражданская война. Рвали жилы на единоличном хозяйстве. Глава семейства – мать дедушки Павла была властной прижимистый женщиной. Она никому не давала и минуты посидеть без дела, накопила целый мешок денег: царских и керенок. Потом этими бумажками обклеивали стены.

* * *

Все, наверное, читали про Мишку Квакина? Кто читал, тот помнит, как он со своей шайкой хулиганов воровал в дачном посёлке из садов яблоки. У нас в деревне воровали огурцы. Подошло время, и в нашем огуречнике подросли огурчики. Бабушка почему-то решила их не срывать, а оставить назавтра.

– Ой, – говорили ей добрые люди, – не оставляй на грядке, завтра можешь их не

найти.

– Не бойтесь, найду.

Она придумала свой хитрый ход. Вечером, когда все отправились спать, она взяла фуфайку и пошла сторожить огуречник. Она твёрдо знала, что ребяшня не посмеет хулиганить в присутствии взрослого человека. И правда, всю ночь по всей округе хозяйничала тишина.

Бабушка честно исполнила взятые на себя обязательства. Вот уже и солнце стало выползать на свет божий, вот уже и пастух закричал на краю деревни своё извечное: «Выгоняй!»

– Пойду, подою корову, – решила она, – теперь уже никто не посмеет залезть в огород. Люди кругом.

Бабушка не спеша подоила корову, также не спеша проводила её в стадо. Воротясь, она обратила внимание на то, что калитка в огуречник открыта.

– Вот, глупая, – укорила она себя, – ушла и калитку не закрыла.

Она прикрыла её, сходила домой, взяла ведро и отправилась собирать огурцы. Увы! Как и говорили добрые люди, они ушли к другому.

— Вот пропасть, — долго ещё сокрушалась бабушка, вспоминая этот случай, — какая же у них выдержка была. Просидели в засаде всю ночь и всё-таки пересидели меня.

* * *

Каждый год в один из жарких июльских дней, обязательно после Ивана Купалы, бабушка звала меня:

— Пойдём, внучек, в лес, веников наломаем, ты нести поможешь.

Я с радостью соглашался. С бабушкой в лесу было интересно. Она много чего знало и всегда интересно рассказывала. Да и вообще порезвиться в лесу само собой весело. Можно на дерево залезть и обзреть окружающий мир с высоты птичьего полёта, можно найти интересный цветок или какую-нибудь козявку, какую сидя на диване, никогда и не увидишь. В том, что впоследствии я полюбил биологию, есть и заслуга моей любимой бабушки.

Ах да, простите, мы ведь начинали о вениках. Несмотря на то, что в нашей семье никто сильно не парился, бабушка всё равно заготавливала их десятка полтора-два.

– Может, я когда-нибудь сама попарюсь, – говаривала она.

– Бабушка, смотри, какая красивая берёзка, давай ветки ломать, – предлагал я, увидев, на мой взгляд, красивое дерево.

Бабушка проходила мимо:

– Нет, это берёзка не подойдёт, у неё листочки узкие.

– А эта? – я указывал на другое дерево.

– И это тоже, веточки у неё плакучие, а надо, чтобы были упругими.

– А вон та?

– И та пусть стоит не тревожится, видишь, какие серёжки у неё толстые. Ищи получше.

А что искать, если их вокруг видимо-невидимо, и все годны на веники. Бабушка очень ловко и аккуратно обламывала нижние ветки.

– А давай вот эту берёзку всю обломаем, веточки на ней все хорошие.

– А как же дерево без веток жить будет? Они же дерево кормят.

Сорванные веточки бабушка аккуратно укладывала в две стопы, перевязывала верёвками, побольше себе, поменьше – мне.

– Бабушка, – возмущался я, – почему мне так мало?

– Так тебе и годиков мало, на будущий год я навяжу тебе побольше.

Дома мы усаживались с ней во дворе и начинали вязать веники. Это тоже чудесное занятие. Чуть-чуть увядшие листья начинают отдавать в воздух ни с чем не сравнимый берёзовый аромат. Вдыхаешь его, купаешься в нём и кажется, что вокруг тебя какая-то нереальная сила вроде живой воды из бабушкиных сказок.

Веники она вязала мастерски, веточка к веточке, стебелёк к стебельку. Веники получались ровные, пышные, лёгкие, как она говорила «по руке». Мало-помалу и я научился у неё этому мастерству и даже полюбил это дело. Со временем полюбил и парную. Без веника баня – не баня, горячей водой так телеса не прогреешь.

* * *

Бабушка Анисья, добавляя
сливочное масло в кашу, обычно
приговаривала:

– Ешьте кашку, с маслом-то она вкуснее. Говорят, даже барин жареные на

масле рукавицы съел.

— Бабушка, а зачем он их ел?

— Так ведь вкусными они ему показались. Каша-то наша вон какая вкусная.

— И правда вкусная, — хором отвечали мы с братом.

— То-то, может, кому-нибудь добавки надо?

Тут уж отказаться было нельзя.

* * *

Когда нам с Павликом было лет по 5-6, мы то ссорились по пустякам, то просто дурачились. Мама просила нас успокоиться, прикрикивала на нас. Но мало помогало. И тогда вмешивалась бабушка.

— Так, ребята, прекращайте баловство, кто умнее, тот первым перестанет.

Умных среди нас не находилось. Мы продолжали проказничать. И тогда бабушка приводила последний аргумент. Она доставала откуда-то тоненький маленький прутик от веника и грозным голосом предупреждала:

— Не перестанете баловать, сейчас всыплю каждому неслуху.

Бабушка ни разу в жизни не ударила

ребёнка, но её угроза и вид «страшного» орудия всегда действовали на нас умиротворяющее. Мы затихали, мирились и продолжали играть, как ни в чём ни бывало. Правда, до следующего раза, когда опять требовалась бабушкина помощь.

* * *

Вечером бабушка Анисья звала к столу:

– Идите, ребята, съешьте по пирожку.

– Не хотим, бабушка.

– Идите, идите, а то ночью голодная душа ползет в подпол сырую картошку грызть. А она грязная да не вкусная.

Тогда, представив себе, как наши души в темноте грызут сырую картошку, мы соглашались на пирожки.

А надо сказать, пирожки бабушка пекла отменные, и мама моя научилась у неё. А та, в свою очередь, научила вкусно стряпать мою жену. Вкуснее пирогов, чем наши, я никогда не ел нигде.

* * *

Дядя Володя и Августа Николаевна поженились, молодая невестка вошла в

чужой дом. Обычно еду готовила бабушка, но иногда стоять у плиты приходилось и молодухе. Чтобы не ударить в грязь лицом она нередко заглядывала в «Книгу о вкусной и здоровой пище». Бабушка всегда со скепсисом относилась к этому:

— Было бы из чего, — говорила она, — а уж приготовить мы и без книги сможем.

* * *

Бабушка знала немало историй связанных, вернее описанных в библии. Правда, они были народом уже переделаны. Например, притча о Петре, который трижды отрёкся от Иисуса, была дополнена тем, что кричал сваренный петух, который лежал в блюде на столе.

Рассказывала она и про комарика, который упал и не дышит, только ножками колышет. В отличие от народной песни, где подхватили его мухи, бабушкины мухи «отъели ему уши, сделали паруса и полетели на небеса». Там они встретили Бога, о чём-то с ним говорили. Рассказывала байку про апостолов. К сожалению, я запомнил из неё только две строки:

*Пришёл Павел,
колышки поправил...*

И так про всех апостолов. Жалею, что не запомнил, а позже не записал эти лубочные стихи.

Я думаю, что все её знания от дедушки Василия. Как рассказывала она, дедушка часто доставал библию, усаживался за столом и громко для всех читал одну-две страницы. Каждую прочитанную притчу он обязательно растолковывал, возможно, исходя из своих соображений.

* * *

Старший брат (*Степанов Павел Владимирович*) любил поучать меня, указывать на мои недостатки. Нередко от него можно было услышать:

– Чёрт знает что, к чертям, черти проклятые.

В таких случаях бабушка Анисья говаривала:

– Павлик, не черткайся, не плотник.

Меня разбирало любопытство:

– А почему черткаться можно только плотникам?

Ответ бабушки был уклончивым,

скорее всего, она и сама не знала почему, а если и знала, то почему-то не могла понятно объяснить:

– Наверное, работа у них такая, не всегда всё получается.

Разъяснила мама:

– Когда плотнику надо провести ровную черту на доске, он использует шнур, с помощью которого отбивает черту. Отсюда и пошло, что плотник с чёртом знаком, а на самом деле он дружит с чертой.

* * *

Когда я вернулся из Армии, наступил сезон сбора клубники. Кто не знает этого, тот не поймёт. Все деревенские женщины, ребятишки оставляли домашние даже очень важные дела и устремлялись в лес. Клубники в наших краях в то время было видимо-невидимо. По некоторым полянам и пройти было страшно: ноги от раздавленной ягоды становились красными. Набрать два-три ведра для одного человека – дело обыденное. Кто расторопней собирал и более.

Мама каждый день, приходя с работы, уезжала с соседями в лес и привозила по

ведру отборных ягод. Меня с собой не брали, не было в машине места. Я оставался дома и, как проклятый, перебирал клубнику, то есть отрывал от каждой ягодки хвостик (чашелистик). Муторное это дело, доложу я вам, но заниматься им кому-то надо, жребий пал на меня, и я нёс свой крест.

Правда, помогала нести его моя добрейшая бабушка Анисья. Она уже с трудом ходила, но тем не менее находила в себе силы добраться до нас. Почти каждый день она садилась со мной за стол и обрывала эти проклятые «хвостики».

– Бабушка, – просил её я, – не приходи завтра. Я один управлюсь.

Она улыбнётся:

– А я что буду делать?

– Отдохни, полежи.

– На том свете положим, отдохнём, а на этом положено шевелиться.

* * *

Кроме всего прочего бабушка лечила людей от таких болезней, как испуг и тоска. Как официальная медицина называет такие болезненные состояния, я не смотря на то, что сам имею отношение к медицине, не

знаю. Помню у неё была маленькая коричневая кружечка, в которой она растапливала воск. Растопив, она выливала его в воду над головой больного (У Гоголя – «выливать переполох»). При этом она шёпотом читала молитвы, и как правило, после трёх сеансов больному становилось легче.

От «тоски» она лечила по-другому. Шептала над водой, затем из печи вкатывала в воду горячие угольки, умывала этой водой больного и давала выпить несколько глотков. Я думаю, и в этом случае какое-то положительное действие было, поскольку люди к ней шли постоянно. Я сам не раз слышал, как местные женщины советовали какой-нибудь подруге: «Не мучайся, сходи к бабке Бунеехе, она всем помогает». Заговаривала она и ячмень, и чирьи (чему я у неё научился), закусывала младенцам «грызь», когда они кричали безмерно. Возможно лечила ещё что-то, просто я этого совсем не помню. Точно знаю только одно: денег она ни с одного больного не брала. Помощь больному она не считала работой, а обязанностью, возложенной на неё Господом Богом

* * *

Мы, ребяташки, были отчаянными атеистами. Бабушка икон не держала, на людях кресты не клала, лоб не разбивала в поклонах. Однако безбожникам на их выпады говорила:

– Не веришь в Бога – не верь, не вспоминай его. Он тебя не ругает. Зачем же ты поливаешь его грязью?

Как мне рассказала мама, бабушка была верующим человеком. Однако иконы из дома она убрала и свою религиозность на людях не показывала из-за того, что мама была членом партии.

* * *

Самое страшное ругательство, какое я слышал от бабушки – это «язви тебя».

* * *

Бабушка работала то ли дояркой, то ли телятницей. Руководство колхозов в те времена считало, что животноводы заняты на основной работе недостаточно и подгоняло им дополнительную работу. Они мазали и белили животноводческие помещения, трамбовали силос (лошадей не

хватало), сторожили на току или же в поле технику.

Однажды бабушку определили в сторожа. За Покровкой стояла техника, вот её-то и надо было охранять. Ночь выдалась тёмная, тихая. Бабушка, чтобы не уснуть потихоньку обходила машины, время от времени посматривая на восток, не всходит ли солнце. Но, увы, его всё не было и не было. Стало холодать, ибо дело подвигалось к осени, бабушка присела на полянке, накинула на плечи фуфайку и только тогда заметила, как из-за горизонта стал выползать какой-то красный шар. Она сразу поняла, что это не солнце, потому что шар всходил с запада.

Он на глазах у испуганной бабушки всё рос и рос и, когда стал размером «с таз», поплыл в сторону деревни, прямо над стоянкой сельхозтехники. Летел он довольно низко, «можно было палкой сбить», совершенно бесшумно. Когда он поравнялся с деревней, деревенские псы подняли лай и вой, что могли и мёртвого разбудить. Однако, как бабушка узнавала после у многих жителей, никто этого шара не видел и воя собак не слышал. Это

удивительно, потому что свет от него залил всю деревню, как будто кто-то включил электрическое освещение. А ведь всё это произошло ещё в годы войны, и сибирская деревня тогда не знала, что такое электричество. А шар пролетел недалеко и прямо за огородами тихонько сел на землю. Утром после дежурства бабушка сходила на то место, но никаких следов не нашла. Что интересно, но все земляки в эту ночь спали беспробудным сном.

* * *

Часто хотел сфотографировать бабушку, когда она была уже в пожилом и старческом возрасте. Она отбивалась:

— Зачем это?
Фотографируй молодых.

Я, по глупости, и фотографировал молодых, всё думал: «Успею ещё, потом как-нибудь». А вот сейчас больно, что послушался, надо было бы в данной ситуации оставаться

«неслухом». Кстати, это тоже из её арсенала страшных ругательств. А эту фотографию, к сожалению делал не я, а какой-то чужой фотограф.

* * *

— Бабушка, а почему ты телевизор не смотришь?

Бунеевы только что купили телевизор и каждую свободную минуту уделяли ему.

— А что там смотреть? В жизни всё лучше. Жизни радоваться надо.

Она махала рукой, давая понять, что на эту тему и говорить не стоит.

* * *

Бабушка про красивую одежду на неприятном ей человеке говорила:

— Вот и правду говорят, пень наряди и тот красивым будет.

* * *

Сельский клуб располагался рядом с нашим домом, дядя Володя работал в нём киномехаником, но бабушка ни разу не сходила в кино, и даже представления не имела о том, как происходит это действие на

яву. И мама, и дядя Володя, и мы не раз и не два уговаривали её сходить в кино, но она наотрез отказывалась. Всё дело заключалось, видимо, в том, что клуб размещался в помещении старой церкви. А она была человеком верующим и глумление над верой ей претило.

Однажды дядя Володя притащил домой всю аппаратуру, повесил на стену простыню и включил фильм «Аршин Мал Алан». Кино было интересным, но на бабушку оно сильного впечатления не произвело.

— Вроде бы взрослые люди, а ерундой занимаются, — прокомментировала она, имея в виду персонажей фильма.

А вот к нашему образованию она всегда относилась положительно. Всячески поощряла наше стремление к учёбе.

— Учитесь, — говорила она, — знания за плечами не носить.

* * *

Время было застойное. В магазинах пусто, или почти пусто. Люди ворчали, жаловались, ругали правительство. Бабушка слушала их, но всегда повторяла:

– И чего им не хватает. Сейчас не жизнь, а благодать. Хлеба сколько хочешь, столько и бери. Не голодали они, поэтому и не довольны.

* * *

Бабушка заболела и её направили в Новосибирск, в областную больницу. Пройдя все необходимые кабинеты, получив нужные советы и рецепты, она снова со своими провожающими оказалась на вокзале. До электрички ещё уйма времени и наши деревенские решили перекусить, так сказать, заморить червячка. Кто-то сбегал и купил с лотка беяшей. Бабушка ела с удовольствием и приговаривала:

– Ну что этим городским не жить, им можно и не варить, и не стряпать. Купил два беяша за копейки, согрел чаю, наелся да валяйся себе на диване, книжечки почитывай.

* * *

Бабушка лежала в больнице, разболелись ноги, навалилась тяжесть. Поскольку она была полной, то движения ей давались с трудом. Однажды она,

укладываясь спать, села в кровати и так в шутку сказала:

– Эх, кто бы мне ноги поднял.

Не успела она проговорить, как к ней подскочила соседская девочка лет 6-7, которая тоже лежала в этой палате.

– Давайте, бабушка, я подниму.

И она так ловко подняла бабушкины ноги, что та завалилась в кровати на спину и минут пять не могла сесть. Бабушка не один раз вспоминала эту историю и всегда смеялась над собой.

* * *

Бабушка была очень бережливым человеком. Подберёт во дворе верёвочку или проволочку и обязательно повесит её на забор. Дядя Володя нередко ворчал:

– Зачем ты их на забор навешиваешь? Что у нас верёвочек нету?

Однако, когда срочно требовалось завязать мешок, а завязки на нём не было, дядя Володя не стеснялся брать бабушкины верёвочки и проволочки с забора.

Когда кто-нибудь из молодых говорил, я, мол, выкинул то-то и то-то, бабушка отзывалась:

– Смотри, пробросаешься.
И ещё одна её любимая поговорка:
«Скупость – не глупость».

* * *

Моя мама пришла к бабушке в гости. Та ходит по комнате, что-то делает (без дела она не сидела никогда) и сама время от времени постанывает.

– Что с тобой, мама, заболела что ли?

– Ничего страшного, пройдёт.

– Говори честно, что случилось, а то сейчас врача вызову?

– Не надо, не вызывай. Молока выпила, вот живот и разболелся.

– Мама, мама, – с укоризной проговорила дочь, – ты же знаешь, что тебе нельзя пить молоко.

– Я знаю. Хотела просто попробовать на вкус, а оно таким вкусным оказалось, что я и не заметила, как весь стакан выпила. А потом подумала, всё равно теперь живот разболится, взяла да ещё добавила.

Молоко было её слабостью. Ко всему остальному она относилась равнодушно.

* * *

По какому-то случаю бабушка общалась со своей односельчанкой. В разговоре та то и дело подчёркивала, что она бедная, что никто ей не помогает, что все вокруг зажрались и ни у кого ничего не выпросишь. Бабушка пожалела эту женщину, но после их разговора как-то к случаю заметила:

– Интересно, почему к бедным вода не пристаёт. Платье, видно, бедненькое, но ведь постирать его можно.

* * *

Бабушка рассказывала нам о гражданской войне, о том, как шли «белые», о том, как жители прятали от мародёров вещи, как сами отсиживались в погребах.

Я слушал её рассказы с открытым ртом.

– Бабушка, а я где был?

Бабушка не успела и слово вымолвить, как вмешался дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*):

– А мы с тобой тоже в погребе сидели, в нём не так страшно было. Пули только вверх посвистывали.

Взрослые посмеялись, а в мою душу этот тезис запал надолго. Я ещё в первом классе рассказывал сверстникам эту страшную историю. И верил я в неё искренне до тех пор, пока мой рассказ не услышали старшие ребята. Они-то и поставили мои мозги на место.

* * *

Дядя Володя (*Бунеев Владимир Павлович*) будучи ещё совсем молодым решил заняться гиревым спортом. Притащил домой двухпудовую гирю и стал накачивать мускулатуру. По несколько часов в день он выжимал её, рвал, выталкивал, качал на шее. Бабушка глядела на него и сокрушалась:

– Нет бы чем полезным занялся, а он эту железяку тягает, иди на огород, пора картошку окучивать.

– Подожди, мама, сейчас позанимаюсь, потом пойду и что ты такая нетерпеливая.

Такой разговор был не единичным случаем. Это можно было услышать каждый день. У дяди на всё был заготовлен один ответ: «Успею. Сейчас, Позже. Сделаю». Наконец бабушка не выдержала. Однажды,

когда дядя Володя куда-то ушёл, она потихоньку подошла к гире, взяла её за ручку и охнула. Она оказалась настолько тяжёлой, что бабушка и с места не смогла сдвинуть её. Позже она сама рассказала эту историю.

– Я настолько рассердилась, – сказала она, – что решила выкинуть эту гирю через забор. Подскочила, ухватила за ручку, а не тут-то было, не поддаётся. Я и так, я и эдак, хотела волоком, но даже с места не сдвинула. На том и злость прошла. Думаю, как же он бедный по полдня тягает её? Рассказала об этом и дяде Володе. Он посмеялся... и оставил гирю в покое.

* * *

Спиртного бабушка в рот не брала и всегда осуждала пьющих. Хотя на праздники брагу делала.

Как-то на Пасху к ним (а она уже жила с дядей Володи и Августой отдельно от нас) зашёл заведующий сельским клубом Апполитов по кличке «Молодой желудок» – большой любитель выпить. Дяди Володи дома не было, и бабушка домовничала одна. Апполитов (не помню имени) работал

вместе с дядей Володи́ей, который в то время был киномехаником, поэтому в дом к Бунеевым он был вхож.

Человеком он был грамотным. Едва ступил за порог, сразу же:

– Христос воскрес.

Бабушка обрадовалась христианской душе:

– Воистину воскрес, – и тут же пригласила разговеться. Тот, естественно, согласился.

Бабушка зачерпнула кружку (наверное литровую) браги, дала какую-то закуску. Он единым махом осушил её. Бабушка, пока он пил, внимательно следила за его реакцией. Он выпил, крикнул, вытер губы, поставил кружку на стол, положил рядом с кружкой закуску и с сожалением произнёс:

– Хлебный квас.

Вот тут уж бабушка и сорвалась:

– Ишь, хлебный квас, хлебный квас...

Она не находила слов, чтобы достойно ответить нахалу. Всё же выход нашла, зачерпнула ещё одну кружку. Тот мигом опрокинул и вторую порцию, немного закусил, поставил кружку на стол и сказал:

– Ну, спасибо, мамаша, уважила,

добрая у тебя брага.

А та, естественно, и расцвела.

Бунеева Антонина Павловна см.
САНИНА АНТОНИНА ПАВЛОВНА

Бунеева Валентина Павловна см.
ОСИПОВА ВАЛЕНТИНА ПАВЛОВНА

Бунеева Дарья Васильевна см.
МИЁВА ДАРЬЯ ВАСИЛЬЕВНА

Бунеева Елена Павловна см.
ВЯТКИНА ЕЛЕНА ПАВЛОВНА

**БУНЕЕВА
ИРИНА
ВЛАДИМИРОВНА,**
дочь *Бунеевых Владимира
Павловича и Августы
Николаевны,* моя
двоюродная сестра.
Окончила Новосибирский
педагогический институт,
работала в школе, в милиции, социальным
работником. Растит сына Костю,
страдающего аутизмом.

* * *

Иринка училась в десятом классе. Однажды в коридоре к ней подошёл директор школы *Попов Николай Андреевич* и шутя приобнял её. Иринка закричала:

– Не трогай меня, – и стукнула его по лицу.

Реакция на этот поступок поразила не только директора и учителей, но и всю деревню, поскольку народ прекрасно знал скверный характер директора, его злопамятность и подлость. Правда этот поступок или проступок он оставил без внимания.

* * *

Вовка (*Степанов Владимир Александрович*) и Иринка бегали по улице, а потом прибежали домой на обед. Взрослые увидели их и расхохотались. Вовка был относительно чистым, а у Иринки, как говорится из-за грязи и лица не было видно.

– Иринка, ты почему такая грязная?

Она посмотрела на себя:

– Я не грязная.

– Да лицо у тебя в грязи.

– А это я босиком бегала.

Было ей в ту пору лет пять не более.

* * *

Иринка с Вовкой уселись за стол, приготовились обедать. До этого они успели обежать всю деревню. Оба грязные по уши пользуются моментом, пока бабушка Нина не разглядела их.

Вдруг Иринка, подняв глаза, увидела чумазое Вовкино лицо.

– Вовка, – закричала она у тебя монда грязная. Она громко засмеялась, указывая на Вовку пальцем.

Вот это и значит, что в «чужом глазу соломину ты видишь, в своём не замечаешь и бревна». Кто-то поднёс Иринке зеркало, и только после того, как она рассмотрела свою «монду», подалась к рукомойнику.

* * *

С детства росла неразговорчивой, себе на уме, но ходить в гости любила. Бывало придёт к нам, сядет и молчит. Спросишь что-нибудь ответит «да» или «нет» и снова ни слова. Правда, когда мы были у неё в гостях, Иринка разговорилась. Я такого от неё не ожидал, это произвело на меня и мою

жену впечатление. Не раз и не два мы вспоминали эту иринкину метаморфозу.

**БУНЕЕВА
МАРИЯ
ИВАНОВНА,**

(Бабушка Марья)

жена *Бунеева Василия
Ивановича*, мать *Бунеева
Павла Васильевича*,
*Бунеева Михаила
Васильевича* и *Миёвой*

Дарьи Васильевны. Никаких фактов из её жизни я не знаю. За исключением того, что погибли они с дедушкой Василием в один день (вернее в одну ночь), отравившись угарным газом в собственном доме. Хотя бабушка Анися (*Анися Сергеевна Бунеева*) рассказывала, что когда бабушка Марья была ещё маленькой и жила в России, она со своей бабушкой ходила в Иерусалим. Шли пешком, и только через море их перевезли турки. Паломничество продолжалось ровно год в одну сторону.

Бунеева Нина Павловна см.
СТЕПАНОВА НИНА ПАВЛОВНА

Бунеева Таисия Павловна см.
ВАСИЛЬЕВА ТАИСИЯ ПАВЛОВНА

Бурлакова Надежда Николаевна – см.
ИОНИНА НАДЕЖДА НИКОЛАЕВНА

**БУТОРИНА
ЕКАТЕРИНА
ЕВГЕНЬЕВНА,**

младшая дочь *Иониных*
Евгения Борисовича и
Светланы Александровны
моя племянница,

* * *

Катя маленькая, ни читать, ни писать не умеет. Знает кое-какие буквы и цифры, но свободно набирает номер телефона и звонит Иониным.

– Катя, а как ты ухитряешься звонить, ты ведь ни читать, ни писать? Покажи, как ты набираешь номер Иониных.

– А вот так. Набираю два, один и две головки.

Мы с тех пор восьмёрку называли «две головки». Даже сегодня, когда с тех

пор прошло больше двадцати лет, и мы собрались позвонить Иониным (*Ионин Геннадий Борисович*), я не мог вспомнить их номер телефона. Дочь засмеялась:

– Как ты мог забыть? Два, один и две головки.

* * *

Катюшке всего несколько лет, но в хозяйстве толк знает. Как мы с её отцом зарезали телёнка, она не видела. А вот когда стали свежевать, она пришла, посмотреть нашу работу. Она пришла молча, молча походила вокруг нас, о чём-то в тишине подумала, а потом резко, ни к кому не обращаясь важно произнесла: «Тлидцать будет!» Это прозвучало так неожиданно, что мы расхохотались, да так заразительно, что минут пятнадцать не могли прийти в себя. Что она имела в виду, не знаю. Да и она, видимо, не поняла, над чем два взрослых дяди смеются, вроде ничего смешного не сказала, всё по делу.

* * *

Когда наши дети были маленькими, они любили устраивать концерты. Соберётся

родня, рассядется в комнате, а они начинают петь песни, рассказывать стихотворения. Все принимают активное участие, и только Катюшка молчит. Не было у неё отрепетированных номеров.

Бабушка решила подтянуть её, научить чему-нибудь. Занималась она с ней добросовестно, и наконец Катюшка выучила песню:

Пошла Маша в лес гулять, лять, лять
И цветочки стала рвать, рвать, рвать.

После этих строчек артистка забывала слова, и бабушка ей сначала шёпотом, а потом и во весь голос суфлировала. Та пыталась что-то изображать дальше, но в конце концов окончательно сбивалась. Зрители ей аплодировали и от души веселились.

Как-то вновь собрались гости, и снова ребятишки затеяли концерт. Выступили все и только Катюшка не выходила.

- Катя, а ты почему не выступаешь?
- Не хочу.
- Ну выступи.
- Нет.

А почему?

– Вы смеяться будете.

– Не будем.

Все захлопали в ладоши, и Катя запела:

*– Пошла Маша в лес гулять, лять, лять
И цветочки стала рвать, рвать, рвать.*

Ну как тут было не рассмеяться, потому что после первых строк у она снова забыла дальнейшие слова. Подсказки бабушки не помогли, но громкие аплодисменты поддержали артистку. Правда это была её последняя песня на семейных концертах.

**ВАЛЬТЕР
КОНДРАТ
КОНДРАТЬЕВИЧ,**

друг дяди Володи
(Бунеев Владимир
Павлович). Во время
войны вместе с
матерью и сёстрами
был сослан в Сибирь.

Людьми они были простыми, сердечными, а потому сумели прижиться в деревне,

подружиться с местным населением и даже завоевать авторитет. Мать его Вальтер Мария работала в колхозе разнорабочей, в том числе пекла хлеб, могла забить любую скотину лучше всякого мужика. Сестра Елизавета Кондратьевна была мамина подруга. Мы, ребята, звали её просто Лиза. Когда они уехали в Сызрань, мама (*Степанова Нина Павловна*) ещё долго переписывалась с ней и как-то по пути в Сочи даже успела заехать к ней в гости. Она там вышла замуж и фамилия её была уже Шиферштейн. Кондрат тоже женился на местной девушке. Я даже помню его свадьбу. Нас, пацанов, туда не пускали, но мы всё видели в окна. Помню, когда дарили новобрачным подарки, старухи пели песню:

*Спасибо тебе, спасибо тебе
за твои дары, за твои дары...*

Это врезалось мне в память на всю жизнь, потому что в будущем мне видеть и слышать подобное не доводилось. И даже не знаю, по какому обряду эти свадьбы проводились. Скорее всего, это была чалдонская песня, поскольку невеста была из Кузьминки, а там жили одни чалдоны.

* * *

Немцам Поволжья наконец-то разрешили выезжать из Сибири на родину. Зашевелились наши немцы, засобирались. Складывали вещи и Кондратовы родственники.

Как-то он пришёл к нам и бабушка спросила:

– Что, Кондрат, собираешься домой?

– Наши собираются.

– А ты?

– Я нет, здесь останусь.

– А почему? – удивилась бабушка.

– А что там делать? Они бормочут по-своему, а я их не понимаю.

* * *

Я в качестве главного зоотехника совхоза «Суминский» пришёл на третью ферму, чтобы познакомиться с людьми, производством, оценить деятельность руководства. Побеседовал с управляющим, разговорился с рабочими. Подошёл и Кондрат Вальтер. Он тогда работал скотником. Я и его привлёк к общему разговору.

Когда производственные дела

обсудили, он, зная, что у меня есть ещё и медицинское образование, спросил:

– А ты не скажешь, Владимирович, почему у меня рука болит? Я её поднять не могу над головой.

Он даже успел показать насколько трудно ему управлять рукой. Я не успел и рта раскрыть, вмешался управляющий Бородай:

– На кочке отлежал. Скотину не пасёшь, а спишь целыми днями. – И понёс, и понёс, то на Кондрата, то на остальных «бездельников», таких же работяг.

– Ну что про такого руководителя можно сказать, – Кондрат в сердцах махнул рукой и отошёл в сторону.

**ВАСИЛЬЕВ
ГЕННАДИЙ
ГЕОРГИЕВИЧ,**

(дядя Гена), муж

Васильевой Таисии

Павловны, отец

Саловой Натальи

Геннадьевны, Аллен-

Дубовской Ольги

Геннадьевны и

* * *

Туркмения, Джебел. Однажды я ковырялся в книжном шкафу, надеясь найти какую-нибудь книгу, которая проходила до этого времени мимо меня.

Неожиданно среди книг попалась тоненькая ученическая тетрадь, исписанная детским почерком. Когда я вчитался в текст, понял, что это дневник дяди Гены, который он вёл, будучи учеником примерно 6 – 7 класса. Я, конечно, обрадовался, всегда интересно узнать, о чём думал, мечтал, чем жил мой сверстник в те далёкие от меня годы. Тем более, дядя Гена по объёму знаний, мастерству и наличию житейской мудрости был для меня авторитетом.

Но дневник разочаровал. В нём была повторяющаяся изо дня в день одна запись: «Пришёл из школы. Весь вечер играли в карты». И всё.

Любовь к картам он пронёс через всю жизнь. Но, тем не менее, это не помешало ему стать достойным человеком.

* * *

Вскоре после моего приезда в Туркмению в один из вечеров дядя Гена подошёл ко мне с колодой карт:

– Давай, наверное, в дурачка сыграем.

– Давай.

– Ставлю одно условие. Играем до тех пор, пока ты у меня не выиграешь.

– Согласен.

Мы сели играть и как на грех дядя Гена проиграл первую партию в пух и прах. Он так сильно расстроился, что бросил карты и сел читать газету. Сколько я его не упрашивал играть дальше, он отвечал отказом.

Конечно, этот случай был из ряда вон выходящим, потому что в последующие дни я практически никогда не мог обыграть его.

Кстати, его родители дядя Гоша и тётя Нина тоже были большими любителями карт. Одно время мы с Вале́й (*Степанова Валентина Ивановна*) жили у них на квартире. Вечерами после ужина они обязательно с картами усаживались за столом и приглашали нас принять участие в игре. Интересно было наблюдать за их игрой, когда они оставались визави.

Дядя Гоша, например, ходил первым, но эта карта почему-то не нравилась тёте Нине, она тут же говорила:

– Гоша, так не ходи, заberi эту карту.

Дядя Гоша безропотно соглашался, менял карту, тётя Нина била её и выигрывала и тут же говорила, подсмеиваясь над мужем:

– Что же ты, Гоша, играть разучился? Сдавай карты.

Если же первой ходила она, то удел дяди Гоши был predetermined:

– Гоша, не бей козырями. Что ты ими разбрасываешься, лучше прими.

И тот безропотно принимал, менял карты. При этом не чувствовал себя ущемлённым в своих правах, наоборот, он относился к жене, как к маленькому ребёнку со своими капризами. Мне их отношения всегда напоминали отношения «старосветских помещиков».

* * *

Джебел. Дядя Гена, я и Абиша (*Абиев Джумабай*) играем в карты – в подкидного дурака. Сидим в зале за журнальным столиком. Столик с красивой резной

столешницей, гнутыми резными ножками – шедевр краснодеревного искусства. Дядя Гена делал его сам. Это ручная работа и всю остальную мебель: кресла, диван, пуфы, стулья – его работа. Работа ручная, всё в единственном экземпляре. При этом точёные ножки и многие другие детали он «вытачивал» ножом, сидя на веранде. Поверить в это трудно, но это было именно так.

Однако я отвлёкся. Мне, как всегда, в игре везло, я выходил из игры первым, а заканчивали её дядя Гена с Абишей вдвоём. Когда они оставались тет-а-тет, дядя Гена предлагал:

– Сдавайся, Абиша, ты всё равно не выиграешь.

– Выиграю, у меня хорошая карта.

– А я говорю, нет. У тебя на руках... – и он называл все карты, которые оставались у того.

Абиша глядел в свои карты и ахал:

– Дядя Гена, ты шайтан. Откуда ты знаешь мои карты?

Дядя Гена смеялся, а я подливал масло в огонь:

– Ты. Абиша, обрати внимание. У тебя

за спиной зеркало. Дядя Гена в нём все твои карты видит.

– Я не буду здесь сидеть, – протестует Абиша.

Дядя Гена предлагает поменяться местами. Но и на новом месте у него дела на лад не идут. Наконец, дядя Гена не выдержал:

– А хочешь, я тебя шайтаном сделаю?

– Хочу.

– Что ж раздавай карты.

Абиша раздал и игра началась. Ходили из-под дурака, то есть из-под Абиши, то есть ходил я. Дядя Гена отбился и прежде, чем перевернуть карты рубашкой вверх и отбросить их в отбой, показал Абише.

– Смотри и запоминай.

– Что запоминать?

– Карты. Ты должен помнить все карты, которые выходят из игры. А в конце игры также будешь знать, что осталось на руках у меня.

– Все-все? – искренне удивился Абиша, – да их только шайтан запомнить может.

* * *

Дядя Гена сделал красивую обшитую красным бархатом папку, в которую собирал репродукции картин великих художников. Тогда они в виде цветных вкладок были в каждом номере журнала «Огонёк».

Не знаю, какую роль в его жизни сыграла эта коллекция, но в моей – большую. Я, по сути, впервые столкнулся с миром прекрасного, увидел, пусть в репродукциях, картины Леонардо, Микеланджело, Тициана, Батичелли, Рокуэла Кента и многих других. Интерес к живописи и вообще к искусству в немалой степени начался с этой папки в красном бархатном переплёте.

* * *

Мы с тётей Таей любили эстрадную музыку 60-х годов. Ей больше всего нравилась песня «Под крылом самолёта о чём-то поёт зелёное море тайги...» Когда она звучала из репродуктора, мы все замолкали. И только дядя Гена ворчал:

– Тянут кота за хвост. Как можно такую тягомотину слушать.

Он предпочитал джазовую музыку и песни Битлов.

* * *

Пока дядя Гена лежал в госпитале (лётчики время от времени проходили обследование в московском госпитале), тётя Тая (*Васильева Таисия Павловна*) купила у кого-то с рук автомобиль «Москвич-420» вместе с гаражом. Дядя Гена вернулся, а ему подарок. Он, конечно, обрадовался и тут же начал учиться управлять автомобилем. Вначале он ездил один, а когда немного освоился, стал брать с собой и меня. Водил он уже сносно, но скорость держал предельно низкую – не более 60 километров в час.

Как-то я решил подзадорить его:

– Дядя Гена, ты же лётчик, летаешь со сверхзвуковой скоростью, а на машине едешь со скоростью черепахи.

– В небе другое дело, – засмеялся он, – там столбов нет.

* * *

Освоив мало-мальски автомобиль, дядя Гена решил свозить всю семью на море. Восточный берег Каспия был от нас в нескольких часах езды. Дорога туда вела накатанная, асфальтированная, так что

сомнений в благополучном исходе нашей экспедиции не было. Кстати, хочу отметить, что в те далёкие времена движение автомобилей по дороге было минимальным. У населения личных машин почти не было, да и автопарк государственных предприятий и учреждений не отличался насыщенностью.

Одним словом, добрались до моря благополучно, по пути полюбовавшись суровой туркменской природой. Меня особенно поразили размеры и величие песчаных барханов. Высотой они были не ниже десятиэтажных домов, при этом под нажимом ветра песок, образующий их, перекатывался через дорогу, переметая её, точь-в-точь наша снежная позёмка.

Впечатлило огромное озеро среди барханов.

– Как называется это озеро, – спросил я дядю Гену.

Он ничего не ответил, а остановил машину, вылез из неё и позвал с собой. До озера было несколько шагов. Когда подошли к нему, дядя Гена сказал:

– А теперь возьми камень и кинь его в воду.

Я послушался, камень упал недалеко

от берега. «Вода» чуть колыхнулась, и я сразу же понял, что это была нефть. Дядя Гена усмехнулся:

– Так мы нефть добываем. Мало того, что такой ценный продукт губим, мы ещё и природу уничтожаем.

– А что тут уничтожать? В округе даже сорняков нет.

– И всё-таки уничтожаем. Водоплавающие птицы летят, с высоты видят озеро, надеясь отдохнуть, садятся на него и остаются здесь навсегда. Это «озеро» – кладбище для птиц и памятник безголовости.

Кстати, аэродромы тоже были погибельными местами для птиц. Взлётные полосы, отполированные колёсами самолётов, блестели, как водные поверхности. В обязанность дежурных офицеров входила проверка взлётных полос. Порой во время проверок находили до десяти разбившихся о бетонку птиц, большей частью уток. Несколько раз на проверку аэродрома дядя Гена брал и меня. К счастью, в его дежурство трупов несчастных птиц мы не находили.

* * *

После смерти тёти Таи дядя Гена обосновался в Новосибирске. Кроме лётных дел он не знал, по большому счёту, ничего. А работать где-то надо. Ничтоже сумняшеся отправился на городской аэродром. Там его, конечно, приняли с распростёртыми объятиями. Как же лётчик, да ещё с опытом работы диспетчера. Пожалуйста, оформляйтесь и выходите на дежурство.

Дядя Гена тоже обрадовался, больше не надо искать работу, тем более, по городским меркам она рядом. Однако радость его быстро улетучилась, и уже через несколько дней он уволился.

Я спрашивал его, почему он уволился.

Ответ меня ошарашил.

— Большого бардака, как в гражданской авиации, я не видел. На военке всё ясно, все работают чётко в одном режиме. Приказ диспетчера обязателен к исполнению. Здесь же экипажу надо пять раз повторить одно и то же. Но больше всего меня сразило, как один самолёт зашёл на посадку, а на него уже второй садится. Нет, я в тюрьму ещё не хочу.

Работу дядя Гена нашёл быстро. Его взяли в школу военруком. Вот здесь он и развернулся во всю мощь. Во-первых, он наладил военно-патриотическую работу, во-вторых, устроил своими силами в школьном подвале настоящий тир и, в-третьих, организовал школьный музей боевой славы. Однажды он водил меня туда и показывал всё, что сделал. Стенды, макеты, боевые награды, вырезанные ножом из цельных кусков дерева, документы, фотографии. У него побывала делегация из Новосибирского краеведческого музея, просила продать ордена для своей экспозиции. Дядя Гена им отказал, хотя пообещал с ними сотрудничать. Человек он был не обычный, всё к чему прикасались его руки, превращалось в шедевр. Но ничем он так не годился, как своим музеем. Кстати, в музее на отдельном стенде были выбиты имена всех воинов, павших на фронтах Великой Отечественной войны, учившихся в этой школе или дети или внуки которых учились и учатся в этой школе. Список был большой. Среди них была и фамилия дедушки Павла. Он, конечно, не учился здесь, но зато зять его

работал в этой школе.

* * *

Дядя Гена нередко бывал у нас в гостях, и почти всегда говорил:

— Как у вас хорошо, тихо, спокойно, я у вас всегда отдыхаю душой.

* * *

Дверь в нашей Чулымский квартире была настолько плохой, что я надумал переделать её. Один товарищ, Александр Пастушенко, подарил мне новую дверь, но она была настолько неказистая, что я схоронил её в сарае до лучших времён. И вскоре такие времена наступили. Как-то проездом в Серебрянку у нас гостил дядя Гена.

— Давайте, — предложил он, — я что-нибудь хорошее для вас сделаю.

— Да нам, вроде, ничего не надо.

— Как не надо? У вас вон дверь на ладан дышит.

А она и вправду была не просто неказистой, а уже совсем никудышной.

— Я уже новую привёз, вот только руки до неё не доходят.

То, что руки растут не с того места, я

умолчал. И о том, что я пытался представить своё участие в переделке двери, тоже умолчал.

Дядя Гена осмотрел новую дверь, промерил её и сказал:

– Ты её не трогай, через неделю я возьму инструменты, прикуплю кое-какой материал и снова приеду.

Через неделю он вернулся и вплотную занялся нашей дверью. Работал он один, не подпуская нас ни на шаг. И то сказать, какой из меня помощник. Дверь получилась на славу, как в музее. Служила она нам долго, а когда мы уехали в Серебрянку, стала служить семье Бойко. Нередко мы заезжали к ним и всё время при взгляде на дверь вспоминали добрым словом дядю Гену.

* * *

Дядя Гена окончил военное лётное училище с хорошими отметками. Комиссия по распределению предоставила возможность всем отличникам и хорошистам право выбрать военный округ для продолжения службы. По его словам, можно было выбирать округа по всему Союзу. Он думал не долго и выбрал

Закавказский военный округ. «Там, — думал он, — тепло, горы, моря и что важно — Европа».

Просьбу выпускника удовлетворили и он с ощущением полного счастья прибыл в штаб округа, который располагался в Баку. Всё он рассчитал правильно за исключением одного: в округ входили также лётные части, которые дислоцировались в пустыне Каракумы в Туркменистане. Там он и прослужил всю свою жизнь до выхода в отставку. Правда его время от времени перебрасывали с места на место, но в пределах Туркмении: Красноводск, Небит-Даг, Джебел и только.

* * *

Почти каждое лето дядя Гена с тётёй Таей (*Васильева Таисия Павловна*) приезжали в Серебрянку. В тот раз он привёз новинку, которую купил в Новосибирске — катушечный магнитофон. В деревне такой, конечно же, никто не видел. Дядя Гена крутил какие-то песни, а потом научился записывать, и мы, ребята, старались всякими правдами и неправдами записать свои голоса. Дядя Гена записывал всех, но если считал, что мы несли какую-то

околесицу, тут же стирал запись. Таким образом он уничтожил все наши напрасные старания.

Но однажды Павлик (*Степанов Павел Владимирович*) сумел-таки произвести на него впечатление. Он продекламировал «Балладу о двадцати шести» Сергея Есенина. Задели за живое дядю Гену слова:

В пески, что как плавленный воск,
Свезли их за Красноводск.
И кто саблей, кто пулей в бок
Всех сложили на жёлтый песок.

Он этих стихов не знал, но знал, что 26 бакинских комиссаров расстреляны недалеко от Красноводска, где они с тётёй Таей тогда жили. Сейчас это город Туркменбаши. А Туркменбаши со словом «воск» уже не рифмуется, а это значит, что и бакинских комиссаров никто не расстреливал не убивал на туркменской земле.

Вообще обидно, что на постсоветском пространстве все правители новоявленных стран стали яростно оказываться от советского наследства. Ну ладно

Красноводск. Можно сказать, что имя чужое, русское. Но зачем было переименовывать Небит-Даг в какой-то Балканобад. Что они этим выиграли, не знаю. Разве что испоганили славу своего писателя Берды Кербабоева, написавшего чудесную книгу «Небит-Даг».

* * *

Деревня в то время жила и выживала в основном за счёт своего хозяйства. Продукты в магазинах не покупались, а выращивались в огородах и на скотных дворах.

Однажды родители оставили свиноматку, чтобы в последствии продать поросят и получить какой-нибудь доход. Однако так подумали не только они, так подумало и большинство жителей деревни. Когда поросята подросли, оказалось, что такой товар имеется почти в каждом дворе. Цены на поросят опустились ниже низкого предела – три рубля за голову. Мама была совсем в панике.

Но тут приехали в гости Васильевы, и дядя Гена, узнав о маминой проблеме, предложил продать ему всех поросят по

пяти рублей за штуку. Это была хорошая сделка. А дядя Гена угощал всю родню вкусным мясом молочных поросят и радовался, что все мы радовались такому угощению.

**ВАСИЛЬЕВА
ЕЛЕНА
ГЕННАДЬЕВНА,**

дочь *Васильевых Геннадия Егоровича и Таисии Павловны*, моя двоюродная сестра. Замужем за Морозовым Павлом. Выходя замуж, оставила за собой девичью фамилию.

Когда умерла тётя Тая, дядя Гена с детьми переехал в Новосибирск. Через некоторое время он женился на женщине с двумя почти уже взрослыми детьми. Леночке был всего год, и мачеха к ней привязалась и относилась, как к собственной дочери. Через достаточно большой срок увлечение этой женщиной у дяди Гены прошло, и они расстались. Поскольку квартира у дяди Гены была от Министерства обороны, постольку размену она не подлежала. Пришлось

именно жене уходить из дому. Через некоторое время дядя Гена вновь женился. На сей раз ему попала хорошая женщина. Лена ходила в гости к первой мачехе, но постепенно вторая нашла с ней общий язык. После смерти дяди Гены Лена попросила Екатерину Николаевну остаться жить с ней. Так они и живут вместе по сей день.

Васильева Наталья Геннадьевна – см.
САЛОВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

Васильева Ольга Геннадьевна – см.
АЛЛЕН-ДУБОВСКАЯ ОЛЬГА
ГЕННАДЬЕВНА

ВАСИЛЬЕВА
ТАИСИЯ
ПАВЛОВНА,
(тётя Тая) (урождённая
Бунеева) младшая дочь
Бунеевых *Павла*
Васильевича и *Анисьи*
Сергеевны, жена
Васильева *Геннадия*

Егоровича, моя тётя.

Мы, тётя Тая, я и Наташа, ехали в поезде Новосибирск – Ташкент. В Алма-Ате поезд стоял долго и поэтому его тут же осадили торговцы и торговки яблоками. Таких яблок я не видел сроду. Как говорил Аркадий Райкин: «Яблоки, как арбузы». Тётя Тая вышла на перрон с попутчицей, ехавшей в нашем купе, чтобы купить продукты и, конечно же, яблоки. Мы с Наташей припали к окну, высматривая её. И вот появилась соседка. Она несла целое ведро крупных краснобоких яблок, которые сами просились в рот.

В предвкушении чего-нибудь подобного, что обязательно должна была купить тётя Тая, мы исходили слюной. И вот появилась она с ведром в руке, в котором лежали, стыдно даже сказать, мелкие зеленоватые яблочки. Наташа закричала от радости: «Ой, мама идёт, яблоки несёт!»

Я сам видел, что она несёт. Настроение у меня испортилось: «Неужели она не видит тех красивых яблок, что наводнили весь перрон, где же она нашла эту зелень?»

А тётя Тая была довольна, радостно

улыбалась:

– Еле нашла, думала уже отошли. Так нет же. Одна женщина ещё продавала.

Наташа тоже чему-то радовалась и уже тянула руки к яблокам.

– Подожди, Наташа, сейчас помою и будем есть.

«Буду я эту дребедень есть», – подумал я, а вслух спросил:

– Тётя Тая, а зачем вы эти зелепупки купили? Вон соседка наша (она в это время вышла из вагона, чтобы вернуть ведро) какие красивые купила.

Тётя Тая засмеялась:

– Не торопись критиковать. У нас яблочки «белый налив», съешь и пальчики оближешь. А те, – она посмотрела на красивые, словно нарисованные искусным художником яблоки соседки, – только для украшения стола.

Яблоки мы с Наташей уплели в два присеста. А соседка с сыном лет семи-восьми везли их до самого Ташкента, поминая недобрым словом торговку, нахвалившую им свой товар. Правда говорят: «Не всё золото, что блестит».

Тётя Тая с трудом переносила туркменскую жару, поэтому почти каждое лето приезжала в Серебрянку. А поскольку у меня в это время был день рождения, то она всегда покупала подарки. Когда я был совсем маленьким, меня эти подарки не очень-то интересовали. Подарила рубашку или какие-нибудь штанишки ну и слава богу. А если к ним подарит ещё какую-нибудь игрушку, то и вообще больше не о чем мечтать.

Но я подрастал, и однажды она по обыкновению приготовила подарки: рубашки, майки, трусы и ещё какие-то тряпки. Покупалось с таким расчётом, чтобы маме оказать таким образом посильную помощь.

Тётя Тая принесла подарки, мама довольная стала вытаскивать тряпки из пакета и показывать мне, расписывая их достоинства. Я молча смотрел и ждал, что сейчас появится настоящий подарок. Но нет. Кроме тряпок в пакете ничего не было. И тут моё сердце не выдержало. Вместо того, чтобы благодарить тётю, я заревел. Слёзы величиною с кулак текли по щекам и падали

на пол. Мама и тётя Тая с недоумением смотрели на меня, а я плакал горько и безутешно. Я уже понимал, что одевать и обувать меня должны родители в течение всего года, а вот в день рождения надо дарить такие подарки, о которых я мечтал в течение этого года.

Тётя Тая быстро поняла, что её подарки мне не понравились. Она обняла меня и стала утешать:

– Не плачь, сейчас мы с тобой сходим в магазин, и ты сам выберешь себе подарок.

Я быстренько утешился, и мы пошли в магазин. Подарок нашёлся сразу – двухтомник генерала Игнатьева «50 лет в строю». Этот подарок был по душе, несколько раз я пытался прочесть книги, но как-то не получилось. Так они и простояли много лет в книжном шкафу у мамы. Тем не менее, копаясь в книгах, я всегда брал этот двухтомник, листал его и вспоминал мою любимую тётушку.

* * *

Я жил в Туркмении в начале 70-х годов, во время заката карьеры Никиты Хрущёва, когда за любым продуктом надо

было выстаивать громадные очереди. Даже за хлебом иногда приходилось простаивать по несколько часов.

Тётя Тая никогда не стояла в очереди. Нередко я узнавал о поступлении каких-нибудь дефицитных товаров и бежал домой.

— Тётя Тая в магазин привезли то-то и то-то.

— И хорошо, — отвечала она, — но сама даже попытки не делала, чтобы подняться и побежать в магазин. И только назавтра она брала сумку, и приносила продукты о каких мы с Наташей уже и не мечтали.

— Интересно, почему тебе продукты оставляют, а другим нет.

— Ну я же не другая, — смеялась она, — меня продавцы любят.

* * *

Мама (*Степанова Нина Павловна*) и тётя Тая были внешне похожи. Однажды одна женщина высказывала маме:

— Что же вы, Нина Павловна, не здороваетесь?

— Да вы что, этого не может быть, — возмутилась мама, — когда это было?

– Вчера, я шла мимо, а вы во дворе стирали или полоскали бельё. Я два раза сказала: «Здравствуйте, Нина Павловна», а вы даже голову не повернули.

– Ну тогда, простите пожалуйста. Это не я была, а сестра, она вчера приехала.

Соседка, понятно, тоже с извинениями, с обычными «ахами» и «охами». Инцидент был исчерпан.

Вечером мама рассказала эту историю тёте Тае.

– Да некрасиво получилось, – сокрушалась тётя Тая. – Я слышала, но не обратила внимания. Посчитала, что здороваются с тобой, что ты где-то рядом. Ну прости. С тех пор она всегда отзывалась на Нину Павловну.

ВОЛГОДОНСК – город в Ростовской области. Когда я жил в Сибири, то ничего не слышал о нём до тех пор, пока дочь не познакомилась с парнем из Волгодонска, который впоследствии стал её мужем.

В 2004 году мы переехали в Ростовскую область на постоянное место жительства. Тогда впервые я познакомился с этим интересным городом. Мы с женой

(*Степанова Валентина Ивановна*) поселились в двадцати километрах от Волгодонска (*хутор Потапов*), а дочь (*Шаймуратова Евгения Александровна*) стала жить в городе.

С Волгодонском меня связывает многое. Главное, что здесь родилась, растёт, учится моя внучка (*Шаймуратова Карина Алексеевна*), здесь много лет я работал в разных строительных организациях. Проезжая по городу мысленно отмечаю, вот это здание я строил, к тому – тоже приложил руки.

Наконец, в 2012 году мы переехали жить в Волгодонск. С тех пор этот город стал нашим родным.

**ВОЛКОВ
ОЛЕГ
АЛЕКСЕЕВИЧ,**

товарищ, местный
писатель, родом с
Урала, работал на
строительстве
Атоммаша каким-то
начальником. Самая

большая страсть у него – поговорить об Урале, Ермаке и на другие исторические темы.

Это он принёс весть о захоронении сына Пугачёва в Куберле.

С ним мы ездили на поиски его могилы.

Возил он нас с Леной Добридень (*Леонид Васильевич Добридень*) в Обливскую, где попали на заседание их местного литературного объединения. На правах старшего он представил нас собравшейся в библиотеке публике.

Меня представил просто: член Союза писателей России, редактор журнала «Волго-Дон». Представляя Лёню, рассказал целую историю. Однажды они были где-то в гостях, и Олег представил Лёню, как поэта года по версии Стихи.ру. Сели за стол, стали обедать, а хозяйка потихоньку и спрашивает Олега:

– А с гостем-то разговаривать можно?

Настолько она прониклась его величием, на что, конечно Олег милостиво ответил:

– Можно.

**ВЯТКИН
ЮРИЙ
СТЕПАНОВИЧ,**

сын *Вяткиных*
Степана Тимофеевича и
Елены Павловны, мой
двоюродный брат.

* * *

Юра картавил с детства. Картавил на звук «К», вернее даже не картавил, а просто не произносил его. Вместо слова «Кот» он говорил «От», вместо «Кино» – «Ино». Все окружающие его родственники очень переживали по этому случаю и всячески пытались хоть чем-нибудь помочь.

– Юра, смотри на нас и говори «Ка».

– А

– Ну что ты акаешь? Ведь это просто:
кэ-кэ-кэ.

– Э-э-э.

Как-то он не выдержал:

– Бесполезно всё это. Я же стараюсь говорить правильно, а ничего не получается. Я хочу сказать «Э», а получается «Э».

Мы даже не засмеялись. Бабушка

сказала: «Вырастет и научится». Но и она в этот раз ошиблась. Юра вырос, постарел, вырастил своих детей, а звук «К» говорить так и не научился.

* * *

Бабушка Анисья сшила Юре рубашку, и он никак ни за какие деньги не хотел снимать её. Даже, когда дядя Алик фотографировал нас (а мы это я, Толик и Вовка Санины, Павлик), он встал в один с нами ряд в своей рубашке с карманами, хотя мы более взрослые фотографировались в майках. Просто Юре хотелось выглядеть взрослым человеком и вообще немного покрасоваться. А было это летом 1958 года. Гена ещё сам не стоял. Его, спрятавшись за нами, держала мама.

Вообще Юра всегда хотел выглядеть старше своих лет. Когда мы, старшие братья, подросли и стали бегать в клуб на танцы, он ни на миг не хотел отстать от нас. Мы шли в клуб, он с нами. Постепенно молодёжь привыкла к нему и даже поручила ему менять пластинки на проигрывателе. Нашлась даже одна девчонка, которая долго симпатизировала ему.

*По ранжиру. Справа налево: Санин Анатолий,
Степанов Павел, Санин Владимир, я, Вяткина
Люба, Вяткин Юра, Васильева Наташа,
Ионин Гена*

**ВЯТКИНА
ЕЛЕНА
ПАВЛОВНА,**

урождённая
Бунеева, (тётя Лена),
дочь Бунеевых Павла
Васильевича и Анисьи
Сергеевны, жена
Вяткина Степана
Тимофеевича, мать
Вяткина Юрия

Степановича и Долгаевой Любви Степановны. Тётю Лёну я не видел никогда, знал о ней только по разговорам взрослых. Однажды в доме поднялась суматоха, бабушка и мама плакали, дядя Володя ходил смурной. Оказывается, в деревню позвонили и сообщили о скоропостижной смерти тёти Лёны. Умерла она по нынешним меркам от пустяка. Стирала бельё и раздетая выбегала на улицу: то воду выносила, то бельё вывешивала. Вначале говорили, что простуда, а потом оказалось воспаление лёгких. С этой болезнью врачи не справились. Остались на руках Степана Тимофеевича двое малолетних детей: Юре был год, Любе – три. На похороны в Листвянскую ездили бабушка Анисья, мама и дядя Володя.

Тётя Лёна была первым взрослым ребёнком, которого потеряла бабушка Анисья, вторым будет дядя Алик и третьим тётя Тая.

Через какое-то время Степан Тимофеевич женился во второй раз, нашлась женщина тётя Вера, которая стала настоящей матерью ребятишкам.

Вяткина Любовь Степановна см.
ДОЛГАЕВА ЛЮБОВЬ СТЕПАНОВНА

**ГВОЗДЕВА
НАТАЛЬЯ
ГЕННАДИЕВНА,**

моя племянница,
дочь *Иониных*
Геннадия Борисовича
и *Надежды*
Николаевны.

Окончила
Новосибирский
педагогический

университет. Живёт в Новосибирске, там же вышла замуж, работает на престижной работе в Сбербанке.

* * *

Лиля (*Албул Лиля Геннадьевна*) с Натуськой рассорились. Наташе было годика три, она ещё толком не выговаривала все буквы, но Лиля на правах старшей сестры уже всю воспитывала её.

Как-то Натуся разбросала по комнате игрушки, а собирать их не захотела. Лиля

строгим голосом приказала:

- Наташа, марш убирать игрушки.
- Не буду, сама убилай.
- А я говорю, ты убирай.
- Не буду.

Сколько времени они перепирались таким образом известно разве что Богу. Наконец Наташа не выдержала такого прессинга и заревела:

- Плохая ты, плохая.
- Не реви! – ещё строже проговорила

Лиля.

– Ты сюка, сюка, – в смертельной обиде выкрикнула Наташа в лицо сестре.

– Мама, – получив неожиданный отпор, закричала Лиля, – а Наташа матерится.

Прибежала мать.

Натуся стояла посреди комнаты и безутешно редела. Всхлипывая и роняя крупные, считай по виноградине, слёзы, она выдавила из себя:

- Я не мателилась.
- Материлась, материлась.
- Не мателилась, я сказала сюка.

– Вот видишь, мама, она снова заматерилась, – торжествовала в своей

правоте Лиля.

– А сюка – это не мателок, это лыба такая.

Натуська ещё всхлипывала, а старшие уже зашлись в истерическом смехе.

**ГУДАКОВ
КОНСТАНТИН
СЕРГЕЕВИЧ,**

мой бывший
работодатель и спонсор
книжки «Дедушкины
стихи». Я работал на
стройке и однажды
попросил его помочь
издать книгу детских стихов.

– Хорошо, – ответил он, – но я должен хотя бы прочитать их.

Назавтра я привёз ему стихи, он взял их и несколько дней молчал. А однажды при встрече сказал, что согласен, и что деньги в типографию он завезёт сам. Наши работяги узнали про это, поздравили.

– Это не он решил, это его мать, значит, твои стихи понравились ей.

Кстати, в то время Костиной дочке было не более шести лет, и ей стихи тоже понравилась.

В предисловии я написал: «Мало написать книгу, её надо ещё издать, и тогда на помощь писателю приходят люди, которые бескорыстно помогают ему. О здоровье одного из таких людей – Константина Сергеевича Гудакова – автор будет молиться всю жизнь».

«ДЕДУШКИНЫ СТИХИ»

Моя четвёртая книга, первая, изданная в Волгодонске, благодаря спонсорской помощи *Константина Сергеевича Гудакова*. В ней собраны все детские стихи, написанные за много лет в *Чулыме, Серебрянке, Потапове*. Стихи рассчитаны на самую юную в основном дошкольную читательскую аудиторию. Обложка книги выполнена неизвестным художником, причём в двух вариантах.

Редактировал, корректировал, верстал сам. Это была моя первая издательская работа.

**ДЕМИДОВ
ИВАН
ИВАНОВИЧ,**

земляк, работал в совхозе «Суминский» секретарём партийной организации, затем директором совхоза «Кировский». Мне нередко доводилось бывать у него в гостях, поскольку мы с братом (*Степанов Павел Владимирович*) дружили с братом его жены.

* * *

Это был очень интересный человек, который мог угодить любому руководителю, но и помочь любому работнику совхоза и просто жителю села. Деревенские бабушки и дедушки очень уважали его как руководителя и как человека.

Как руководитель он был вдумчивым и серьёзным, наверное, иногда строгим.

Однако подчинённые всегда были готовы мчать в любые стороны по первому его слову.

Про Ивана Ивановича ходило много всяческих баек. Например, в один весенний день он пригласил в контору работников ремонтной мастерской.

– Мужики, – сказал он, – заняться вам пока ничем, технику подготовили, помогите навести порядок в селе. Берите машины и объедьте все улицы. Соберите весь мусор, отметьте усадьбы, где этого мусора больше всего. Все штрафные сборы поступят вам в тот же день.

Мужики с радостью согласились. За несколько часов село преобразилась. Рабочие получили свой заработок наличными. В тот же миг определили его так, как им казалось нужным.

На другой день обиженные сельчане потянулись в кабинет к Ивану Ивановичу: штраф-то по тем временам выглядел солидно – 10 рублей со двора.

Иван Иванович встретил односельчан радушно, усадил их на стульях своего большого кабинета.

– Садитесь, садитесь товарищи,

сейчас во всём разберёмся. Значит, с вас взяли по 10 рублей с усадьбы? Много, конечно, много. Сейчас я поговорю с прокурором. Может, он и скостит немного штраф. Иван Иванович взял телефонную трубку, набрал номер и в самом деле позвонил прокурору. Его посетители приумолкли, напряглись, пытаясь уловить каждое слово директора.

– Дмитрий Тимофеевич, здравствуйте, – поприветствовал Иван Иванович прокурора, – помоги нашим жителям. У нас-то и дел одни пустяки. Жители замусорили село, а сельский Совет наложил на них штраф – по десять рублей на каждую усадьбу. Что, что? – Иван Иванович замолчал, слушая ответ прокурора, затем закивал головой, соглашаясь с визави, – хорошо, Дмитрий Тимофеевич, я доведу ваши слова до моих земляков.

Он положил трубку развёл руки:

– Ничего не смог сделать для вас, друзья. Прокурор накричал на меня, потому что он приказал за нарушение санитарного порядка давать по 20 рублей штрафа. Но всё-таки он согласился, чтобы на первый раз

обойтись десятью рублями.

Конечно, обрадованные мужики от души благодарили Ивана Ивановича, а потом ещё долго при случае хвалили директора в разговорах между собой.

Но на этом данная история не закончилась. Месяца через два у механизаторов из РТМ снова выдался свободный день.

– А что, мужики, – предложил кто-то из них, – а давайте снова соберём мусор.

Иван Иванович поддержал это начинание, выделил грузовик. Мужики снова прошли по всем улицам, но, увы, заработать хоть что-то им не удалось. Улицы и дворы были чистыми, как будто перед ними кто-то уже прошёл и навёл порядок.

* * *

Как-то деревенские мужики «сообразили», купили бутылку и стали решать, где её можно «оприходовать». Кто-то предложил:

– А пойдёмте в совхозную контору, там уже никого нет, одна Мотя пол моет. Там хоть стаканом разживёмся.

Идея обществу понравилась, и все дружно ввалились в контору. Без всякого умысла обосновались в кабинете Ивана Ивановича. Первый выпил свою порцию, запил водой из графина, второй повторил его «подвиг» и тоже запил водой из графина, а третий не успел. Он зачем-то выглянул в окно и увидел, что Иван Иванович заходит в контору. С перепугу он вылил водку в графин, и все трое, чтобы не попасть парторгу на глаза, ретировались через запасной выход.

Иван Иванович зашёл в кабинет, он в течение дня проделал большой объём работы: ездил на поля, встречался с рабочими животноводами, обежал немало других производственных участков. Он сел на своё место, налил в стакан воды, отпил из него, сделал изумлённое лицо и закричал:

– Мотя, иди сюда.

Та была в соседнем кабинете и тут же отозвалась:

– Что, Иван Иванович?

– Мотя, – с самым серьёзным выражением лица спросил парторг, – где ты воду берёшь?

– У Чернышевских в колодце.

– Беги бегом туда и закрой колодец на замок. Да сторожи, не подпускай к нему никого, пока я не приду.

Та перепугалась неизвестно чего, руки затряслись, язык перестал ворочаться во рту. Но всё-таки через силу она выдавила из себя:

– А что случилось?

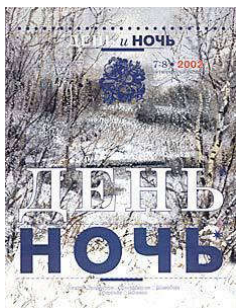
Позже она призналась, мол, подумала, что кто-то отравил воду в колодце.

– А вот, – попробуй воду, которую ты мне в графин налила и протянул стакан с водой.

Та осторожненько приняла его и сделала глоток.

– Вот пропасть, – обрадованно воскликнула она, – да тут перед вашим приходом мужики заходили, а вы их наверное спугнули. Они, наверное водку в графин и вылили.

«ДЕНЬ И НОЧЬ»,
общероссийский журнал, выходил в
Красноярске под редакцией Романа
Солнцева, известного отечественного поэта,
писателя, журналиста и общественного
деятеля. Членом редколлегии был и
Новосибирский писатель, учёный,

литературовед, поэт
*Прашкевич Геннадий
Мартович*. Не без его
помощи в журнале №
7-8 за 2002 год в
рубрике «Д и Н
дебют» была
опубликована моя
поэма-сказка
«Колдун».

ДЕТКОВЫ, огромная семья из села
Иткуль Чулымского района Новосибирской
области. К сожалению, в моей памяти
сохранилось очень немного о них.

Детков Алексей Григорьевич жил в
Чулыме с женой Анастасией (тётя Тася). Я к
ним в гости не ходил, а вот брат (*Павел
Владимирович Степанов*) бывал нередко.
Однажды он пришёл к ним. Тётя Тася
нажарила карасиков и, угощая гостя,
поставила их в сковороду на стол. Павлик
взял карася и, поскольку был голодным, как
собака, проглотил его. За первым хорошо
пошёл второй, третий, четвёртый. Дядя
Алёша смотрел, смотрел, как исчезает рыбка,
подавал голос:

– А я вот карасей не люблю.

– Зря, дядя Алёша, они вкусные, – и потянулся за пятым.

– От карасей один лишь вред, ты бы лучше на чай налегал.

– Спасибо. Я после карасей чаю попою.

Павел частенько рассказывал про этот случай.

Детков Григорий , глава семьи, никаких данных о нём у меня нет. Правда рассказывали будто он до революции с отцом держал ям. Были известными ямщиками на Московском тракте.

Детков Михаил Григорьевич – старший брат, состоял членом контрреволюционной организации «Примерное общество», правда, был мелкой сошкой, и поэтому его не расстреляли, а просто закрыли на замок на долгое время. Когда он освободился, то перебрался в Крым, где и осел. На родину не приезжал никогда. Мои дедушка с бабушкой однажды были у него в гостях. По их рассказам, у него большая и крепкая семья.

Детков Пётр Григорьевич – офицер Красной армии погиб на фронте. За него

мать получала пенсию. А в Союзе пенсию платили родственникам только за погибших офицеров. Солдаты в расчёт не принимались, погиб и погиб, беда не велика, На эти деньги она и жила.

Его жена, в родне её звали Панночка, была народным целителем. Больные стекались к ней за советом и лекарством со всего района, а то и со всей области. Если бы от её лечения не было толка, то, наверное, в течение долгих лет, люди бы раскусили, что никаким даром она не обладает. Когда она была совсем старенькой, я попросил её научить меня своему умению.

– А где же ты был раньше? – спросила она, – я уже всё позабыла.

К сожалению, её дочь Ульяшина (Деткова) Тамара Петровна, с которой она доживала свой век, ничему у матери не научилась, хотя сама работала в районной поликлинике регистратором. Видимо, медицина и народное целительство не увлекли её.

Ещё в девках пути Тамары Петровны и моей мамы пересеклись, они где-то работали вместе в одной из сельских школ. Я был тогда ещё совсем маленьким, по

рассказам мамы, она любила возиться со мной. А когда я подросток (и уже это осталось в моей памяти) она любила подшучивать надо мной:

– Саша, а тебе колёсико нюзьно?

Я не знаю, что это за колёсико и зачем оно мне было нужно, но всегда обижался на этот глупый вопрос. А тётя Тамара смеялась и угощала чем-нибудь вкусным. Обида тут же уходила, даже не попрощавшись.

* * *

У кого-то из родственников вскочил ячмень. Тётя Панна научила мою маму народному методу лечения, а уж мама позже рассказала о нём и мне. Лечение простое: складываешь кукиш, подносишь его к ячменю и вслух или про себя говоришь: «Ячмень, ячмень, кукиш, что себе купишь? Купи себе топорок, руби вдоль и поперёк» И в этот момент надо трижды перекрестить ячмень.

От тёти Панны остался и такой рецепт, но уже лечения фурункула: надо найти засохший сучок в мебели, доске или на дереве. Обводишь пальцем один сучок и следом фурункул, второй сучок и второй

фурункул и так далее. При этом надо приговаривать: «Чирей засохни, как засох этот сучок». И так по три раза на каждую болячку.

Однажды брат Павел заболел фурункулёзом. На каждой ноге выскочили по 30-40 фурункулов. Лечили его всякими разными медицинскими препаратами и приёмами, ничего не помогало. А тётя Панино лечение помогло сразу.

* * *

Тётя Панна провожала сына в армию и, как водится, давала ему наказ:

– Веди себя, сынок, правильно, зазря не пялся, не гылся, не скался, не лыбся. Родню и батю не позорь.

**ДЕТКОВ
НИКОЛАЙ
ГРИГОРЬЕВИЧ**

(дядя Коля), сын
Детковой *Прасковьи*
Даниловны, брат
Степановой *Анны*
Григорьевны. Родился в
селе Иткуль в 1900 году в

очень большой семье. Работал на железной дороге, в том числе и на руководящей работе, участник гражданской войны, большевик до мозга костей, мастер на все руки. Ни одной минуты не просидел без дела: плотничал, столярничал, сапожничал. До самой смерти имел крепкую память. Очень высоких душевных качеств, на любое несчастье человека отзывался с полной готовностью и открытой душой, не любил сплетников и никогда не привечал их дома.

* * *

Колчак, проходя по сибирским сёлам мобилизовывал всех молодых людей. Призывали и дядю Колю, погрузили в эшелон и повезли в Омск. По воле случая ему удалось бежать на какой-то не очень удалённой станции, через какое-то время он прибил к красным, служил и воевал в кавалерии. Это то, что осталось в моей памяти из многочисленных его рассказов о Гражданской войне. Однажды их отряд взял в плен несколько белогвардейцев. Ему и ещё нескольким солдатам поручили доставить их в штаб. Во время конвоирования сами попали в окружение, пленным пришлось

ликвидировать, а самим с боем пробиваться к своим. За этот проступок (ликвидацию «языков») его исключили из партии. Правда, через несколько лет, после войны, его в партии восстановили.

* * *

Как и все Детковы, дядя Коля не мог жить без чая. Его первый вопрос при встрече: – Ты чай пил?

На кухне у него стояла плитка и на ней маленький, стакана на два металлический чайник. Через каждый час-два он включал плитку грел воду и заваривал чай. Чай он пил исключительно индийский второго сорта Иркутской чаеразвесочной фабрики, заваривая непосредственно в стакане. В стакан он непременно добавлял чайную ложку сахара, не больше.

Однажды мои младшие братья задумали построить новый пригон для коровы. Привезли лес, собрали родственников, собрался и я. Дядя Коля вызвался помочь и поехал со мной в Серебрянку. Поработав несколько часов, он попросил маму приготовить чай. Та

приготовила. Дядя Коля сделал глоток и обмер.

– Нина, что это?

– Чай, – не поняв трагизма положения, воодушевлённая успехом строителей ответила она.

– Да, да, – уныло кивнул головой дядя Коля, отставил чай в сторону и пошёл тесать брёвна.

Мама подошла ко мне:

– А почему он не стал пить чай?

Пришлось объяснять ей, что дядя Коля пьёт индийский чай, заваренный непосредственно в стакан, заваренный в чайнике и трижды разбавленный водой он пить не будет.

– А у нас чай только грузинский. Но я сейчас схожу в магазин, может быть, там есть.

К сожалению, индийского чая и там не оказалось. Дядя Коля мужественно терпел до вечернего рейса автобуса, и как мы ни уговаривали его остаться до утра, он всё-таки уехал.

Подобная история произошла и с моей бабушкой Нюрой (*Степанова Анна Григорьевна*). Она приехала в гости к

Сазоновым. Они в это время уже переехали в многоквартирный дом, в котором имелись все блага цивилизации, в том числе и электрическая плита. Приехав с вокзала она естественно попросила чай. Её сестра тётя Маша, тоже страстная любительница чая, только руками развела:

– Подожди, Нюра, у нас с утра свет отключили, не на чем греть.

Бабушка тоже безропотно ждала часа два, а потом заболела: появилась слабость, головные боли.

– Бабушка, давай я сбегая в столовую за чаем.

– Да какой же там чай, – махнула она рукой на моё предложение.

– Тогда пойдём туда вместе, попросим у них кипятка, неужели не дадут.

Как оказалось в столовой работали чуткие женщины. Они быстренько заварили бабушке чай по её фирменному рецепту, и она тут же ожила.

* * *

Дядя Коля был коммунистом до мозга костей. Я иногда поругивал коммунистов-

руководителей, вот, мол, все они хорошо пристроились. Должности хорошие, оклады тоже и у каждого хоромы, а не дома.

Дядя Коля слушал молча, но всегда после моего словоизлияния отвечал защищая руководителей:

– А ты хотел бы, чтобы они в развалюхах жили. У них же ответственность за весь район, за всех людей, за производство. Они это заслужили перед партией. Ты думаешь, каждый человек мог бы управлять таким хозяйством? Я, считаю, в данном случае ты не прав.

* * *

Дядя Коля практически никогда не болел, а если какая катавасия приключалась, он всегда лечился чаем. Заболит голова, выпьет стакан другой чая и вновь на ногах, заболят глаза - промоет их чаем и снова зрение, как у орла. И только одно лекарство, не связанное с чаем он время от времени пропагандировал. Это мазь от экземы. Как-то в молодости у него случился какой-то кожный катаклизм, и он отправился к врачу. Все походы в гости к эскулапам дали отрицательный результат. А однажды какой-

то незнакомый ему старичок из очереди в больницу подсказал стопроцентный препарат. Дядя Коля изготовил его и болячка зажила и при том навсегда. А рецепт проще простого. В стакане сметаны размешать полстакана дымного пороха, а потом тем, что получится, мазать больные места.

Деткова Анна Григорьевна — см.
СТЕПАНОВА АННА ГРИГОРЬЕВНА

Деткова Мария Григорьевна — см.
САЗОНОВА МАРИЯ ГРИГОРЬЕВНА

Деткова Ольга Григорьевна — см.
БУНАКОВА ОЛЬГА ГРИГОРЬЕВНА

ДЕТКОВА ПРАСКОВЬЯ
ДАНИЛОВНА (урождённая Снеткова),
мать четырнадцати детей, в том числе моей
бабушки *Степановой Анны Григорьевны*,
моя прабабушка.

* * *

Как все чалдоны Прасковья Даниловна
любила чай. Больше того, она не

представляла без него себе жизни, как, впрочем, все Детковы. При каждой нашей встрече она первым делом спрашивала, люблю ли я чай.

– Люблю, бабушка, люблю, – чтобы не обидеть её, отвечал я.

– Вот молодец, – хвалила она, – пей чай, всегда здоровым будешь. А молоко не пей и воду сырую не пей, молоком да водой только мозги застужать.

А ещё спрашивала:

– Ты как чай пьёшь, вприкуску или внакладку?

– Вприкуску, бабушка, вприкуску.

– Правильно, никогда не пей внакладку. Что это за чай с сахаром, ни вкуса, ни пользы.

* * *

Больше двадцати лет бабушка ничего не видела, была полностью слепой. В то время ещё в наших краях убирать катаракту не умели. Когда мы приходили к ней в гости, она подзывала к себе, быстро проводила рукой по лицу и радостно восклицала:

– Ой, Сашенька пришёл. А это Пашенька. Ольга, готовь чай, будем гостей

поить.

Меня всегда поражала эта способность Даниловны видеть рукой. Ведь мы бывали у неё в гостях не каждый год. Мы росли, менялись наши черты, а она ни разу не ошиблась, не назвала другим именем, хотя и других правнуков у неё было огромное число.

Я ещё был маленьким, когда бабушкины дети отвезли её в Новосибирск в глазную клинику. Здесь ей сделали операцию на оба глаза, и она чудесным образом прозрела. И это после двадцати с лишним лет полной слепоты.

Теперь она ходила в очках в минус 10 диоптрий и довольно неплохо видела, хотя, по её словам, всё время хотелось рассматриваемый предмет потрогать руками.

* * *

Родни у бабушки было много. Гости приходили чуть ли не каждый день. Многие приносили подарки. Кто-то из мужиков приносил водку, и Прасковья Даниловна с удовольствием выпивала рюмку и никогда вторую. Водку она не заедала, а после рюмки становилась словоохотливой и оживлённой.

Женщины чаще всего приносили конфеты, которые она ссыпала в мешочек и хранила у себя под подушкой. Сама она конфеты не ела, но когда к ней приходили ребяташки, она извлекала мешочек из тайника и угощала их сладостями.

* * *

Пока она была слепой, она жила у тётки Маши (*Сазонова Мария Григорьевна*). А уже после операции, когда Сазоновы уехали в Куйбышев, Бабушка переселилась к тётке Оле (*Бунакова Ольга Григорьевна*). Пенсию по старости она не получала. То, что она вырастила больше десяти детей, в зачёт не пошло. А пенсию ей назначили за погибшего сына Петра Григорьевича, который был офицером. Платили крохи, чуть больше тридцати рублей. Но на эти деньги они ухитрялись жить с тёткой Олей.

* * *

Много разных историй рассказывала она. Память, как у всех Детковых, у неё была отменной. Однажды она рассказывала, что когда ей было лет 15-16 по московскому тракту проезжал какой-то барин и

останавливался у них на ночёвку. Вечером он попросил, чтобы кто-нибудь вынес из его горшка. Даниловна исполнила эту просьбу, за что барин дал ей десять рублей. Наверное в то время это были большие деньги, поскольку случай запомнился на всю жизнь.

Не знаю отчего, но все посчитали, что этим барином был Чехов Антон Павлович. Однако ни подтвердить ни опровергнуть этот факт в то время мы не могли. Так и осталось в нашей памяти, что бабушка Чехова видела.

Я и сейчас не могу докопаться, проезжал ли Чехов через Иткуль, который и сейчас стоит на Московском тракте. Вроде бы другой дороги в то время не было, но...

ДЖЕБЕЛ

Посёлок городского типа в Туркменистане, в двадцати километрах от города Небит-Дага, в пяти километрах от Всесоюзного курорта Молла-Кара, в центре пустыни Кара-Кумы. Говорят, что Джебел был в

своё время центром туркменского басмачества, и выбивали их оттуда красноармейцы под предводительством Будённого. Правда или нет, но многие старики ненавидели его лютой ненавистью. Они чуть ли не с ума сходили, если кто-то, издеваясь над ними, показывал на себе завитые будёновские усы.

В 1963 году я приехал туда, чтобы учиться в восьмом классе и водить в школу сестру Наташу (*Салова Наталья Геннадьевна*), потому что путь туда лежал через железнодорожные пути, а переходного моста тогда не существовало. А она только пошла в первый класс и отпускать её в школу одну было не безопасно.

* * *

Я в Туркмении, в посёлке Джебел. Здесь буду учиться в восьмом классе. Неподалёку от нашего дома спортивная площадка, там по вечерам, когда спадает летний зной, офицеры и сверхсрочники военного городка играют в волейбол. Здесь же толкутся ребяташки всех национальностей, проживающих в посёлке. Пришёл и я. К новенькому стали

подтягиваться мальчишки. Один, который постарше, спросил:

– Ты что здесь жить будешь?

– Да.

А в каком классе учиться будешь?

– В восьмом.

– А откуда ты приехал?

Тут я задумался. Сказать из Чулыма, а вдруг они такой город не знают.

– Из Новосибирской области. Знаете?

Старший мальчуган защёлкал языком. У них это, оказывается, соответствует понятию «Нет».

– Город Новосибирск знаешь?

Снова щёлканье языком.

– Слышал о реке Обь?

– Щёлк-щёлк-щёлк.

– А про Сибирь слышал?

– Щёлк-щёлк-щёлк.

Я смотрю на его ничего не соображающие глаза и выдаю последнее:

– Ну, это за Ташкентом, ещё двое суток на поезде ехать.

Это они поняли, заохали, заохали, потому что для них Ташкент – это край Ойкумены.

Завтра в школу. Я уже всё собрал, осталось выбрать рубашку. Их у меня две, я выбрал ту, что с отложным воротником. Она светлая и в отличие от второй на неё нельзя повязать пионерский галстук. На вторую тоже можно было бы не вязать, но у неё как-то некрасиво расходилась полочка с пуговицами, поэтому приходилось прикрывать её галстуком. Но выбор сделан. Я иду в белой рубашке, а потому тщательно погладил её и повесил на спинку стула. Тут вмешался дядя Гена (*Васильев Геннадий Георгиевич*):

– А почему галстук не погладил?

– А я завтра в белой рубашке пойду, на неё галстук не повяжешь.

– А вон что. Но я бы на всякий случай и его погладил.

Что делать, упрямитесь не стал и погладил его, просто из уважения к дяде.

Утро преподнесло сюрприз, вернее не утро, а кошка. Ночью она стянула со стула белую рубашку и с комфортом провела на ней ночь. Гладить её не было смысла, потому что она уже подлежала стирке.

– Ну и что я тебе говорил. Человек

должен быть готовым ко всяким неожиданностям.

«ДЕТЯМ»

Книга стихов и прозы для детей: шесть сказок в стихах («Сказка о Розах», «Дед Мороз», «Как Лиса летать училась», «Волк и семеро козлят», «Небо упало», «Как рассорились друзья») и четыре – в прозе («Паучок», «Старик и смерть», «Гусь, свинья и лягушка», «Карлик»). Кроме того в неё входят три рассказа и небольшая подборка стихотворений. Написана она в 2019 году.

ДОБРИДЕНЬ ЛЕОНИД ВАСИЛЬЕВИЧ,

волгодонский товарищ,
самодетельный поэт,
бывший строитель, родом
с Украины. До сих пор не
может избавиться от
украинизмов и, боюсь,

никогда не избавится от них. Он, правда, всегда критически относится к себе и своему поэтическому мастерству.

— Я всю жизнь проработал на стройке. Кроме матерков ничего там не слышал. А тут раз и я должен нести людям нечто доброе и вечное. Не так-то это просто сделать, приходится на старости лет по новой учиться.

Впервые встретились на заседании литобъединения «Волго-Дон». Я подошёл к мужчинам, что ожидали на улице приглашения в зал. Подал руку одному:

— Здравствуйте, Степанов.

— Волков, — ответил тот.

— Добрый день, — подал руку второму. Мужики рассмеялись.

— Простите, я что-нибудь ляпнул не то?

— Нет, всё то, — не переставая смеяться сказал Волков (*Волков Олег Алексеевич*), — просто у него фамилия Добридень.

**ДОБРЫЙ
АЛЕКСЕЙ
МИХАЙЛОВИЧ**

мой сосед,
добрый приятель,
работал в Чулыме
зубным врачом.

* * *

В кабинет входит мамаша с ребёнком, у которого качается молочный зуб. Ребёнок от одного вида белого халата и набора всяких блестящих медицинских инструментов начинает реветь, возникает паника, плавно переходящая в истерику. Мамаша пытается успокоить его, что-то шепчет ему на ухо, обещает золотые горы. Но тот вошёл в раж: никого и ничего слушать не хочет. И тут в игру вступает Алексей Михайлович:

– Прекращай реветь, видишь, я все инструменты положил на стол. Погляди на меня, на мои руки, у меня ничего нет. Открой рот, я просто посмотрю и скажу

маме, какие таблетки тебе давать, чтобы зуб сам выпал.

Ребёнок замолкал, довольный открывал рот.

– Какие у тебя зубы красивые. – Он осторожно взял зуб двумя пальцами и так ловко удалил его, что ребёнок даже и не заметил этого. – Вот твой зуб, который мешал тебе, можешь взять на память.

* * *

Стоим на крыльце зубопротезного кабинета, где в то время работал Алексей. Мимо на костылях проходит местный дурачок, он же алкоголик, нагруженный пустыми бутылками, несёт в приёмный пункт стеклотару. Видно, что ему тяжело, но он всё-таки движется в нужном направлении.

Лёшка и пожалел его:

– Что, Вова, тяжело?

Тот остановился, мутными глазами страдальца взглянул на доброжелателя и выдохнул:

– Тяжело, – потом после небольшой паузы, – но за то у меня сейчас денежки будут. А ты за пять рупов будешь ломом долбать. – И пошагал дальше.

Лёшка рассмеялся:

– Дурак, а прав всё-таки он.

* * *

Как-то я привязался к нему:

– Лёшка, ешь поменьше, а то брюхо отрастил, как у бегемота.

– Дурак, это не брюхо.

– А что же?

– Ничего. Пресс.

Я рассмеялся.

– Ну что ты смеёшься. Стукни меня в живот.

Я стукнул.

– Бей со всей силы.

Я и ударил. Рука болела несколько дней, словно ударил не по животу, а по стене. Так я и узнал, что такое настоящий пресс и что большой живот не всегда разъевшееся пузо.

* * *

- Откуда у тебя такая странная фамилия?

- От предков. Рассказывают, что мой прапрадед был крепостным у одного хорошего помещика. Однажды по улице, где

играли его дети, понесли обезумевшие кони. А мой прадед остановил их, ценой своего здоровья спас ребятишек. С тех пор его так и прозвали, а позже это прозвище стало фамилией.

**ДОЛГАЕВА
ЛЮБОВЬ
СТЕПАНОВНА**

Дочь *Вяткиных*
Степана Тимофеевича и
Елены Павловны, моя
двоюродная сестра, в
девичестве Вяткина.

Когда она была ещё маленькой, то часто приезжала в Серебрянку в гости к бабушке (*Бунеева Анисья Сергеевна*). С мальчишками она практически не водилась, а играла в куклы или же находила общий язык со взрослыми женщинами. Лишь иногда мы садились вместе за столом или где-нибудь на улице, на лавочке или в тени на траве, и долго разговаривали на самые разные темы. Именно этим она и запомнилась мне. Когда она подросла, посещения Серебрянки

становились всё реже, а когда пошли свои дети и вовсе прекратились

**ЖМУЛЁВ
ВЛАДИМИР
АНАТОЛЬЕВИЧ,**

товарищ,	первый
секретарь	Чулымского
райкома	комсомола,
затем	заведующий
орготделом	райкома
партии	

* * *

Как мы сблизились со Жмулёвым не помню, но однажды он, я и Толя Мартынов оказались в одной машине в Новосибирске. Денег у нас не было, может быть, и были, но не более того, чтобы зайти в столовую и съесть комплексный обед.

И тут у Жмулёва возникла идея:

– Едем в обком комсомола, попробую там чем-нибудь разжиться.

Для меня разницы не было никакой, в обком так в обком. В обкомовском коридоре удобные кресла, мы с Толей с удовольствием разместились в них и уже

начали дремать, дожидаясь, когда Владимир выйдет от первого секретаря. Ждали, правда, не долго, потому и выспаться нам не удалось.

Появился Жмулёв:

– Саша, пойдём в кассу.

– Пойдём.

Оказалось, он выходил для меня премию Областного ленинского комсомола за беспрецедентное освещение в районной газете ход работы по подготовке к какому-то комсомольскому юбилею. Наверное, в архивах, не знаю каких, моё имя фигурирует в числе лучших людей Новосибирской области.

* * *

Вы думаете, только сейчас есть буржуи? Ничего подобного, были они и раньше, в Советском Союзе. Однажды мы со Жмулёвым возвращались домой через Ордынку, где жил его отец. Вечером состоялось роскошное застолье по поводу приезда в гости родного сына. А утром я наблюдал интересные события. Жмулёв-старший жил в частном доме, за забором элеватора, которым и руководил. С буйного похмелья он на работу не вышел, а остался

лежать в постели. Но это для дела не было помехой. Каждую минуту в комнату, где он почивал, заходили служивые люди с какими-то бумагами. Лёжа в постели он подписывал их и давал важные распоряжения.

Ещё меня удивила стая гусей, которая обитала у него в ограде.. Я прикинул, что ни один крестьянин не смог бы прокормить такую прорву птицы. А этот буржуйчик делал это запросто. Работяги ХПП каждое утро лопатами перекидывали через забор пшеницу. Ешьте, птички, набирайте вес на радость своему хозяину.

* * *

Владимир Жмулёв состоял в штате райкома партии заведующим орготделом как раз в то время, когда началась перестройка. Как-то раз я дежурил по райкому. Это делалось в выходные, предпраздничные и праздничные дни на случай, если кто-то свыше надумает спустить вниз какое-нибудь указание. Обычно дежурства проходили без каких-либо эксцессов, попросту не было, видно, необходимости беспокоить нас.

Но в этот день нас побеспокоили. Из

обкома пришла телефонограмма, в которой первому секретарю Николаю Ивановичу Мельникову предписывалось срочно выехать в обком, а оттуда в Москву. Я понимал, что вызов в Москву означает не что иное, как повышение по службе. Я тут же позвонил Николаю Ивановичу и услышал радость в его голосе, видимо, он уже ждал эту телефонограмму.

Некоторое время спустя зашёл Жмулёв:

– Ничего нового нет?

Как заведующий орготделом он имел право спросить дежурного о текущих делах.

– Ничего особого. Правда, Николая Ивановича вызывают в Москву.

Володя изменился в лице. Он имел право надеяться на повышение в должности, поскольку считался четвёртым человеком в райкоме. Увы, судьба лицом к нему не повернулась, он так и остался заведующим отделом. А на должность третьего секретаря прислали выпускника партшколы, который по общему мнению, не стоил и мизинца Жмулёва.

Шло время, и Владимир стал не третьим и даже не вторым, а самым первым секретарём Чулымского райкома КПСС. Это уже был апофеоз перестройки, когда народ массой выходил из рядов партии. Мама, я, Гена и Женя (он первым) тоже написали заявления. По этому случаю Жмулёв приехал в Серебрянку и пригласил нас на беседу. Но поскольку он со своей партией уже был никому не интересен, то никто, кроме меня, на эту встречу не пошёл.

Он, конечно, ещё пытался корчить из себя большого человека, но мне тоже всё это было уже до фонаря или, как говорят, до лампочки. Скорее всего он сам понимал, что его секретарство уже просто пустой звук.

Не долго музыка играла, через некоторое время он с семьёй уехал в Новосибирск, чем занимался там одному Богу известно. Хотя иногда его фамилия появляется в интернете в связи с какими-то коммерческими делами. А однажды в «Одноклассниках» промелькнуло имя его жены, которая бросила его и живёт где-то на берегах Чёрного моря, но это меня уже не касается. Их дело.

**ЗАКУСИНА
НЕЛЛИ
МИХАЙЛОВНА,**

она же Загородная.
Новосибирская поэтесса,
член Союза писателей
России, член редколлегии
журнала «Новосибирск».

* * *

Однажды она приехала в Чулымскую библиотеку. Библиотекари подсустились, созвали местных авторов, любителей литературы. Нелли Михайловна презентовала свою новую книгу, читала стихи, а потом предложила собравшимся прочитать своё. Читал и я, а перед тем, как разбежаться, отдал ей два своих сборника. Прошло много времени. Она вновь приехала в Чулым. Увидев меня она подошла, пожала мне руку:

– Готовься, Александр, осенью будем тебя принимать в Союз писателей.

Челюсть отвалилась не только у меня, но и у всех собравшихся в читальном зале. В Чулыме профессиональных писателей ещё

никогда не было. Случай со мной из разряда
ВОН ВЫХОДЯЩИХ.

* * *

Позвонила Нелли Михайловна:

– Саша, срочно высылай в адрес
журнала *«День и ночь»* свою фотографию и
данные о себе. Там решили в очередном
номере опубликовать подборку твоих
стихов и мою поэму.

Я, конечно, обрадовался, всё сделал,
как она просила. Прошло много дней,
наконец, узнаю, что в журнале нашлось
место для моей поэмы-сказки *«Колдун»*, а
для неё почему-то места не было. С той
поры наши контакты с ней практически
прекратились. Видимо, обиделась на меня.

**ИОНИН
БОРИС
ГРИГОРЬЕВИЧ,**

второй муж моей матери
(*Степанова* *Нина*
Павловна), мой отчим,
отец *Иониных* *Геннадия* и
Евгения Борисовичей

Борис Григорьевич работал в Чулыме от какой-то Новосибирской организации бухгалтером. Он начислял работягам зарплату и сам же её выдавал. Всю эту большую массу денег надо было получать в Новосибирске, везти в Чулым, а уж потом выдавать её сотрудам.

Времена в 60-годы в стране были не простые. На улицах в ночное время появляться лишний раз было небезопасно. Могли отобрать деньги, снять одежду, особо строптивых – отправить на тот свет.

Пошаливали разбойнички и в Чулыме. Однако начальство организации, где работал Борис Григорьевич, на этом внимание не заостряло. У них ЧП не происходили – и ладно.

Однажды Борис Григорьевич получил изрядную сумму денег, на вечернюю электричку не успел, пришлось ехать ночной. Одет он был в хорошее, по тем временам модное, кожаное пальто (кожан), в руке сумка «авоська» – она же «сетка» с деньгами, завёрнутыми в газету. Сверху лежал кусок колбасы и буханка хлеба. Он собирался перекусить в электричке, но голод

его не мучил, и перекус оставил до дома.

До Чулыма он доехал благополучно, без приключений. Чулым встретил морозной ночью и крошечной тьмой. Едва он отошёл от вокзала, его остановили четверо здоровых мужиков.

– Ну привет, барин, – ехидно прохрипел один из них, – куда прёшь?

– Домой вот, с электрички.

– Гони деньги, а то до дома не дойдёшь.

– А у меня нету денег. Все в городе потратил. Вот пальто купил.

– А в сетке что?

– Продукты кое-какие.

– Водка есть?

– Нету.

– Тогда снимай пальто.

Скинул Борис Григорьевич пальто, получил пару подзатыльников и солидный пинок под зад за то, что не имел при себе ни денег, ни водки и почти нагишом помчал по морозу домой.

С той поры за деньгами он больше не ездил. Руководство наладило перевод денег через сберкасса.

Борис Григорьевич заканчивал покос, осталось сметать последний стожок. Собрал он помощь, несколько мужиков, все уже уселись на грузовик, как вдруг ему в голову пришла интересная мысль:

— А ты знаешь, мать, на нашем покосе нынче небывалый урожай на грузди. Давай какую-нибудь посуду, мы наберём.

Мама принесла ванну. Все вокруг засмеялись:

— Нина Павловна, эту ванну мы за минуту наберём, не сходя с места, нам бы что-нибудь побольше.

Мама засмеялась:

— Берите тогда чан из огорода, в него пятьдесят вёдер входит.

— Вот это да, такой размер подойдёт.

Мужики выпрыгнули из кузова, перевернули чан, вылили воду и на одном дыхании закинули его в кузов.

Мама пыталась остановить их, но они уверили её, что для нынешнего урожая грибов и такой посуды мало. Мама махнула рукой, сделайте, мол, что хотите.

В последнюю минуту, когда все снова расселись по своим местам, Борис

Григорьевич позвал Генку:

– Сынок, поедem с нами.

Мама снова стала сопротивляться и было от чего, Генке-то было всего годика три. И снова мужики успокоили её.

– Не бойтесь, Нина Павловна, мы с него глаз не спустим, часа через два уже вернёмся.

Прошло два часа, три, пять, уже стало смеркаться. Мама места не находила себе, трижды прокляла свою мягкотелость. Наконец, послышался гул машины. Мама выскочила на улицу, мужики подали ей уже спящего ребёнка и сами стали выбираться из кузова.

– Нина Павловна, а грибы.

– Сами выгружайте.

Не знаю, как мужики спустили пятидесятиведёрный чан с грибами, но утром он стоял посреди двора. Только грибов в нём не было, вместо них – мелкая грибная крошка. Оказывается, после покоса мужики быстренько заполнили чан ядрёными груздями и поехали домой. По дороге машина сломалась. Пока шофёр возился с ней, Генка захотел спать, кто-то предложил положить его на грузди, мол,

пусть спит, а если и поломают ведра два, беда не большая, останется сорок восемь. Так и порешили. Генка хорошо выспался, но грибов в чане не осталось. Кто бы мог подумать, что такой шкет может перепортить столько грибов.

* * *

Борис Григорьевич мог пить, но мог и работать. В последние годы он был главным бухгалтером на местном маслозаводе. Пил каждый день, но ни одна проверка или ревизия никогда не могли хоть к чему-нибудь придраться. Отчёты готовились к сроку, без единого недочёта, годовой отчёт сдавал первым. Нередко его направляли на отстающей участок, и там он мигом наводил порядок в бухгалтерском деле.

Однажды он гулял всё лето, а осенью, протрезвев, спохватился: забыл накосить сена. В одно утро он исчез из дома и явился через несколько дней на удивление трезвый и весёлый.

— Мать, — не ругайся, — с порога заявил он, я сена накосил, на зиму хватит.

И действительно уже впредзимье он разыскал зрелую, но ещё зелёную траву,

руками выкосил за два дня, сгрёб и сметал. Такое умение у него по породе. Его отец с матерью во время войны вдвоём, будучи пенсионерами, на работе в совхозе за день замётывали по 400 центнеров сена. Такое не под силу большинству молодых людей. Даже норма на стогомёт обычно не превышает 400 центнеров. Факт этот документальный, о его родителях написано в книге (название не помню) об истории совхоза «Первомайский» Татарского района Новосибирской области.

Был ещё один случай с сеном. Борис Григорьевич заболел и его положили в сельскую больницу. Несколько дней он лечился добросовестно, но потом, поскольку пора было сенокосная, не выдержал. В тихий час, когда другие больные расслаблялись, он сбегал в лес и там на полянах, где траву можно было выкосить только руками, косил. За десять дней набузовал столько сена, что разговор о кормах отпал сам с собой. Правда, сгребали сено мы с Павликом (*Степанов Павел Владимирович*). Мне этот покос почему-то запомнился. Может быть, потому, что располагался рядом с домом, сено было

свежее и душистое, а погода позволяла не только работать, но и загорать.

* * *

У Алексея Середы несчастье. На его огороде нашли четырёх мёртвых свиней. Сосед, их владелец, обвинил его в преднамеренном убийстве животных и подал на Середу в суд. Однако, тот, чувствуя себя правым, решил подать встречный иск. Сам написать заявление он был не в состоянии, не хватало грамоты, поэтому и обратился за помощью к Борису Григорьевичу, как представителю класса интеллигенции.

Сидели они за бумагой чуть ли не целый день, выпили литра два водки и, наконец, создали всё-таки нужный документ. На проверку отдали его маме. Та прочитала, поправила, но ещё долго смеялась над перлами канцеляризма. Вот два из них. «Когда я вышел на свой огород, то увидел свиней в количестве четырёх человек» и «При осмотре свиней было установлено, что они убиты не ружейным оружием».

Суд Середу оправдал и поздней осенью по морозу тот отблагодарил Бориса

Григорьевича. У Середы был конь, которого они с Борисом Григорьевичем зарезали, обмыли это дело, а когда дошли до нужной кондиции, Середа командным голосом приказал:

– Отрубай, Борис Григорьевич, себе мясо!

– А сколько рубить?

– Сколько унесёшь.

Борис Григорьевич рубанул пол-задка, взвалил его на горб и нетвёрдой походкой пошагал домой. Войдя в дом он, споткнувшись о порог, упал, груда мяса придавило его. Так он и спал на полу вместе с мясом до утра. Утром мама сказала ему:

– Мясо вынести на улицу.

Сколько ни тужился Борис Григорьевич, но поднять этот кусок так и не смог, пришлось обрезать мясо и уж только потом выносить на мороз.

* * *

Борис Григорьевич редко когда брал инициативу по приобретению чего-нибудь в свои руки. Но время от времени это происходило. Обычно это случалось после того, как ему, по его же словам, под хвост

попадала шлея, то есть в переводе на нормальный язык, когда он оказывался пьяным. Друзья и приятели находились всегда, и по большей части у них оказывались ненужные им вещи, которые легко можно было впарить «лучшему другу». Борис Григорьевич после такого приобретения обычно молчал или на укоры мамы легонько отбрёхивался. Таким образом он привёз домой видевший виды шифоньер, ненужный никому телевизор (тогда в нашем районе ещё не было телевизионного ретранслятора). А однажды купил коня. Да, да, живого, красивого, но, увы, не здорового. У него на задней левой ноге зияла огромная рана, которую, как сказал ветлекарь, вылечить не удастся.

Стояло лето, температура воздуха поднималась до 30 градусов, мухи роями вились над лошадью, стараясь правдами и неправдами отложить в рану яйца. Лекарь пришёл ещё один раз и посоветовал зарезать лошадь. Легко сказать, а как это сделать никто не знал. Дело в том, что прирезать скотину может любой деревенский мужик, но вот сохранить в таком объёме мясо не смог бы никто. Ведь в те годы во всей

деревне не было ни одного холодильника. И всё же лошадь зарезали.

– Попробуем сохранить мясо, как это делают казахи, надо завялить его, – сказал виновник всей этой кутерьмы Борис Григорьевич.

Попробовали. Мясо засолили, а затем уже солёное вывесили на улице под навесом. От мух укрыли марлей. Никто и не думал, и не предполагал, что мясо сохранится и что его можно будет есть. А напрасно. Недели через две-три Борис Григорьевич снял один кусок, как он сказал, махана, нарезал его тонкими пластиками и «снял пробу».

– Да, ребята, сказал он, сегодня у нас будет пир горой, пробуйте.

Ничего вкуснее мы не ели. С этого дня мы ничего кроме махана не желали. Ели его с картошкой, клали в окрошку, пили с ним чай и вообще использовали как деликатес. Вот эта покупка Бориса Григорьевича оказалась полезной для всех. Жаль, что так случилось один единственный раз.

* * *

Бориса Григорьевича парализовало. Целыми днями он сидел на кровати и

массировал руку, которую скрючило, а пальцы на ней сжало в кулак. Вовка (*Степанов Владимир Александрович*) был маленький, он когда мы приезжали в деревню в гости, заглядывал в спальню, где сидел дед, и тут же убегал к бабушке жаловаться на него.

– Бабушка, а почему дед Боря не любит меня.

– Почему ты так решил?

– А он всегда, когда я захожу к нему в комнату, грозит мне кулаком.

ИОНИН ГЕННАДИЙ БОРИСОВИЧ

мой единокровный брат по матери (*Степанова Нина Павловна*), третий её сын. Отец *Албул Лилии Геннадьевны, Ионина Максима Геннадьевича* и *Гвоздевой Натальи Геннадьевны*, сын *Ионина Бориса Григорьевича*, муж *Иониной Надежды Николаевны*.

Стою за прилавком. Покупателей почти нет, хотя вчера вечером была привозка. Товара навезли видимо-невидимо, в том числе впервые в деревню привезли пиво в жестяных баночках. Зашёл брат Геннадий. Окинул взором прилавок, полки, увидел пиво, удивился:

— А это что? Пиво что ли?

— Пиво какое-то ненашинское, — отвечаю я.

— Завтра бычка сдам, — мечтательно говорит брат, — обязательно куплю баночку.

— Возьми сейчас, — предложил я.

— Нет, завтра сдам бычка и тогда куплю.

Гена не пьяница, ему просто очень хочется знать, что такое пьют «проклятые буржуи».

В это время открывается дверь, и в магазин заходит Галина Овчаренко, жена Шурика (*Овчаренко Александр Петрович*). Она тоже окинула взглядом полки и прилавок, увидела баночки пива.

— О, — обрадовалась она, — у вас и баночное есть?

— Есть.

– Мне десять баночек.

После её ухода Гена проворчал:

– Что с них возьмёшь. Они же городские.

* * *

Братьев Гену и Женю (*Ионин Евгений Борисович*) мир не брал с детства. Женя звал брата «Фюлер», а тот ему в ответ: «Жандарман». Правда так они обзывались, когда совсем разругаются, когда всякий внутренний контроль за своими действиями терялся окончательно и бесповоротно. Но что интересно, так называть друг друга могли только они, чужим, посторонним людям этак говорить возбранялось. Те, наверное, понимали, что за оскорбление братья могут и по шее накостылять.

* * *

На улице непогода. Дождь, как будто сошёл с ума, сыплет не переставая и, по всему видно, не собирается уходить на отдых. И Гена, и Женя скучают, они выглядывают в окно и разочарованно отходят от него, они мучаются от безделья.

– Саша, – это они ко мне, – ну что нам

делать?

Телевизоров тогда не было, компьютеров и смартфонов тоже, были только книги и журналы. Своим нытьём братья так надоели мне, что я решил перевоспитать их.

– Всё, хватит ныть, садитесь на диван и читайте.

Одному дал книгу «Дружище Тобик», второму – «Приключения Буратино».

– Ты, – приказал одному, – читаешь «от и до», ты тоже – «от и до». Слева на диване сидит Гена, справа – Женя. Открывайте книги.

Братья ворчали, возмущались, но я был непреклонен и, в конце концов, они, как я подумал, смирились со своей участью и принялись за чтение. Я сидел в другой комнате и тоже читал.

Прошло достаточно много времени. Из комнаты, где занимались братья, не доносилось ни звука. Я был почти счастлив, потому что увлечь ребят чтением было моей заветной мечтой. И вот свершилось!

– Интересно, – в то же время подумал я, – неужели они ещё не прочитали заданные им страницы.

Я потихоньку заглянул к ним в комнату: братья лежали на диване и сладко спали, так и не открытые книги лежали рядом с ними. Будить я их не стал. Прошло много-много лет. Женя так и не приучился к чтению, а Гена уже в предпенсионном возрасте приобщился к книге. Лучше поздно, чем никогда.

* * *

Гена приходит из школы. Павлик (*Степанов Павел Владимирович*) спрашивает его.

– Ну и что вы сегодня изучали?

– Ничего, писали сочинение.

– Сочинение? Это интересно, а на какую тему?

– С кого ты хочешь делать свою жизнь?

Ну и с кого ты хочешь делать свою жизнь?

– С Саши.

– Как с Саши, а почему не с меня? Я в университете учусь, а Саша в училище.

– Ну и что. Я хочу с Саши.

* * *

У Жени (*Шаймуратова Евгения Александровна*) на свадьбе не было тамады.

Все постановили, что тамаду «воспитаем в своём коллективе». Назначили Лёшину (*Шаймуратов Алексей Зуфарович*) тётю Зою и Жениного дядю Гену. До поры до времени всё у них получалось, пока дело не дошло до поздравительных телеграмм. Казалось бы, что тут сложного, надо взять телеграмму от отсутствующих родственников и громко прочесть поздравление для молодых.

Зоя взяла первую телеграмму, повертела её в руках и сказала, протягивая её Гене:

– Я не могу прочесть, потому что очки не взяла.

– А я, – ответил ей Гена, – вообще читать не умею.

**ИОНИН
ЕВГЕНИЙ
БОРИСОВИЧ**

мой единокровный брат
по матери (*Степанова
Нина Павловна*). сын
Ионина *Бориса*
Григорьевича, муж
Иониной *Светланы*
Александровны, отец

Иониной Ирины Евгеньевны и Буториной Екатерины Евгеньевны. Он родился, когда наша двоюродная сестра Сычёва Евгения Анатольевна уехала на работу на Дальний Восток. В честь её он и получил имя. А когда он сам служил в армии, родилась моя дочь (Шаймуратова Евгения Александровна), то её называли в честь дяди Жени. В нашей семье нередко давали детям имена, которые уже носили старшие родственники.

* * *

Женя совсем ещё маленький. Заходит домой с прогулки и серьёзным взрослым голосом сообщает:

– А у нас скоро телёнок будет.

– С чего ты взял?

– А я видел, что к нашей корове бык приходил.

– И что?

– А ничего, я знаю, если бык на корову попрыгает, значит, у неё телёнок будет.

* * *

Держит в руках кошку, гладит её, та довольная мурлычит. Под это мурлыканье

говорит:

– Мама, а я раньше думал, что кошки пластилиновые, а они оказывается кожаные.

* * *

Женя с детства любил животных, он знал на нашей улице всех коров, телят, овец, собак и кошек. Однажды мама вела его за руку в детсад и увидела на улице телёнка. Она знала, что Ивановы выпустили его на прогулку в первый раз.

– Женя, а ты знаешь, чей это телёнок?
– спросила мама, надеясь, что его-то он не видел.

– Знаю, – сразу же ответил Женя, – это телёнок Ивановых, они его первый раз на улицу выпустили.

– Господи, – удивилась мама, – а ты откуда это знаешь?

– А я ходил к ним. Они разрешили мне телёночка посмотреть.

Мама только руки развело. Ну что тут можно добавить.

* * *

Отец что-то сделал, что заслуживало похвалы. Взрослые хвалят его, награждают

лестными эпитетами. Пришёл к этой раздаче добрых слов и трёхлетний Женя. Он посмотрел внимательно на отцову работу, потом многозначительно выдал:

– Хорошо сделал. Не каждый дурак додумается.

Сало с тмином

Сало у нас дома солили с тмином. Кто не пробовал этот деликатес, тот не сможет понять суть сибирской кухни. Как-то Женя прислал домой письмо и попросил маму выслать в часть, где он проходил армейскую службу, кусочек сала. Мама, конечно, расстаралась и послала целую посылку. Женя позже рассказывал:

– Обычно у нас, когда кому-нибудь приходила посылка, её раздербанивали за одну минуту. А к моему салу почему-то никто не притрагивался. Подойдут, посмотрят и отходят. Я ем сало, а на душе сомнение, что здесь не так? Подозвал двух друзей украинцев. «Вы почему сало не едите?» Они молча переглянулись и говорят:

– Да так, не хочется.

Женька вскипел:

– Не врете, вы сало и днём и ночью

есть готовы.

– Женька, ты не обижайся, но по твоему салу уже мыши бегали, мы такое есть не можем. Мы брезгуем.

Женька расхохотался:

– Вот хорошо, брезгуйте, мне больше достанется.

* * *

Когда мы с Валей поженились, Женя учился во втором классе. На выходные мы приехали в Серебрянку, чтобы помочь маме убрать картофель. В воскресенье вышли на огород всей семьёй. Основная сила – мы с Валей, мама, Гена помогал тоже. И только Женя, как самый маленький, сидел на куче ботвы и учил стихотворение, которое задали выучить наизусть второму классу к завтрашнему дню.

«Дорого, любо, кормилица нива,
Видеть, как ты колосишься
красиво...»

Он читал книгу и ныл, что стихотворение трудное, что оно не запоминается, что он уже устал. Маме было не до его нытья, а я заинтересовался, почему же он не может одолеть те несколько строк,

которые так искусно написал Некрасов, и которые учёные академики внесли их в учебники по литературе для второго класса и предложили их для заучивания.

– Женья, – обратился к нему я, – давай попробуем выучить стихотворение вместе. Читай первые две строки.

Он прочёл:

– Доро́га, Люба, кормилица нива...

– Стой, стой, – закричал я, – а ты хоть понимаешь, о чём читаешь.

– Понимаю.

– Что же ты понимаешь, какое у тебя первое слово?

– Доро́га.

И тут до меня окончательно дошло, что он не в состоянии запомнить стихотворение потому, что не понимает его содержание. Вроде бы все слова знакомы, но общего смысла стихотворения он уловить не может. Вместо «доро́го» он слышит знакомое слово «доро́га», вместо «любо» – имя соседки Любы, а нива для него это вообще набор звуков, потому что так хлебное поле не называли даже в глухой деревне.

Я не стал настаивать на том, чтобы он

обязательно выучил это непонятное и ненужное ему стихотворение, поругал про себя педагогов-академиков за подбор стихов для второклассников и отпустил брата к друзьям. Стоял тёплый сентябрьский денёк, пусть ребёнок напится последним ароматом уходящего короткого сибирского лета.

* * *

– Давай, Женя, оканчивай школу и в институт. Ты животных любишь, из тебя классный зоотехник получится.

– Ну уж нет. Я ни за какие деньги специалистом не стану.

– А почему?

– Не хочу и всё.

Позже я понял, что он не хотел противопоставлять себя простым сельским работягам.

* * *

В деревне пастух – серьёзная должность. Вакансия на неё, как мне известно, всегда свободна. Женя окончил девятилетку и нанялся на своей улице пасти скотину. Были у некоторых жителей сомнения, они считали, что в случае потери

скота, с малолеток и спроса нет. Это раз. Вторых, работа эта трудная, и они (нанимались они с другом Колей Исаевым) просто физически не справятся с ней. Но поскольку альтернативы им не нашлось, большинство участников схода согласилось доверить животных ребятишкам. И эти люди не прогадали. Женя и Коля честно и добросовестно отпасли скот, заработали хорошие деньги, помогли своим семьям, а также купили одежду к школе.

Не знаю, как Коля, но Женя тогда претворил свою мечту в жизнь – купил себе мотоцикл. Кроме того, он приобрёл уважение односельчан, которое осталось с ним на всю жизнь.

**ИОНИН
МАКСИМ
ГЕННАДЬЕВИЧ**

мой племянник, сын

*Иониных Геннадия
Борисовича и Надежды
Николаевны.*

* * *

Темно, мы едем в Чулым к электричке. Понявшись на Каякскую гриву, вроде как неожиданно для всех, открывается панорама – залитый огнями райцентр Чулым. Для взрослых всё известно, всё как и должно быть, но вот для Максимки – это действительно стало неожиданностью.

– Ого, – воскликнул он, – огней как... – он, видимо, хотел сказать, как в Москве, но сообразил, что Москва – это что-то великое и что-то другое сравнивать с ней нельзя, – как в Ленинграде, – выдохнул он.

Конечно, сравнить Чулым с Ленинградом, по его понятиям, было правильнее, чем с Москвой. А было Максиму в то время лет пять, не более.

Ионина Екатерина Евгеньевна – см.
БУТОРИНА **ЕКАТЕРИНА**
ЕВГЕНЬЕВНА

Ионина Ирина Евгеньевна – см.
БОРИСОВА ИРИНА ЕВГЕНЬЕВНА

Ионина Лилия Геннадьевна – см.
АЛБУЛ ЛИЛИЯ ГЕННАДЬЕВНА

**ИОНИНА
НАДЕЖДА
НИКОЛАЕВНА**

(урождённая Бурлакова),
жена *Ионина Геннадия
Борисовича*, мать *Албул
Лилии Геннадьевны,
Ионина Максима
Геннадьевича* и
Гвоздевой Натальи

Геннадьевны, моя сноха.

* * *

Так уж вышло, что Генин (*Ионин
Геннадий Борисович*) друг Замиралов
Николай женился на Надиной подруге. В то
время без свидетелей регистрировать брак
было нельзя. Пока молодожёны осваивались
в новой обстановке, свидетели сдружились и
уже через несколько недель Гена заслал к
ней сватов. Та согласилась и вскоре из
Бурлаковой превратилась в Ионину. Много
лет она проработала в Серебрянской школе
учителем истории, а потом пошла по следам
Августы Николаевны Бунеевой, перешла на
работу в сельсовет.

Ионина Наталья Геннадьевна – см.
ГВОЗДЕВА НАТАЛЬЯ ГЕННАДЬЕВНА

**ИОНИНА
СВЕТЛАНА
АЛЕКСАНДРОВНА**

(урождённая Карасёва),
жена *Ионина Евгения
Борисовича*, мать *Иониной
Ирины Евгеньевны* и
*Батуриной Екатерины
Евгеньевны*, моя сноха. Она
как-то незаметно вошла в

жизнь нашей семьи, тихая, спокойная.
Училась в медицинском училище, но по
окончании работать по специальности не
стала. Выбрала работу административную
работу.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предуведомление	5
Абиев Джумабай	9
Авралёв Василий Егорович	15
Авралёва Татьяна Михайловна	17
Албул Лилия Геннадьевна	28
Аллен-Дубовская Ольга Геннадьевна	31
Балачан Владимир Фёдорович	37
Бельшев Владимир Дмитриевич	43
Беляев Лука Фёдорович	45
Бирюля	51
Бирюля Афанасий Андреевич	53
Бирюля Виктор Афанасьевич	55
Бирюля Николай Афанасьевич	67
Бирюля Александр Афанасьевич	70
Бирюля Валентина Афанасьевна	71
Бирюля Владимир Афанасьевич	71
Бирюля Екатерина Афанасьевна	72
Бирюля Елена Михайловна	72
Бирюля Павел Афанасьевич	73
Бирюля Пётр Афанасьевич	76
Боброва Людмила Яковлевна	78
«Богатыри»	82
Богдановская Анна Павловна	84
Бойко Владимир Борисович	87

Бойко Светлана Николаевна	90
Борисова Ирина Евгеньевна	92
«Ботаник»	93
Бранивщук Юлия Дмитриевна	94
Быданова Лидия	94
Быданов Михаил	95
Быданов Андрей	95
Быданова Марина	96
Быков Иван Иванович	96
Бунаков Борис Серафимович	99
Бунаков Жорж Серафимович	100
Бунаков Фёдор Серафимович	101
Бунакова Ольга Григорьевна	104
Бунеевы	108
Бунеев Александр Павлович	110
Бунеев Василий Иванович	116
Бунеев Владимир Павлович	120
Бунеев Геннадий Павлович	149
Бунеев Михаил Васильевич	155
Бунеев Павел Васильевич	157
Бунеев Павел Владимирович	161
Бунеева Августа Николаевна	163
Бунеева Ани́сья Серге́евна	167
Бунеева Антонина Павловна	206
Бунеева Валентина Павловна	206
Бунеева Дарья Васильевна	206
Бунеева Елена Павловна	206

Бунеева Ирина Владимировна	206
Бунеева Мария Ивановна	209
Бунеева Нина Павловна	209
Бунеева Таисия Павловна	210
Бурлакова Надежда Николаевна	210
Буторина Екатерина Евгеньевна	210
Вальтер Кондрат Кондратьевич	213
Васильев Геннадий Георгиевич	216
Васильева Елена Геннадьевна	233
Васильева Наталья Геннадьевна	234
Васильева Ольга Геннадьевна	234
Васильева Таисия Павловна	234
Волгодонск	240
Волков Олег Алексеевич	241
Вяткин Юрий Степанович	243
Вяткина Елена Павловна	245
Вяткина Любовь Степановна	247
Гвоздева Наталья Геннадьевна	247
Гудаков Константин Сергеевич	249
«Дедушкины стихи»	250
Демидов Иван Иванович	251
«День и ночь»	256
Детковы	257
Детков Алексей Григорьевич	257
Детков Григорий	258
Детков Михаил Григорьевич	258

Детков Пётр Григорьевич	258
Детков Николай Григорьевич	261
Деткова Анна Григорьевна	267
Деткова Мария Григорьевна	267
Деткова Ольга Григорьевна	267
Деткова Прасковья Даниловна	267
Джебел	271
«Детям»	275
Добридень Леонид Васильевич	275
Добрый Алексей Михайлович	277
Долгаева Любовь Степановна	280
Жмулёв Владимир Анатольевич	281
Закусина Нелли Михайловна	286
Ионин Борис Григорьевич	287
Ионин Геннадий Борисович	298
Ионин Евгений Борисович	303
Ионин Максим Геннадьевич	310
Ионина Екатерина Евгеньевна	311
Ионина Ирина Евгеньевна	311
Ионина Лилия Геннадьевна	311
Ионина Надежда Николаевна	312
Ионина Наталья Геннадьевна	313
Ионина Светлана Александровна	313